

Федеральное государственное бюджетное
научно-исследовательское учреждение
«РОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ ИМЕНИ
Д. С. ЛИХАЧЁВА» (Институт Наследия)

На правах рукописи

ЦРАЕВА Фатимат Владимировна

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ МОНИТОРИНГ
СТУДЕНЧЕСКОГО ВОЛОНТЕРСКОГО ДВИЖЕНИЯ
В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ
(на примере Кабардино-Балкарии)**

5.10.1. Теория и история культуры, искусства

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата культурологии

Научный руководитель:
Коваленко Тимофей Викторович,
кандидат философских наук,

Краснодар
2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1	
Волонтерское движение в системе воспроизводства культуры	20
1.1 Теоретико-методологические подходы к исследованию потенциала волонтерского движения	20
1.2 Потенциал молодежного волонтерского движения в системе стратегических целей государственной культурной политики	48
ГЛАВА 2	
Культурные особенности молодежного волонтерского движения Кабардино-Балкарии	76
2.1 Социокультурный мониторинг жизненного мира волонтера	76
2.2 Характеристика потенциала волонтерского движения студентов вузов Кабардино-Балкарии	95
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	136
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	143
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	179

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования проблем состояния и перспектив развития студенческого волонтерского движения в контексте государственной культурной политики обусловлена несколькими факторами.

Прежде всего следует отметить, что волонтеры составляют наиболее активную часть общества, внося существенный вклад в социально-экономическое развитие безвозмездно или с наименьшими материальными затратами, реализуя тем самым стимулирующий продуктивную деятельность потенциал культуры. Социокультурный мониторинг волонтерского движения в этой связи представляет актуальный срез процессов воспроизводства культуры. Особенно важно выявить и проследить принципы наследования молодежью положительного опыта предшествующих поколений. Благодаря историческим, педагогическим и культурологическим исследованиям молодежи известно, что на переломных этапах истории активная добровольная деятельность молодого поколения во многом предопределяла революционные изменения общественного сознания и влияла в целом на самосознание народов России. Неоднократно политическое руководство Российской Федерации обращалось к молодежи как к опоре в решении прорывных амбициозных задач развития страны. И даже в сложное время пандемии Президент России В. В. Путин в очередной раз подчеркнул важную роль молодежи и студентов в реализации перспективных планов модернизации российского общества¹. Поэтому студенческое волонтерское движение требует особого внимания в аспекте раскрытия его роли в механизмах воспроизводства и изменений культуры как исторически сложившейся системы надбиологических программ жизнедеятельности общества².

---

¹ Встреча с учащимися вузов по случаю Дня российского студенчества // Президент России [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64922> (дата обращения 22.08.2022).

² Стёпин В. С. Культура // Всемирная энциклопедия: Философия. М.: АСТ; Минск: Харвест, Современный литератор, 2001. С. 524–526.

Вторым фактором, обуславливающим актуальность обращения к теме исследования, является слабая изученность регионального аспекта проблемы. Каждый регион Российской Федерации обладает уникальным культурно-историческим наследием. Культура волонтера отдельного региона формируется на волне модернизации общества в контексте уникальных базовых форм культуры (традиции, обычаи, практики) и реализуется в таких нематериальных артефактах как ценностные ориентиры добровольной деятельности. С одной стороны, культурные традиции влияют на региональную специфику волонтерского движения, а с другой – сохранение традиционной культуры народов России является одним из актуальных направлений деятельности волонтеров. Исследование определяющих волонтерство Кабардино-Балкарии ценностей позволяет включить уникальные особенности культуры обозначенного локуса в общий план развития культуры России.

Не менее важен аспект отклика волонтерского движения на задачи общенациональной государственной значимости. В частности, поддержка волонтерами военнослужащих, задействованных в специальной военной операции, их семей, пострадавших граждан, получила высокую оценку. Президент России В. В. Путин, выступая на заседании Государственного Совета, посвященном вопросам реализации молодежной политики в современных условиях 22 декабря 2022 г., подчеркнул, что волонтерство уже стало нормой жизни для многих жителей страны: «Такие неравнодушные и, я не побоюсь этого слова, храбрые, смелые ребята – безусловно, пример для очень-очень многих молодых людей в нашей стране»¹. Глава государства высоко оценил как вклад волонтерства в консолидацию общества, так и важность передачи из поколения в поколение лучших традиций взаимопомощи и безвозмездного труда в общих коллективных интересах.

---

¹ Путин назвал волонтеров в зоне СВО примером для очень многих молодых людей // ТАСС [сайт]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/16665435> (дата обращения 23.02.2023).

В этой связи, участие студенчества, как наиболее организованной части молодежи, в волонтерском движении, ориентированном на реализацию общенациональных задач, включая стратегические цели государственной культурной политики, актуализирует политический аспект обозначенной темы. В частности, в Стратегии государственной культурной политики России на период до 2030 г. обозначено: «Культура сохраняет огромный потенциал для формирования и укрепления гражданской идентичности, обеспечения единства российской нации, сохранения единства культурного и языкового пространства Российской Федерации»¹. Этот потенциал особенно очевиден ввиду коренных трансформаций культуры под влиянием интенсивного развития современных информационных технологий. В новых условиях значительно усиливается фактор неопределенности базовых ценностных приоритетов деятельности, что угрожает единству культурного пространства как фактору социально-экономического развития, национальной безопасности и территориальной целостности государства. Как один из значительных рисков, связанных с тенденцией нарастания гуманитарного кризиса, в Стратегии обозначена «атомизация общества», риск разрыва устойчивых «социальных связей (дружеских, семейных, соседских), рост индивидуализма и пренебрежения к правам других»². Одной из важнейших задач, в этом разрезе, в Стратегии определены поиск, развитие и усиление институтов гражданского общества, способных стать ведущими субъектами государственной культурной политики в ближайшей и долгосрочной перспективе. Возможность объединения молодежи вокруг студенческого волонтерского движения в контексте задач государственной культурной политики, призванного снизить наиболее критические риски социокультурного развития, раскрывает достаточно широкие перспективы в дальнейшем развитии институтов гражданского общества. Поэтому прибавление научного знания о студенчестве как потенциальном субъекте

---

¹ Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420340006> (дата обращения 15.07.2023).

² Там же...

волонтерского движения в контексте задач государственной культурной политики на примере Кабардино-Балкарии представляется крайне актуальной и своевременной задачей, решение которой представляется возможным благодаря юридической определенности понятия волонтерства в общероссийском правовом поле, где «под добровольческой (волонтерской) деятельностью понимается добровольная деятельность в форме безвозмездного выполнения работ и (или) оказания услуг» в социально значимых целях, установленных в пункте 1 статьи 2 федерального закона¹.

Степень разработанности темы характеризуется большим объемом научных работ отечественных и зарубежных ученых, которые можно разбить на несколько блоков.

Первый блок литературы группируется вокруг исследований закономерностей развития культуры и методического сопровождения государственной культурной политики (О. Н. Астафьева, О. Ю. Астахов, Л. Е. Востряков, И. И. Горлова, А. С. Запесоцкий, Л. Б. Зубанова, А. Д. Жарков, С. Ю. Житенёв, Т. В. Коваленко, А. И. Кугай, В. Ю. Музычук, С. Б. Синецкий, А. В. Швецова и др.)². Их дополняют отдельные работы,

---

¹ Федеральный закон от 11.08.1995 № 135-ФЗ (ред. от 21.11.2022) «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7495/891985ee83f1494ecbb7542502a3f5d0d07d325e/ (дата обращения 20.04.2023).

² Астафьева О. Н. Концептуализация и согласование конкурирующих дискурсов: теория культурной политики // Обсерватория культуры. 2021. Т. 18. № 6. С. 574–585.; Астафьева О. Н., Горенкин В. А., Швецова А. В. Социокультурная политика в российской федерации: стратегии, уровни, инновации. – Симферополь, 2019.; Волков В. А., Востряков Л. Е. Консервативный реализм как идеология современной государственной культурной политики России // Культура и образование. 2022. № 3. С. 14–20.; Горлова И. И., Коваленко Т. В., Бычкова О. И. Культурная жизнь российской провинции: состояние, тенденции, противоречия (на примере Краснодарского края) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2018. № 30. С. 28–36.; Жарков А. Д. Государственная культурная политика на современном этапе: социально-культурный аспект // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 4. С. 116–123.; Ивлиев С. В., Астахов О. Ю., Двуреченская А. С. Взаимодействие органов местного самоуправления и органов власти субъектов Российской Федерации в реализации государственной культурной политики // Сибирский антропологический журнал. 2022. Т. 6. № 1. С. 221–229.; Кугай А. И., Баранова А. С. Основания государственной политики в сфере развития молодежного добровольческого движения // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2019. Т. 10. № 2. С. 124–137.; Культуроцентристская модель высшего образования / науч. ред. А. С. Запесоцкий. СПб., 2010.; Музычук В. Ю. Общественные организации в сфере культуры России: потенциал самоорганизации // Вестник Института экономики РАН. 2021. № 5. С. 7–30.; Ориентиры культурной политики XXI века: актуальные исследовательские тренды: кол. монография / Л. Б. Зубанова, С. Б. Синецкий [и др.]. – Челябинск, 2019.; Региональная культурная политика: методология, институты, практики (ценностно-нормативный подход) / И. И. Горлова, Т. В. Коваленко [и др.]: кол. моногр. М., 2019.; Синецкий С. Б. Волонтерство в контексте культурной политики современной России. Челябинск, 2006.; и др.

раскрывающие антропологические аспекты формирования и развития надбиологических программ жизнедеятельности общества (Т. Б. Веблен, А. ван. Генеп, Х.-Г. Гадамер, Л. Н. Коган, В. С. Стёпин, Г. П. Щедровицкий, А. Я. Флиер и др.)¹ и историю волонтерского движения в России (Г. В. Алферова, М. И. Барсуков, С. В. Бородин, И. И. Веремеенко, Н. И. Горлова, В. А. Ливцов, О. Н. Пашкевич, П. Н. Сердюков, А. С. Туманова и др.)². Эти группы исследований позволяет определить место молодежного волонтерского движения в системе воспроизводства культуры.

Второй блок объединяет труды, посвященные проблематике современного общества, институализации молодежной субкультуры и места института культурного наследования в нем (К. А. Абульханова-Славская, Д. Бел, Н. Г. Бондаренко, А. А. Володин, Н. М. Галимуллина, О. Н. Коршунова, К. Левин, Е. А. Писаренко, В. Н. Пустовойтов, Л. В. Фалеева, Д. Хебдидж, О. А. Шульга, А. И. Юдина и др.)³. Накопленный

---

¹ Веблен Т. Б. Теория праздного класса. М., 2011.; Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988.; Генеп А. ван Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М., 1999.; Коган Л. Н. Личность. Культура. Общество. Избранные труды 1961–1997 гг. Екатеринбург: Маска, 2009.; Стёпин В. С. Культура // Новая философская энциклопедия. М., 2010. Т. 2. С. 341–347.; Флиер А. Я. Феномен культурной формы // Культура культуры. 2020. № 2. С. 2.; Щедровицкий Г. П. О методе исследования мышления. М., 2006.; и др.

² Алферова Г. В. Памятник русского зодчества в Кадашах: история его реставрации. М., 1974.; Барсуков М. И. Красный Крест и Красный Полумесяц СССР: краткий исторический очерк. М., 1955.; Бородин С. В., Веремеенко И. И. Участие общественности в охране общественного порядка. М., 1980.; Горлова Н. И. Добровольчество в истории России: опыт социальной практики помощи. М., 2020.; Ливцов В. А., Демидов А. Г. Влияние движения добровольных помощников-реставраторов на сохранение историко-культурного наследия в России // Вестник государственного и муниципального управления. 2023. № 1. С. 55–56.; Пашкевич О. Н., Сердюков П. Н. Бригады коммунистического труда и технический прогресс. Минск, 1962.; Туманова А. С. Система взаимодействия публичной власти и общественных организаций в Российской империи, РСФСР и СССР: сравнительный анализ моделей // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Общественные науки. 2017. Т. 3. № 1. С. 35–42.; и др.

³ Абульханова-Славская, К. А. Время личности и ее жизненного пути // Институт психологии РАН. Человек и мир. 2017. Т. 1. № 1. С. 165–200.; Володин А. А., Бондаренко Н. Г. Анализ содержания понятия «организационно-педагогические условия» // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. № 2. С. 143–152.; Галимуллина Н. М., Коршунова О. Н. Общекультурные компетенции в образовательном процессе высшей школы // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 11. С. 646–667.; Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб., 2000.; Писаренко Е. А. Информационное культурно-образовательное пространство вуза как фактор повышения социальной компетенции студентов гуманитарных вузов // Информационные технологии в гуманитарном образовании. Пятигорск, 2009. С. 366–371.; Пустовойтов В. Н. Познавательная самостоятельность – ключевая компетенция и компетентность личности // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2010. № 3. С. 290–249.; Фалеева Л. В. Модель внеучебной воспитательной деятельности вуза как фактор повышения культуры студенческой молодежи // Новое слово в науке: стратегии развития. Чебоксары, 2017. Т. 1. С. 121–124.; Шульга О. А. Педагогические условия стимулирования познавательной самостоятельности личности // Среднее профессиональное образование. 2010. № 4. С. 16–18.; Юдина А. И. Формирование социально-культурной толерантности студенческой молодежи в образовательной среде вуза // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 5. С. 168–170.; Bell D. The Social Framework of the Information Society // The

теоретический опыт позволяет рассматривать молодежь как особую социальную группу, добровольная деятельность которой обеспечивает социальный механизм передачи культурного опыта из поколения в поколение.

Третий блок составляют работы, раскрывающие подходы к научно-методическому обеспечению воспитания молодежи средствами организации добровольной общественной деятельности (Г. М. Андреева, А. Г. Асмолов, Н. Н. Богомолова, И. В. Бобрышева, М. Н. Дудина, А. Д. Жарков, А. А. Жаркова, В. Т. Кудрявцев, Б. Б. Хубиев, С. В. Юрманова и др.)¹. Современная педагогическая теория фиксирует высокую значимость волонтерской деятельности для воспитания необходимых обществу личностных качеств.

Четвертый блок литературы посвящен исследованиям молодежного волонтерского движения. Преимущество здесь остается за зарубежными учеными (Х. К. Анхейер, С. Вонгватунью, К. Гаскин, Р. Лист, Э. Дж. Портер, Л. М. Саламон, Дж. Д. Смит, С. В. Соколовски, Дж. Стюарт, С. Топлер, Ф. Фуэнтес, С. Хоулетт, А. Эллис и др.)², приоритет же в исследованиях российской молодежи, включая региональный аспект, принадлежит отечественным ученым (Г. Г. Алексеева, Н. Ю. Бобылева, А. А. Ведерников,

---

Microelectronics Revolution. Oxford, 1980. – P. 500–549.; Hebdige D. Subculture: The meaning of style. L.; N. Y., 1979.; Юрманова С. В. Добровольчество в сфере культуры: нормативно-правовой аспект // Библиотечное дело. 2019. № 5. С. 38–39.; и др.

¹ Андреева Г. М. Социальное познание и социальные проблемы // Национальный психологический журнал. 2013. № 1. С. 39–49.; Асмолов А. Г., Кудрявцев В. Т. Культурно-историческая психология – «наука о свободе» // Вестник РГГУ. Сер.: Психология. Педагогика. Образование. 2017. № 1. С. 18–37.; Бобрышева И. В. Профессионализм современного учителя с позиций разных моделей педагогической деятельности // Инновации в образовании. 2009. № 2. С. 11–17.; Богомолова Н. Н. Социальная психология массовой коммуникации. СПб., 2010.; Дудина М. Н. Проблема исследования ассертивности молодежи в педагогической социологии // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования. Екатеринбург, 2017. С. 723–734.; Жарков А. Д. Теория и технология культурно-досуговой деятельности. М., 2007.; Жаркова А. А. Парадигмальный подход к социально-культурной деятельности молодежи в современной ситуации // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 3. С. 106–112.; Шереужева О. Х., Хубиев Б. Б. Теория молодежи как методология исследования молодежной культуры и субкультуры // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2020. № 1. С. 25–30.; и др.

² Gaskin K., Smith J. D. A New Civic Europe? L., 1997.; Global Civil Society: Dimensions of the Non-profit Sector / L. M. Salamon, H. K. Anheier, R. List [and etc.]; Johns Hopkins University. Baltimore, Maryland, 1999.; Smith J. D., Ellis A., Gaskin K., Howlett S., Stuart J. Volunteering Impact Assessment Toolkit: A Practical Guide for Assessing the Difference that Volunteering Makes. L., 2015.; Wongvatuny S., Porter E. J. Helping Young Adult Children with Traumatic Brain Injury: The Life-World of Mothers // Qualitative Health Research. 2008. Vol. 18. Is. 8. P. 1062–1074.; и др.

А. В. Ермилова, Г. Е. Зборовский, И. А. Исакова, И. С. Миндарова, Т. Г. Нежина, М. В. Никонов, М. В. Певная, К. А. Петухова, Н. В. Проказина, В. Н. Стегний, Н. И. Чечеткина, Н. Н. Хатнюк и др.)¹. Выделяются из четвертого блока социологические и социально-психологические исследования жизненного мира человека и отдельных социальных групп (М. Акри, Ф. Е. Василюк, Дж. Врубель, Л. С. Выготский, С. Гудман, К. С. Дивисенко, С. Фолкман, Ю. Хабермас и др.)², позволяющие экстраполировать накопленный теоретический опыт в область исследования жизненного мира студента-волонтера, во многом характеризующего авангард молодежной субкультуры.

В пятый блок входят отдельные исследования вопросов социальной коммуникации в современном информационном обществе (Р. Т. Крэйг, М. Маклюэн, А. Моль, Е. В. Поликарпова, Э. Тоффлер, К. Трейси, О. В. Шлыкова и др.)³. Без учета современных тенденций в развитии социальной коммуникации сегодня сложно представить междисциплинарную

---

¹ Алексеева Г. Г. Семейное волонтерство как фактор формирования культуры добровольчества (на примере Республики Саха (Якутия)) // Теория и практика общественного развития. 2022. № 3. С. 21–25.; Ермилова А. В., Исакова И. А. Специфика волонтерской деятельности в современной России: региональные практики // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. № 4. С. 48–57.; Зборовский Г. Е., Певная М. В., Ведерников А. А. Волонтерство в пространстве регионального управления (кейс Свердловской области) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2018. № 4. С. 10–25.; Нежина Т. Г., Петухова К. А., Чечеткина Н. И., Миндарова И. С. Мотивация участия молодежи в волонтерском движении // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. № 3. С. 49–71.; Проказина Н. В., Бобылева Н. Ю., Хатнюк Н. Н. Реализация добровольческого (волонтерского) потенциала в России // Научный результат. Социология и управление. 2019. № 2. С. 47–56.; Стегний В. Н., Никонов М. В. Мотивация волонтерской деятельности // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2018. № 1. С. 146–156.; и др.

² Василюк Ф. Е. Психология переживания. М., 1984.; Выготский Л. С. Педагогическая психология. М., 1991.; Дивисенко К. С. Социальные исследования жизненного мира // Социологический журнал. 2014. № 1. С. 6–20.; Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности. М., 2022.; Wrubel J., Acree M., Goodman S., Folkman S. End of Living: Maintaining a Lifeworld During Terminal Illness // Psychology & Health. 2009. Vol. 24. Is. 10. P. 1229–1243.; и др.

³ Маклюэн М. Понимание медиа. М.; Жуковский, 2003.; Моль А. Социодинамика культуры. М., 2008.; Поликарпова Е. В. Воздействие современных информационно-коммуникационных технологий на сознание человека и конструирование социальной реальности: дис. д-ра филос. наук. Ростов н/Д, 2011.; Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2010.; Шлыкова О. В. Цифровое потребление культурного контента в условиях «новой нормы» дистанционного мира // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 5. С. 160–169. DOI: 10.24412/1997-0803-2020-597-160-169.; Craig R. T. Communication Theory as a Field // Communication Theory. 1999. Vol. 9. Is. 2. P. 119–161; Craig R. T. Communication in the Conversation of Disciplines // Russian Journal of Communication. 2008. Vol. 1. Is. 1. P. 7–23.; Craig R. T., Tracy K. Building Grounded Practical Theory in Applied Communication Research: Introduction to the Special Issue // Journal of Applied Communication Research. 2014. Vol. 42. Is. 3. P. 229–243.; и др.

область культурологических обобщений при комплексном изучении феномена современной культуры.

Отдельный блок литературы составляют научно-методические труды российских исследователей, организаторов и практиков, посвященные сопровождению и совершенствованию управления молодежного волонтерского движения (С. Н. Абакумов, Ю. С. Белановский, Е. С. Белецкая, Л. И. Быстрова, Л. В. Галиханова, Н. И. Горлова, А. В. Губани, А. В. Ивиева, Е. В. Крутицкая, А. Ф. Кушхова, А. О. Лагутин, А. П. Метелев, Ю. С. Путрик, А. П. Соловьёв и др.)¹. В этом блоке ценны обобщения накопленного практического опыта и конкретные практические рекомендации, раскрывающие социальную роль молодежного волонтерского движения в современном российском обществе.

Обзор литературы позволяет зафиксировать, что комплексное изучение волонтерского движения в контексте задач государственной культурной политики на примере Кабардино-Балкарии требует, во-первых, культурологического обобщения широкого спектра специальных исследований, а во-вторых, разработки оптимального механизма социокультурного мониторинга волонтерского движения в интересах государственной культурной политики, включая региональный аспект развития молодежного волонтерского движения Кабардино-Балкарии.

---

¹ Абакумов С. Н. Особенности и практика по привлечению волонтеров в сфере культуры к работам по сохранению и популяризации объектов культурного наследия // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия. М., 2022. С. 36.; Атабиева З. А., Кушхова А. Ф. Ценностные ориентации современной молодежи как предметное поле социальной работы // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–1. С. 1472.; Методические рекомендации по развитию сети волонтерских центров инклюзивного добровольчества / ред.-сост. Л. И. Быстрова, Л. В. Галиханова, Е. В. Крутицкая. М., 2018.; Методические рекомендации по формированию добровольческих (волонтерских) центров на базе образовательных организаций среднего профессионального и высшего образования / А. П. Метелев, Е. С. Белецкая, А. О. Лагутин [и др.]. М., 2019.; Организация добровольческой (волонтерской) деятельности и взаимодействие с социально ориентированными НКО: учебник / ред. И. В. Мерсиянова. М., 2022.; Путрик Ю. С. Проблемы формирования качественной культурной среды как фактора устойчивого развития региона // Культурологический журнал. 2020. № 2. С. 5.; Сборник лучших волонтерских практик в сфере культуры Свердловской области / Министерство культуры Свердловской области. Екатеринбург, 2022.; Соловьёв, А. П. Система организации волонтерских практик по сохранению и популяризации объектов культурного наследия в регионах России // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия. М., 2022. С. 185.; Стандарт работы организатора добровольческой / волонтерской деятельности / А. П. Метелев, А. В. Губани, А. В. Ивиева. М., 2021.; и др.

Проблема исследования, таким образом, включает в себя теоретическую и практическую составляющие. Теоретическая составляющая ориентирована на поиск достаточных оснований формирования субъектности молодежного волонтерского движения и его потенциала в культуре России для решения актуальных задач государственной культурной политики. Практическая же составляющая заключается в разработке на научной основе технологии социокультурного мониторинга потенциала волонтерского движения в интересах государственной культурной политики, включая региональный аспект.

Объект исследования: современное волонтерское движение в системе стратегических целей государственной культурной политики.

Предмет исследования: потенциал студенческого волонтерского движения Кабардино-Балкарии в решении задач государственной культурной политики.

Целью работы является разработка на научной основе технологии социокультурного мониторинга студенческого волонтерского движения в интересах государственной культурной политики, включая региональный аспект, для раскрытия потенциала волонтерского движения в решении задач государственной культурной политики Российской Федерации.

Поставленная цель требует решения **комплекса задач:**

1. Изучить теоретические и научно-методические подходы к исследованию потенциала волонтерского движения в решении задач государственной политики.
2. Адаптировать существующие методики мониторинга волонтерства для диагностики и управления потенциалом волонтерского движения Кабардино-Балкарии в контексте задач государственной культурной политики.

3. Разработать модель социокультурного мониторинга потенциала студенческого волонтерского движения в интересах государственной культурной политики.

4. Апробировать разработанную модель социокультурного мониторинга студенческого волонтерского движения для характеристики потенциала студенческого волонтерского движения ведущих вузов Кабардино-Балкарии в решении задач государственной культурной политики Российской Федерации.

Хронологические рамки исследования имеют узкое специальное измерение и широкое общетеоретическое, – возникшее в результате необходимости понимания волонтерского движения как исторически развивающегося феномена в России и за рубежом. В историческом контексте добровольная деятельность вплетена в механизм культурного наследования, без которого не обходится ни одно общество. Поэтому нижний предел исторической ретроспективы трудно однозначно определить. Можно лишь указать, что он охватывает исторически обозримое прошлое и ограничивается первыми десятилетиями XXI в., когда волонтерство становится предметом пристального теоретического внимания. Узкие специальные пределы заданы временем подготовки модели социокультурного мониторинга волонтерского движения в интересах государственной культурной политики России (2020), ее апробации в рамках опроса студентов ведущих вузов Кабардино-Балкарии (2021) и обработки полученных эмпирических данных (2022–2023).

Территориальные границы исследования определяются, с одной стороны, региональной спецификой сбора эмпирических данных, – административной территорией Кабардино-Балкарской Республики. С другой, полученные результаты потребовали сравнения с данными о волонтерском движении на территории других регионов России. В итоге можно констатировать, что территориальные рамки определяются распространением единого правового поля культурной политики современной России.

Источники исследования представлены тремя основными блоками:

- практический опыт социокультурного мониторинга волонтерского движения в России и за рубежом, отраженный в научной периодике;
- нормативная база культурной политики и волонтерского движения в России, отраженная в федеральном и региональном законодательстве;
- эмпирические данные, собранные диссертантом в ходе экспериментальной апробации авторской модели социокультурного мониторинга волонтерского движения в интересах государственной культурной политики Российской Федерации.

Методология и методы исследования сложились в комплекс в процессе осмысления деятельностного и ценностно-нормативного подходов отечественной культурологии (Л. Н. Коган, Г. П. Щедровицкий, А. Я. Флиер, А. Д. Жарков и др.), институционально-культурологического подхода к изучению региональной культурной политики (О. Н. Астафьева, И. И. Горлова и др.), а также результатов социально-психологических исследований волонтерского движения.

Потенциал студенческого волонтерского движения Кабардино-Балкарии рассматривается как совокупность ценностных приоритетов добровольной деятельности студентов, влияющих на формирование их личностных и гражданских качеств, соответствующих целевой установки государственной культурной политики Российской Федерации на создание условий общенационального единства и выработки общегражданской идентичности.

Деятельностный подход позволяет рассматривать предмет исследования в качестве исторически сложившейся системы надбиологических программ жизнедеятельности общества. Волонтерская деятельность, с одной стороны, обусловлена некоторой совокупностью уже сложившихся программ, а с другой – сама участвует в развитии программ жизнедеятельности общества, т. е. является одним из значимых механизмов в системе воспроизводства культуры.

Социологические методики позволили разработать и экспериментально апробировать модель социокультурного мониторинга потенциала студенческого волонтерского движения для решения диагностических, дидактических и управленческих задач, провести социологический опрос студентов ведущих вузов Кабардино-Балкарии, проанализировать полученные эмпирические данные и охарактеризовать предмет исследования.

Синтез этих подходов позволил подчинить задачам исследования комплекс общенаучных (анализ, синтез, сравнение, обобщение, восхождение от абстрактного к конкретному) и конкретно-научных методов (социологический опрос, качественные и количественные методы анализа эмпирических данных).

Научная новизна диссертации состоит в том, что:

1. Изучен и установлен теоретический базис, позволяющий рассматривать волонтерское движение в качестве потенциального субъекта государственной культурной политики.
2. Адаптирован к задачам диагностики, дидактики и управления потенциалом молодежного волонтерского движения Кабардино-Балкарии метод социологического опроса.
3. Разработана модель социокультурного мониторинга волонтерского движения в интересах государственной культурной политики Российской Федерации для решения диагностических, дидактических и управленческих задач.
4. Проведена экспериментальная апробация модели социокультурного мониторинга волонтерского движения в интересах государственной культурной политики Российской Федерации на примере студентов-волонтеров ведущих вузов Кабардино-Балкарии, собран и введен в научный оборот новый эмпирический материал.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Существующие теоретические и научно-методические подходы позволяют рассматривать социальный феномен волонтерского движения в качестве потенциального субъекта государственной культурной политики, осуществляющего практику обмена свободного времени на опыт социализации / инкультурации в социальной среде, на положительную оценку результатов добровольной деятельности государством и социальными институтами. Эта практика непосредственно стимулирует воспроизводство и модернизацию культуры как исторически развивающейся системы надбиологических программ жизнедеятельности общества в плане обмена культурным опытом между поколениями.

2. Субъектность волонтерского движения выходит за рамки официального нормотворческого дискурса, стимулируя саморазвитие и модернизацию общественных отношений. В этом состоит, прежде всего, общесистемная функция молодого поколения в системе воспроизводства культуры. Одновременно волонтерская деятельность стимулирует выработку у молодого поколения просоциальных ценностных установок добровольного труда и базовые черты гражданственности, свойства личности, обеспечивающие гражданскую позицию и российскую общегражданскую идентичность. Соответственно, молодежное волонтерское движение как потенциальный субъект государственной культурной политики способно выполнять функцию оптимизации усилий общества по формированию у молодежи просоциальных личностных качеств.

3. Разработана и апробирована экспериментальная модель социокультурного мониторинга волонтерского движения в интересах государственной культурной политики Российской Федерации. Она позволила диагностировать кризис жизненного мира студента-волонтера, как смену парадигмы ценностных приоритетов и мотиваций волонтерской деятельности в период обучения в вузе. Студенческая жизнь, включающая широкий спектр

волонтерской деятельности, значительно расширяет жизненный мир формирующейся личности, поэтому обострение когнитивного диссонанса в этом возрасте неизбежно. Предложенная модель социокультурного мониторинга волонтерского движения позволяет в табличной форме собирать обезличенные данные и осуществлять корректировку управления молодежным волонтерским движением в интересах формирования просоциальных ценностных установок личности и активной гражданской позиции.

4. Внедрение предложенной экспериментальной модели социокультурного мониторинга волонтерского движения раскрывает перспективы совершенствования методов управления волонтерским движением в интересах реализации задач государственной культурной политики. От степени вовлеченности молодежи в решение стратегических задач развития культуры региона и страны зависит уровень субъектности волонтерского сообщества и его потенциала в реализации задач государственной культурной политики Российской Федерации.

Теоретическая и практическая ценность результатов исследования заключается в формировании теоретической и эмпирической базы для анализа потенциала волонтерского движения Кабардино-Балкарии и выработки конкретных предложений по совершенствованию практики управления волонтерским движением.

Теоретическая значимость исследования заключается в расширении научных представлений о роли волонтерского движения в механизме воспроизводства и модернизации культуры как исторически развивающейся системы надбиологических программ жизнедеятельности общества. Апробированные авторские решения в рамках экспериментальной модели социокультурного мониторинга волонтерского движения дополняют и развивают существующие социологические и психологические опросные

методы, способствуют внедрению передовой теории в управленческую и социокультурную практики.

Практическая значимость работы состоит в создании и экспериментальной апробации модели социокультурного мониторинга волонтерского движения, раскрывающей перспективы совершенствования методов управления молодежным волонтерским движением в интересах реализации задач государственной культурной политики. Практические результаты исследования позволили предложить рекомендации по внедрению средств социокультурного мониторинга волонтерского движения для научного обоснования принятия решений, которые могут быть полезны в педагогических, социокультурных и управленческих практиках.

Важнейшим наблюдением из проделанной работы, имеющим практическую ценность для методического обеспечения реализации задач государственной культурной политики, является возможность применения и дальнейшего совершенствования новейших информационно-коммуникационных технологий, а также электронных средств сбора и обработки данных о молодежном волонтерском движении в реальном времени с учетом региональной специфики.

Личный вклад соискателя состоит в:

- постановке проблемы изучения волонтерства как потенциального субъекта государственной культурной политики на примере волонтерской деятельности студентов Кабардино-Балкарии;
- авторизации методов сбора эмпирических данных, качественных и количественных приемов их обработки;
- разработке и апробации экспериментальной модели социокультурного мониторинга волонтерского движения;
- выявлении особенностей ценностных приоритетов волонтерской деятельности студентов ведущих вузов Кабардино-Балкарии;

– методических рекомендациях по внедрению экспериментальной модели социокультурного мониторинга волонтерского движения в социально востребованные практики.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Тема и содержание диссертации соответствуют научной специальности 5.10.1. Теория и история культуры, искусства по отрасли культурология, в том числе пунктам: п. 13. Механизмы взаимодействия ценностей и норм в культуре и истории; п. 32. Культура и общество. Социокультурная динамика; п. 34. Культура и субкультуры. Региональные, возрастные и социальные ориентации различных групп населения в сфере культуры; п. 37. Личность и культура. Индивидуальные ценности. Творческая индивидуальность; п. 38. Культура и коммуникация. Межкультурные коммуникации; п. 44. Культурная политика общества, национальные и региональные аспекты культурной политики. Государственная и негосударственная культурная политика; п. 48. Система распространения культурных ценностей и приобщения населения к культуре; п. 49. Институты культуры и их функции в обществе, проблематика которых рассмотрена в системной взаимосвязи, раскрывающей предмет исследования (потенциал волонтерского движения Кабардино-Балкарии в решении задач государственной культурной политики).

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Степень достоверности работы обусловлена комплексным изучением студенчества как субъекта волонтерского движения в контексте государственной культурной политики на примере волонтерской деятельности студентов Кабардино-Балкарии.

По теме исследования опубликованы 14 научных работ. Основные результаты диссертационного исследования изложены в 3 статьях, опубликованных в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации по научной специальности 5.10.1. Теория и история культуры,

искусства; 2 статьях – рекомендованных по другим гуманитарным научным специальностям, и других публикациях, включая методическую разработку «Воспитательная система Северо-Кавказского государственного института искусств» (Нальчик, 2021).

Основные положения и выводы диссертационного исследования обсуждались на научно-практических конференциях разных уровней, среди которых наиболее значимы: VII международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых ученых» (Грозный, 28–29 мая 2021 г.), VIII международная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы организации волонтерской деятельности в рамках подготовки к крупным международным мероприятиям: лингвопереводческий, психолого-педагогический, организационно-управленческий и социальный аспекты» (Красноярск, 11–12 ноября 2021 г.), VIII международный научный форум «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия» (Краснодар, 22–25 сентября 2022 г.). Отдельные положения и результаты исследования обсуждались на заседании Ученого совета ФГБОУ ВО «Северо-Кавказский государственный институт искусств» и внедрены в концепцию воспитательной работы вуза.

Структура работы состоит из введения, двух глав, разделенных на два параграфа, заключения, списка использованной литературы из 287 наименований, а также включает приложение на 18 страницах. Общий объем работы составляет 198 страниц.

ГЛАВА 1

ВОЛОНТЕРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В СИСТЕМЕ ВОСПРОИЗВОДСТВА КУЛЬТУРЫ

1.1 Теоретико-методологические подходы

к исследованию потенциала волонтерского движения

Студенчество, как социальное и культурное явление, изучается целым комплексом социально-гуманитарных наук, в котором культурология занимает интегрирующее междисциплинарное поле. Чтобы рассмотреть студенческое волонтерское движение комплексно требуется междисциплинарный системный подход, позволяющий проследить взаимосвязь различных социально-исторических явлений в общую канву развития современного феномена. Культурология, в силу ее междисциплинарного положения, позволяет экстраполировать накопленные различными социально-гуманитарными науками знания в общую плоскость системных представлений о культурном феномене, к которому следует отнести и феномен культуры студента-волонтера.

Прежде всего, необходимо рассмотреть исторический ракурс существования волонтерского движения.

В отечественной историографии вопросам волонтерского движения уделяется особое внимание уже в первой половине XX в. (П. Витолин, С. Глуховский, М. Эскин, Э. Якубовский и др.)¹. В советской историографии закрепились идеологически ангажированная традиция рассматривать

---

¹ Витолин П. Десять лет рабочего шефства. М., 1933; Глуховский С. Массовая оборонная работа профсоюзов. М., 1941; Эскин М. Основные пути развития социалистических форм труда. М.; Л., 1935; Якубовский Э. Профсоюзы в борьбе за коллективизации в деревне. М.; Л., 1930.

волонтерство как феномен исключительно послереволюционного времени (Г. В. Алферова, М. И. Барсуков, С. В. Бородин, О. Н. Пашкевич и др.)¹. Хотя без добровольцев невозможно себе представить ни народовольцев, ни рабочее движение в дореволюционной России. Без добровольного участия граждан невозможно представить деятельность Императорского географического общества, Русского музыкального общества и др. добровольных организаций, внесших свой вклад в Золотой век российской культуры. В советское время в силу определенных установок государственной политики добровольчество обретает особый размах. Этот феномен попадает и в оптику зарубежных ученых (С. Харпер, М. Левин, Ш. Фицпатрик и др.)². В современной российской историографии феномен волонтерства рассматривается намного шире (Н. И. Горлова, Л. А. Кудринская, С. В. Синецкий, А. С. Туманова и др.)³.

В исторической науке утвердилось понимание волонтерства как сложного социального и культурного феномена, приобретавшего в разные времена особые формы проявления, различный размах и уникальные цели, но отличавшегося всегда массовой общественной поддержкой. Студенческое же волонтерское движение имеет особенности, связанные, прежде всего, с формированием самого студенчества как социального и культурного феномена.

Студенчество как феномен культуры складывается вокруг европейского университета, который в свою очередь многое позаимствовал у

---

¹ Алферова Г. В. Сохраним памятники архитектуры. М., 1971; Барсуков М. И. Красный Крест и Красный Полумесяц СССР: Краткий исторический очерк. М., 1955; Бородин С. В. Участие общественности в охране общественного порядка. М., 1980; Пашкевич О. Н., Сердюков П. Н. Бригады коммунистического труда и технический прогресс. М., 1962.

² Harper S. Civic Training in Soviet Russia. Chicago, 1929.; Levin M. The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia. N. Y., 1985.; Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е гг. М., 2008.

³ Горлова Н. И. Добровольчество в истории России: опыт социальной практики помощи. М., 2020.; Горлова Н. И. Волонтерство в России и за рубежом: исторический опыт и современное состояние сохранения культурного наследия. Краснодар, 2020.; Кудринская Л. А. Добровольческий труд: опыт теоретической реконструкции. М., 2006.; Синецкий С. Б. Эволюция добровольчества: история становления новой социальной парадигмы // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2006. № 17. С. 104–107.; Туманова А. С. Система взаимодействия публичной власти и общественных организаций в Российской империи, РСФСР и СССР: сравнительный анализ моделей // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Общественные науки. 2017. Т. 3. № 1. С. 35–42.

древнегреческой школы. В частности, коллектив Санкт-Петербургских ученых обратил внимание, что афинская школа риториков (176 до н. э.) уже подразделялась на кафедры (8 философских и 2 юридических), так же как в дальнейшем высшие школы Древнего Рима (I в. н. э.) и первые европейские университеты с момента их появления¹. Без сомнений нельзя не упомянуть музей Александрийской библиотеки (II в. до н. э.) и буддистский университет в Наланде (V в. н. э.), книжные сокровища которых на столетия стали местами притяжения ученых и мыслителей со всего света, организовывавшие, в том числе, вокруг себя сообщества адептов недоступных простому обывателю знаний. Не случайно и европейский университет организуется вокруг библиотек и «сокровищниц» свидетельств божественного присутствия: коллекций артефактов, наделенных сакральным значением и чудодейственными качествами.

Сравнение истории древних цивилизаций со становлением культуры средневековой Европы позволяет высказать предположение, что на определенном этапе развития общество достигает некоторого уровня сложности социальных отношений, регуляция которых требует специализированного социального института передачи накопленного предшествующими поколениями опыта молодежи. Зафиксировать появление такого института позволяют свидетельства о практиках организации молодежи вокруг отдельных образовательных центров, связанных с отрывом молодых людей от семьи. Когда семья, как базовая ячейка общества, не справляется с необходимым для функционирования общества объемом передаваемого молодежи опыта, возникает социальный запрос на специализированный социальный институт, восполняющий образовавшийся пробел в системе воспроизводства культуры.

Хозяйственный механизм университета, основанный на обмене объектов нематериальной культуры (знаний, опыта) на материальные ценности (прежде

---

¹ Родина Л. Л., Николаева Н. В., Пономарёв А. И. Из истории университетов // Вестник СПбГУ. Сер. 4.: Физика. Химия. 2015. № 4. С. 405–427.

всего на результаты физического труда), заимствуется из культовых практик. В том числе заимствуются и практики безвозмездного труда для общественной пользы: сборы церковных пожертвований, сельскохозяйственный и ремесленный труд, книгохранение, книгоиздательство и др. Хотя далеко не весь безвозмездный труд в различных социально-исторических условиях каждой конкретной культуры был добровольным. Для выделения из общего объема труда именно добровольного необходимы определенные культурные условия, определенным образом сформированные общественные отношения.

В большинстве культур для материально обеспеченного и политически привилегированного класса безвозмездный добровольный труд (меценатство, благотворительность и пр.) был нормой утверждения социального статуса¹. По мысли Т. Веблена, для праздного класса расходы по утверждению особого социального статуса в разные исторические времена окупались за счет экспорта образа жизни, позволявшего сохранять привилегированное положение в обществе². При отсутствии же материального и политического ресурса для сохранения за безвозмездным трудом свободного добровольного статуса, сохраняющего за субъектом привилегированное социальное положение, труд легко превращается в подневольный – в трату времени и сил в чьих-либо интересах, зачастую идущих в разрез с интересами самого субъекта «добровольной» деятельности. Соответственно, добровольное участие студенческой молодежи в хозяйственной жизни европейского университета на историческом этапе его становления (XIII–XIV вв.) сложно считать волонтерством в современном понимании, но корни студенческого волонтерского движения, позволяющие рассматривать его в качестве феномена, имеющего исторически сложившуюся культурную форму³, переплетены с историей западного университета как развивающегося социального института воспроизводства культуры.

---

¹ Геннеп А., ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М., 1999.

² Веблен Т. Б. Теория праздного класса. М., 2011.

³ Флиер А. Я. Феномен культурной формы // Культура культуры. 2020. № 2. С. 2.

Следует выделить два основных объективных фактора возникновения волонтерства в студенческой среде: 1) наличие свободного времени у студента, позволяющего осуществлять деятельность, не детерминированную внешними обстоятельствами (материальный достаток, политическая независимость и пр.); 2) определенным образом сложившуюся или организованную систему общественных отношений, обеспечивающую материально (достаток) и духовно (этические нормы, социальное, политическое положение и др.) наличие свободного времени у студента. Вполне очевидным также, представляется субъективная обусловленность волонтерства. Она включает в себя: 1) способность субъекта добровольно жертвовать свое свободное время в пользу другого человека или общества в целом, формирующаяся на определенной субъективной системе ценностей, где другой человек или общество занимают высшее положение по отношению к личным интересам; 2) способность субъекта рационально организовывать свое свободное время таким образом, чтобы оставался ресурс времени для его безвозмездной жертвы другому.

Обращает внимание на себя тот факт, что жертвенность во имя другого является неперенным качеством, отличающим мифического или эпического героя в культурах разных народов от его антагониста. Уже в подвигах Гильгамеша и Энкиду, позволяющим им преодолеть могущественного Хумбаба (III–II тысячелетие до н. э.), боги восхищаются человеком за его способность к жертвенности во имя другого, наделяя его бессмертием¹. Безусловно, жертвенный образ Христа в значительной степени превосходит жертвы ветхих воинов-героев за счет обожествления и абсолютизации жертвы, за счет сплава божественной жертвы с божественным даром, – за счет благотворительности. Но элементы сакрализации благотворительности, наделяния жертвенности во имя другого статусом особо значимой для

---

¹ Эпос о Гильгамеше («О все видавшем») / пер. с аккад. И. М. Дьяконова. СПб., 2006.; Коган Л. Е., Нуруллин Р. М. Гильгамеш И. М. Дьяконова: попытка реставрации // Вестник древней истории. 2012. № 3. С. 191–232.

общества способности, пронизывают этику героизма в культурах разных народов. Из чего можно сделать вывод, что человечество тысячелетиями воспитывает в себе необходимые для добровольного социально значимого труда субъективные качества. И вполне естественно, что университет, как специализированный социальный институт передачи между поколениями веками накопленного опыта имплицитно или, наоборот вооружившись передовой педагогической теорией, реализует социальный запрос на трансляцию ценных субъективных качеств в пространство личностной культуры, определяя место индивида в системе воспроизводства культуры в целом.

Сущность понятий «волонтерское движение» или «волонтерство» тесно связана с социально-культурной и педагогической практиками. Отечественная педагогическая теория аккумулирует в себе достижения смежных социально-гуманитарных наук в проблемной области студенческого волонтерского движения, позволяя в целом рассмотреть его в системе воспроизводства культуры.

Федеральным законом от 11 августа 1995 г. в последней редакции (2020) «под добровольческой (волонтерской) деятельностью понимается добровольная деятельность в форме безвозмездного выполнения работ и (или) оказания услуг»¹ в обозначенных п. 1 ст. 2² того же закона целях. Вместе с тем волонтерство, с одной стороны, – особая форма организации досуга с учетом социального значения добровольного труда. С другой же стороны, добровольный труд – все же остается работой или особой формой оказания услуг, – и занимает свое место в национальной и глобальной экономике³.

---

¹ Статья 1. Благотворительная деятельность // Федеральный закон от 11.08.1995 № 135-ФЗ (ред. от 21.11.2022) «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7495/891985ee83f1494ecbb7542502a3f5d0d07d325e/ (дата обращения 20.04.2023).

² Статья 2. Цели благотворительной деятельности // Федеральный закон от 11.08.1995 N 135-ФЗ (ред. от 21.11.2022) «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7495/64f28a13d583f3ad112dbfef99c8eb61c548bf8e/#dst24 (дата обращения 20.04.2023)

³ Руководство по некоммерческим организациям в Системе национальных счетов / Статистический отдел Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН. Нью-Йорк, 2006.

Философия всеобщего управления качеством (TQM – Total Quality Management) предполагает тесную взаимосвязь управления не только экономическими процессами, но и социокультурными. По мысли доктора экономических наук Ю. А. Гусакова, в XXI в. доктрина TQM, опирается на комплекс фундаментальных концепций совершенства, отвечающим современным глобальным вызовам, и нацелена на повышение качества управления процессами с целью достижения стабильного социально-экономического развития и повышения качества жизни людей, – с целью создания устойчивого будущего¹. С позиций современной теории социокультурной деятельности система высшего образования является социальным институтом проектирования парадигмы развития личности². Соответственно, от того какие приоритеты развития личности формируются в организационных условиях вуза в целом зависят перспективы развития общества – комплекс ценностей, обуславливающий потенциал культуры региона, как «системы исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности»³.

Высокая степень научной разработанности проблематики студенческого волонтерского движения обусловила отдельное направление исследований как

---

¹ Гусаков Ю. А. Модель делового совершенства EFQM. URL: <https://mc.misis.ru/seminar/2014/reports/Gusakov-2014-2.pdf> (дата обращения 29.06.2021).

² Жаркова А. А. Парадигмальный подход как методология педагогического регулирования воспитания личности в условиях российской школы // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 3. С. 127–130.

³ Стёпин В. С. Культура // Новая философская энциклопедия: в 4 тт. М.: Мысль, 2010. Т. 2. С. 341.

в России¹, так и за рубежом². Внимание уделяется развитию не только профессиональных навыков будущих специалистов, но и общекультурным компетенциям: и в России, и за рубежом волонтерская деятельность студента в оптимальных организационно-педагогических условиях учебного заведения рассматривается как комплексное средство воспитания и профессионального развития личности, как средство проектирования перспективной ситуации в культуре конкретного региона, страны и мира в целом³.

---

¹ Горлова Н. И. Исторические аспекты развития культурного волонтерства в России // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2016. № 3. С. 101–108.; Горлова Н. И. Страницы истории волонтерства в сфере сохранения материального культурного наследия в советской России: по материалам Государственного архива Российской Федерации // Вестник архивиста. 2021. № 1. С. 193–204.; Ермилова А. В., Исакова И. А. Специфика волонтерской деятельности в современной России: региональные практики // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. № 4. С. 48–57.; Зборовский Г. Е., Певная М. В., Ведерников А. А. Волонтерство в пространстве регионального управления (кейс Свердловской области) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2018. № 4. С. 10–25.; Кисиленко А. В. Волонтерство: потенциал самоорганизации российской молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2018. № 1. С. 63–71.; Кудринская Л. А. Добровольческий труд: сущность, функции, специфика // Социологические исследования. 2006. № 5. С. 15–22.; Кузнецова А. А., Соловьева Н. А. Динамика психологических характеристик личности студента в процессе профессионально-ориентированной волонтерской деятельности // Образование и наука. 2018. № 7. С. 128–146.; Кузьминчук А. А., Певная М. В., Тимиршина Е. Р. Направления молодежного добровольчества: специфика и перспективы развития // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 2. С. 68–77.; Нежина Т. Г., Петухова К. А., Четчикова Н. И., Миндарова И. С. Мотивация участия молодежи в волонтерском движении // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. № 3. С. 49–71.; Певная М. В., Кузьминчук А. А. Динамика студенческого волонтерства в Свердловской области // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2016. № 4. С. 135–148.; Проказина Н. В., Бобылева Н. Ю., Хатнюк Н. Н. Реализация добровольческого (волонтерского) потенциала в России // Научный результат. Социология и управление. 2019. № 2. С. 47–56.; Семенова О. А. Особенности волонтерской деятельности в медицинском университете // Международный научный исследовательский журнал. 2019. № 9–2. С. 24–27.; Стегний В. Н., Никонов М. В. Мотивация волонтерской деятельности // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2018. № 1. С. 146–156.

² Alexander A. A Student Volunteer Program Takes Patient Satisfaction to the Next Level // *Oncology Issues*. 2017. Vol. 32. Is. 5. P. 14–19.; Gaskin K., Smith J. D. A New Civic Europe? L., 1997.; Holmes K. Paull M., Haski-Leventhal D. [and etc.] A Continuum of University Student Volunteer Programme Models // *Journal of Higher Education Policy and Management*. 2021. Vol. 43. Is. 3. P. 281–297.; Russi A. E., Bhaumik S., Herzog J. J. [and etc.] Impact of an Education-Centered Medical Home on Quality at a Student-Volunteer Free Clinic // *Medical Education Online*, 2018. Vol. 23. Is. 1. Article 1505401; Salamon L. M., Anheier H. K. The Emerging Nonprofit Sector: An Overview (Johns Hopkins Non-Profit Sector Series; 1). Manchester, 1996.; Salamon L. M., Anheier H. K., List R., Toepler S., Sokolowski S. W. Associates Global Civil Society: Dimensions of the Non-profit Sector / Johns Hopkins University. Baltimore, Maryland, 1999.; Smith J. D., Ellis, A., Gaskin, K., Howlett, S., & Stuart, J. Volunteering Impact Assessment Toolkit: A Practical Guide for Assessing the Difference that Volunteering Makes (3rd ed.). L., 2015.

³ Методические рекомендации по развитию сети волонтерских центров инклюзивного добровольчества / ред.-сост. Л. И. Быстрова, Л. В. Галиханова, Е. В. Крутицкая. М., 2018.; Методические рекомендации по формированию добровольческих (волонтерских) центров на базе образовательных организаций среднего профессионального и высшего образования / А. П. Метелев, Е. С. Белецкая, А. О. Лагутин [и др.]. М., 2019.; Сборник лучших волонтерских практик в сфере культуры Свердловской области / Министерство культуры Свердловской области. Екатеринбург, 2022.; Организация добровольческой (волонтерской) деятельности и взаимодействие с социально ориентированными НКО: учебник / ред. И. В.

Отечественная наука в конце 1980-х и начале 1990-х гг. переживает коренную трансформацию, выраженную в адаптации к смене социально-гуманитарной парадигмы развития российского общества. От идеологической замкнутости социальных представлений в советском обществе наука в целом переориентируется на широкую международную интеграцию. Этот процесс потребовал переосмысления сложившихся в отечественном знании концепций, подходов и методологического инструментария. Произошедшие значительные изменения осмысливаются уже в конце 1990-х гг. специалистами Российской академии наук¹. В связи с чем следует учитывать особенности научно-теоретической и методической литературы советского периода. Так, к примеру, в советское время в силу конъюнктурных соображений длительное время не было в достаточной степени востребовано наследие Л. С. Выготского, достижения западной психологии и педагогической мысли. Активное переосмысление невостребованного отечественного наследия так же отчасти было обусловлено интеграционными процессами².

Именно социально-исторический подход Л. С. Выготского и широко интегрированный в мировую науку его методологический инструментарий послужили основанием модернизации отечественной педагогики и психологии³. Своего рода Рубиконом для отечественной педагогики и психологии стало издание его собрания сочинений в шести томах издательством «Педагогика»⁴ в 1982–1984 гг. Как указал В. В. Давыдов, имеющие фундаментальное значение для мировой и отечественной научной мысли работы Л. С. Выготского «Педагогическая психология. Краткий курс» (1926) и «Умственное развитие детей в процессе обучения» (1935) по

Мерсиянова, М., 2022.; Стандарт работы организатора добровольческой / волонтерской деятельности / А. П. Метелев, А. В. Губани, А. В. Ивоева. М., 2021.

¹ Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / ред. А. В. Брушлинский. М., 1997.

² Шоттер Дж. М. М. Бахтин и Л. С. Выготский: интериоризация как «феномен границы» // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 107–117.

³ Выготский Л. С. Педагогическая психология. М., 1991.

⁴ Выготский Л. С. Собрание сочинений: в 6 тт. М., 1982–1984.

«маловразумительным и нелепым» причинам¹, в большей степени стали известны за рубежом и лишь во второй половине 1980-х гг. широко интегрируются в отечественную теорию и практику.

Изменения в отечественной науке происходили на фоне фундаментального гуманитарно-антропологического поворота мировой научной мысли в 1970 гг., отмеченного рядом исследователей за рубежом (Д. Белл², Дж. Рифкин³, Д. Хебдидж⁴ и др.), а за тем и отечественными учеными (А. Д. Жарков⁵, А. Д. Похилько⁶, К. Э. Разлогов⁷, К. М. Товбин⁸ и др.). Суть этого поворота – смещение акцента с физики на социальность и глубины личности человека. В контексте изменений в отечественной и мировой науке центральное место занимает проблема развития личности. Ценность достижений культуры, науки и техники ставится в зависимость от возможности конкретного человека использовать и развивать накопленный человечеством опыт. Актуализируются проблемы инкультурации и социализации личности, личностного роста, социокультурной автономности личности, успешности личности в социальном окружении, межличностной, межкультурной и социальной коммуникации и пр. Именно в контексте происходящих коренных изменений следует рассматривать педагогический потенциал студенческого волонтерского движения.

Роль автономной личностной активности в социальной саморегуляции возрастает в свете коренных изменений жизни общества под воздействием интенсивного развития информационных технологий (А. Моль, Э. Тоффлер,

---

¹ Давыдов В. В. Л. С. Выготский и проблемы педагогической психологии // Педагогическая психология. М.: Педагогика, 1991. С. 5.

² Bell D. The Social Framework of the Information Society // The Microelectronics Revolution. Oxford, 1980. – P. 500–549.

³ Rifkin J. Who Should Play God? The Artificial Creation of Life and What It Means for the Future of the Human Race. N. Y., 1977.

⁴ Hebdige D. Subculture: The meaning of style. L.; N. Y., 1979.

⁵ Жарков А. Д. Теория и технология культурно-досуговой деятельности. М., 2007.

⁶ Похилько А. Д. Социокультурная автономность сознания: философско-антропологическое измерение: дис. ... д-ра филос. наук. Ставрополь, 2007.

⁷ Революция и культура: сквозь призму времени / ред. Н. Б. Кирилова. Екатеринбург, 2017.

⁸ Товбин К. М. Феноменология традиционной духовности // Вестник Пермского университета. 2013. № 3. С. 114–122.

М. Маклюэн и др.). В постиндустриальном обществе происходит трансформация способов реконструкции социальной реальности¹. Если традиционная культура для личности являлась источником структурированных ценностно-смысловых моделей, транслируя устойчивость общепринятых норм, то культура современного информационного общества в плоскость личностной культуры транслирует сразу множество вероятных моделей, образуя устойчивые «мозаичные» (А. Моль²) слабоструктурированные представления. Современный человек обременен необходимостью постоянно структурировать собственные представления о реальности в зависимости от скоротечно меняющихся внешних, социальных условий. Это требует особых навыков социализации и инкультурации личности, связанных, в том числе, со способностью осмысления культурно-исторического наследия как ресурса межличностного и межкультурного взаимодействия в повседневной жизни. Творческие способности личности выступают на первый план³, обостряется необходимость символизации успеха для ориентации личности в социокультурной среде⁴, усиливается роль социального успеха личности как механизма конструирования социальной реальности⁵, – в целом коренным образом изменяются условия, а следовательно, цели, задачи и методы осуществления социально-культурной деятельности и как формы просветительства, направленной на воссоздание и повышение эффективности взаимодействия личности и социальных институтов средствами культуры, и как проектного метода гармоничного развития личности, и как вида социальной активности индивида, ориентирующего его в многообразии культурных ценностей.

---

¹ Поликарпова Е. В. Воздействие современных информационно-коммуникационных технологий на сознание человека и конструирование социальной реальности: дис. ... д-ра филос. наук. Ростов-н/Д, 2011.

² Моль А. Социодинамика культуры. М., 2008.

³ Буровкина Л. А. К вопросу о приобщении обучающихся к художественной культуре в учреждениях дополнительного образования // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Педагогика. 2016. № 3. С. 8–15.

⁴ Бакуменко Г. В. Процесс символизации успеха как принцип пространственно-средовой ориентации элементов социокультурных систем // Политика и Общество. 2015. № 7. С. 294–297.

⁵ Якутина О. И. Социальные практики успеха: дискурс повседневности и социально-философское понятие: дис. ... д-ра филос. наук. Краснодар, 2011.

Можно констатировать, что в современной философии и педагогике сформировано представление, во-первых, о непрерывном историческом развитии общества, обуславливающим усиление роли человека как личности в социальной самоорганизации, а во-вторых – возрастание ценности личности диктует необходимость воспитания ее социально-культурных качеств и актуализирует поиск методологических личностно-ориентированных подходов в педагогической теории и практике. С одной стороны, смена отечественной педагогической парадигмы с коллективистской на личностно-ориентированную обусловлена социальным развитием российского общества, с другой – глобальными социально-культурными тенденциями, приблизившими неотвратимость социальных изменений в СССР и России в конце XX в. Хотя еще в начале века Л. С. Выготский акцентировал внимание на том, что именно личность является предметом педагогического воздействия и формирующей особенностью социальных групп и социума субъектом¹.

Между тем, отрицать положительный опыт отечественной науки советского периода, в том числе педагогики, крайне недальновидно. Смена гуманитарной и педагогической парадигмы не отрицает накопленный практический и теоретический опыт, но стимулирует его переосмысление с целью дальнейшего развития научных методов, в том числе и в проблематике студенческого волонтерского движения. Особое значение процесс осмысления положительного опыта приобретает в условиях реформирования системы образования. Динамика структурных изменений высшего образования призвана содействовать его модернизации и соотнесения накопленного опыта с задачами, возникающими в контексте новейших социальных вызовов.

Вопросы воспитания социально-культурных качеств личности исследуются на пересечении педагогики и психологии при изучении взаимодействия личности и социальной среды (К. А. Абульханова-Славская²,

---

¹ Выготский Л. С. Педагогическая психология. М., 1991. С. 349–351.

² Абульханова-Славская К. А. Время личности и ее жизненного пути // Институт психологии РАН. Человек и мир. 2017. Т. 1. № 1. С. 165–200.

Г. М. Андреева¹, А. Г. Асмолов², Б. М. Бим-Бад³, Б. С. Братусь⁴, А. Д. Жарков⁵ и др.). Не удивительно, что в центре внимания именно студенты высших учебных заведений, воспитание социально-культурных качеств которых является неотъемлемым компонентом общекультурных и профессиональных компетенций (А. Г. Маджуга⁶, Л. В. Фалеева⁷, А. И. Юдина⁸, Л. М. Яновский, В. А. Зыбин, В. Г. Горохов⁹ и др.).

Следует выделить, как один из организационно-методологических компонентов педагогического проектирования личности, комплексный всесторонний подход к ее развитию (К. А. Абульханова, М. Н. Дудина, А. Д. Жарков и др.), известный еще с советских времен. В современных условиях он понимается, в том числе, как комплекс методов формирования социально-культурного¹⁰, культурно-образовательного и информационного пространств вуза¹¹. В условиях вуза культуры эти комплексные компоненты воспитания должны быть направлены на развитие социально-культурных

---

¹ Андреева Г. М. Социальное познание и социальные проблемы // Национальный психологический журнал. 2013. № 1. С. 39–49.

² Асмолов А. Г. Гонки за будущим: «... и вот наступило потом» // Поволжский педагогический поиск. 2017. № 2. С. 60–66.; Асмолов А. Г., Кудрявцев В. Т. Культурно-историческая психология – «наука о свободе» // Вестник РГГУ. Сер.: Психология. Педагогика. Образование. 2017. № 1. С. 18–37.

³ Бим-Бад Б. М. Воспитание перед «вызовами» и «искушениями» современного мира // Поволжский педагогический поиск. 2017. № 2. С. 50–59.

⁴ Братусь Б. С. Христианская психология как научное направление: к истории вопроса // Национальный психологический журнал. 2015. № 3. С. 4–14.

⁵ Жарков А. Д. Учение Д. И. Фельдштейна – основа для развития теории социально-культурной деятельности // Гуманитарное пространство. 2018. Т. 7. № 1. С. 103–117.; Жарков А. Д. Государственная культурная политика на современном этапе: социально-культурный аспект // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 4. С. 116–123.; Жарков А. Д. Воспитание мировоззрения личности – актуальная задача социально-культурной деятельности // Вестник Владимирского государственного университета. Сер.: Педагогические и психологические науки. 2015. № 23. С. 52–59.

⁶ Маджуга А. Г., Сеницина И. А. Факторальная педагогика: онтологические смыслы и методологические возможности // Философия образования. 2016. № 2. С. 173–189.

⁷ Фалеева Л. В. Модель внеучебной воспитательной деятельности вуза как фактор повышения культуры студенческой молодежи // Новое слово в науке: стратегии развития. Чебаксары, 2017. Т 1. С. 121–124.

⁸ Юдина А. И. Формирование социально-культурной толерантности студенческой молодежи в образовательной среде вуза // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 5. С. 168–170.

⁹ Яновский Л. М., Зыбин В. А., Горохов В. Г. Организационная работа по воспитанию культуры студента-мелика // Acta Biomedica Scientifica. 2005. № 1. С. 234–237.

¹⁰ Ненахова Е. Н. Теоретико-методологические подходы к формированию социокультурного пространства образовательного учреждения // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена: Педагогика. 2010. № 128. С. 172–181.

¹¹ Писаренко Е. А. Информационное культурно-образовательное пространство вуза как фактор повышения социальной компетенции студентов гуманитарных вузов // Информационные технологии в гуманитарном образовании. Пятигорск, 2009. С. 366–371.; Павлов С. О. Информационно-интегративная роль культурно-образовательного пространства вуза // Культурная жизнь Юга России. 2007. № 4. С. 16–18.

качеств личности, составляющих основу профессиональной компетенции¹.

Компоненты развития личности Л. С. Выготского остаются сегодня фундаментальным теоретическим базисом современной отечественной педагогики. Опорной категорией в культурно-историческом подходе к развитию личности является понятие социального поведения². Анализ социального поведения позволяет судить о степени личностного развития, об индивидуальных особенностях каждой отдельной личности и учитывать их в выборе методов и приемов педагогического воздействия. Опираясь на представления о структуре личности Л. С. Выготский выделяет следующие психолого-педагогические компоненты ее развития:

- а) эмоциональное поведение, включая внимание и мышление;
- б) возрастное социальное поведение;
- в) моральное поведение;
- г) эстетическое развитие³.

Формирование навыков социального поведения представляется задачами педагогического воздействия.

Особое внимание уделяет Л. С. Выготский понятию социальной нормы поведения и приходит к выводу, что «в действительности не существует никакой нормы, но встречается бесчисленное множество различных вариаций, отклонений от нее, и часто очень трудно сказать, где отклонение переходит те границы, за которыми уже начинается область ненормального»⁴. Выготским утверждается уникальность личности, но определяется и феномен границы

---

¹ Методические рекомендации по развитию сети волонтерских центров инклюзивного добровольчества / ред.-сост. Л. И. Быстрова, Л. В. Галиханова, Е. В. Крутицкая. М., 2018.; Методические рекомендации по формированию добровольческих (волонтерских) центров на базе образовательных организаций среднего профессионального и высшего образования / А. П. Метелев, Е. С. Белецкая, А. О. Лагутин [и др.]. М., 2019.; Сборник лучших волонтерских практик в сфере культуры Свердловской области / Министерство культуры Свердловской области. Екатеринбург, 2022.; Организация добровольческой (волонтерской) деятельности и взаимодействие с социально ориентированными НКО: учебник / ред. И. В. Мерсиянова. М., 2022.; Стандарт работы организатора добровольческой / волонтерской деятельности / А. П. Метелев, А. В. Губани, А. В. Ивеева. М., 2021.

² Выготский Л. С. Педагогическая психология. М., 1991. С. 47–81, 236–249.

³ Выготский Л. С. Педагогическая психология. М., 1991. С. 128–302.

⁴ Там же... С. 312.

норм социального поведения, за рамками которого общество не готово принять личность. Он разбивает свойственные его времени предрассудки об обязательной обусловленности физическими недостатками психических отклонений и предвосхищает современные позиции инклюзивного развития личности.

В конце 1970 гг. в отечественной психологии происходит интенсивное осмысление зарубежного опыта ряда отдельных смежных с педагогической психологией дисциплин (социологии, социальной психологии, этнопсихологии и др.)¹. Понимание социального развития личности как процесса усвоения индивидом, переработки и реализации им социального опыта в результате общения и взаимодействия на различных уровнях социальной коммуникации с другими людьми и группами, как процесса формирования отдельных социальных качеств индивида в результате его воспитания и социализации, позволяет М. И. Бобневой² указать на ведущую роль социального поведения личности в организации коллектива.

Отметим, что между понятием социального развития личности М. И. Бобневой и пониманием этого же термина в компетентностной парадигме современного образования, как комплекса общекультурных компетенций³, нет непреодолимых противоречий.

Существенно новым следует считать развитие представлений о необходимости постоянного самосовершенствования личности в меняющихся социальных условиях современного общества, а, следовательно, и постоянного развития комплекса общекультурных компетенций. Т. е. социальное окружение не мыслится неизменным и стабилизирующим фактором. Напротив, в динамичных социальных условиях личностная Я-концепция и ассертивность личности представляются стабилизирующими

---

¹ Психологические механизмы регулирования социального поведения / ред. и сост. М. И. Бобнева, Е. В. Шорохова; Ин-т психологии АН СССР. М., 1979. 336 с.

² Там же. С. 44–76.

³ Галимуллина Н. М., Коршунова О. Н. Общекультурные компетенции в образовательном процессе высшей школы // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 11. С. 646–667.

социальное развитие факторами¹.

Иными словами, категория «социальное развитие личности», выработанное в отечественной науке советского периода, наполняется в новых условиях новым содержанием, поскольку коренным образом изменились представление о структуре социальности и месте в ней личности. Новое содержание касается социально-культурных качеств личности, от активности и асертивности которой зависит устойчивость представлений о социальной реальности.

Из чего следует, что теоретические компоненты модели формирования социального развития личности в образовательном пространстве современного российского вуза культуры, выработанные советской школой, требуют модернизации и дополнения с учетом эволюции научных представлений и совершенствующейся в режиме реформы отечественной системы образования педагогической практики.

Выработка подобной модели должна осуществляться с учетом смены общей гуманитарной парадигмы целого комплекса социальных наук и отраслей знания: социальной философии и философии культуры, общей и социальной психологии, культурологии, социологии, истории педагогики и др.

Усилившаяся после падения «железного занавеса» и тормозящей развитие гуманитарных наук советской идеологической доктрины интеграция отечественного знания с зарубежным опытом позволяет ориентироваться, в том числе, и в мировых процессах и тенденциях, рассматривать кросс-культурные процессы и явления как факты общецивилизационного развития. Россия не исключена из поля мирового опыта социального и педагогического проектирования, о чем говорит ее активное участие в международных организациях, таких как ЮНЕСКО, в Болонском процессе. Развиваются международные университеты и образовательные центры, в которых

---

¹ Дудина М. Н. Проблема воспитания асертивности личности с детских лет // Категория «социального» в современной педагогике и психологии. Ульяновск, 2017. С. 264–270.

отечественная высшая школа принимает непосредственное участие. Происходит сближение и обмен опытом между отдельными университетами. Значительное место в развитии отечественной науки занимают многочисленные международные научно-практические конференции, различные форумы, международные исследовательские проекты. В целом педагогическая практика значительно обогатилась в последнее время, преодолев деструктивную идеологическую зашоренность и пережив сложные структурные преобразования.

Одним из вызовов современным обществам, значительно повлиявшим на природу социальных связей, стала произошедшая информационная революция, предсказанная и исследуемая социологами с 1980 гг. (Ю. Хаяши, И. Масудом, Д. Беллом, П. Дракером, М. Постером, М. Кастельсом, Т. Стоуньером и др.)¹. Е. В. Поликарпова, в частности, указывает, что под воздействием новейших информационно-коммуникационных технологий изменяется само сознание человека, что ведет к трансформации форм и способов конструирования социальной реальности. О трансформации традиционной культуры под воздействием все возрастающих объемов информации писал еще в 1970 гг. А. Моль, предлагая собственную кибернетическую модель культуры².

В связи с тем, что современный человек обременен необходимостью постоянно структурировать собственные представления о реальности в зависимости от скоротечно меняющихся социальных условий в расширяющихся и возрастающих информационных потоках, одним из важнейших компонентов социально развитой личности является ее ассертивность, способность индивида самостоятельно, автономно регулировать собственное поведение, неся за него ответственность³.

---

¹ Поликарпова Е. В. Воздействие современных информационно-коммуникационных технологий на сознание человека и конструирование социальной реальности: дис. ... д-ра филос. наук. Ростов-н/Д, 2011. С. 24.

² Моль А. Социодинамика культуры. М.: ЛКИ, 2008.

³ Дудина М. Н. Проблема воспитания ассертивности личности с детских лет // Категория «социального» в современной педагогике и психологии. Ульяновск, 2017. С. 264–270.

Ассертивность личности можно считать проявлением феномена социокультурной автономии сознания, обуславливающего и личностную автономию¹.

Автономия личности и ее ассертивность являются наиболее комплексным критерием адаптивности индивида в современных социальных условиях. Это положение позволяет рассмотреть комплекс компонентов формирования социально-культурных качеств личности в образовательном пространстве вуза как теоретическую модель педагогического проектирования личности. Кроме выделенных Л. С. Выготским инструментальных психолого-педагогических компонентов, необходимо указать организационно-методологические компоненты, позволяющие структурировать инструментальные и адаптировать их к текущим социокультурным условиям современной России.

Следует выделить, как один из организационно-методологических компонентов педагогического проектирования личности, комплексный всесторонний подход к ее развитию (К. А. Абульханова, М. Н. Дудина, А. Д. Жарков и др.), известный еще с советских времен. В современных условиях он понимается, в том числе, как комплекс методов формирования социально-культурного², культурно-образовательного и информационного пространств вуза³. Характерной чертой развития системы образования в современной России является предоставление вузам широких полномочий самоуправления в рамках действующего законодательства. Ценность личности студента обуславливает включение в комплексный компонент формирования социального развития личности и все управленческие вопросы: от хозяйственных и экономических, до организации рекреационной

---

¹ Похилько А. Д. Социокультурная автономия сознания // Вестник Ставропольского государственного университета. 2005. № 41. С. 31–39.

² Ненахова Е. Н. Теоретико-методологические подходы к формированию социокультурного пространства образовательного учреждения // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена: Педагогика. 2010. № 128. С. 172–181.

³ Писаренко Е. А. Информационное культурно-образовательное пространство вуза как фактор повышения социальной компетенции студентов гуманитарных вузов // Информационные технологии в гуманитарном образовании. Пятигорск, 2009. С. 366–371.

инфраструктуры, и комплекса внеучебных мероприятий (просветительских, оздоровительных и пр.), в том числе включая нормативно-правовое, кадровое и методическое обеспечение и меры его постоянного совершенствования.

Комплексный организационно-методологический компонент формирования социального развития личности, таким образом, является формой осуществления просветительской политики учебного заведения, включая планирование и реализацию ее направлений: социального, культурного, информационного и пр.

Из определения социокультурного развития личности вытекает и то, что институциональной деятельностью конкретного учреждения высшего образования этот компонент не ограничивается и включает в себя всю вертикаль управления национальной образовательной системой от ректората вуза и региональных органов образования, до высших органов государственной власти. Кроме того, международная интеграция науки и образования, в том числе университетское движение, студенческие общественные объединения и пр., участвуя в меру законодательно определенных границ в управлении учебными заведениями, формируют отдельную сферу широкого социального партнерства, без учета ресурса которой, нельзя считать потенциал комплексного компонента развития личности в полной мере реализованным.

Одним из институтов сферы социального партнерства вузов, тесно связанных с молодежным волонтерским движением, являются неправительственные некоммерческие организации (НКО). Как указывает Д. И. Фельдштейн, современное общество «сложно структурировано ... Поэтому необходим дифференцированный анализ, раскрывающий, как и что воспринимает современный человек в разных группах, в разном возрасте: на что рефлексирует, какие образы у него формируются, как изменяется его мотивационно-потребностная сфера, как на него воздействует окружающая действительность, как он действует и каковы возможности действия разных

групп людей»¹. В этой связи комплексный компонент социального развития личности, подразумевающий структурирование и учет социального воздействия на личность и анализ культуuroобразующих факторов, включая волонтерскую деятельность, должен учитываться на всех уровнях педагогической деятельности. Учет психолого-педагогических компонентов социального развития личности, обозначенных Л. С. Выготским, при планировании и принятии решений на всех уровнях управленческой и педагогической практики, составляет содержательную сущность комплексного организационно-методологического компонента социального развития личности. Этот компонент является внешним по отношению к развивающейся личности и реализуется путем прогнозирования и проектирования формирующего воздействия².

Второй, не менее важный организационно-методологический компонент, который непосредственно связан с добровольной волонтерской деятельностью молодежи, – саморазвитие личности. Он логически вытекает из личностно-ориентированной парадигмы современной педагогики и подразумевает наивысшее положение на ценностной этической шкале личностной автономии.

На самых первых этапах формирования навыков эмоционального поведения, внимания, мышления, морально-нравственных качеств и эстетического кругозора самостоятельность индивида, его способность автономно принимать решения и нести за них ответственность, понимается как неременное условие развития социально-культурных качеств личности. Обострение проблемы неспособности к разговору³ в виду произошедшей глобальной информационной революции и становления постиндустриального мира акцентирует внимание отечественных психологов и педагогов на необходимости изучения ассертивности, как важнейшего компонента

---

¹ Фельдштейн Д. И. О развитии фундаментальных психологических исследований. М.; Воронеж, 2006. С.5.

² Франкл В. Человек в поисках смысла: сборник. М.: Прогресс, 1990.

³ Гадамер Х-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988.

социального развития личности (Е.В. Андриенко, К.И. Воробьева, А.С. Грушин, И.В. Гусева, М.Н. Дудина, С.А. Игнатова, Т.Н. Кондратьева, Е.Г. Левченко, А.А. Литвинова, Т.М. Маслова, В.А. Шамиева, В.П. Шейнов, Е.В. Фалунина и др.).

Как указывает вслед за С. С. Степановым М. Н. Дудина, концепция ассертивности складывается в трудах А. Солтера (Andrew Salter «Conditioned Reflex Therapy», 1949 г.), «который без эксплицитного употребления данного понятия, писал об этом феномене», критикуя психоанализ и бихевиоризм. После издания на русском книг В. Каппони и Т. Новака «Как делать все по-своему» (1995 г.), «Сам себе психолог» и «Сам себе Взрослый, Ребенок и Родитель» и Дж. Смита «Тренинг уверенности в себе» (2000 г.) термин «ассертивность личности» проникает в отечественный психолого-педагогический дискурс и описанный им феномен попадает в область психологических исследований, педагогической теории и практики.

Развенчивая мифы популярной психологии, С. С. Степанов анализирует, в том числе, и концепцию ассертивности¹. В частности, он указывает на заимствования А. Солтером идей Ф. Перлза, Э. Берна, Э. Шострома и излишнюю генерализацию ассертивного поведения в качестве альтернативы таким деструктивным способам межличностного взаимодействия, как манипуляция и агрессия. Не отрицая, в принципе, гуманистической интенции концепции ассертивности, С. С. Степанов обращает внимание на крайнюю степень индивидуализации мышления в результате ассертивных психотерапевтических тренингов и предостерегает от поверхностной переоценки ассертивных черт личности. В этой связи волонтерская деятельность молодежи, которая носит в большинстве случаев коллективный характер, компенсирует недостаток ценности общества в структуре личностных качеств формирующегося гражданина.

Между тем, М. Н. Дудина в ряде своих работ обращает внимание на

---

¹ Степанов С. С. Мифы и тупики поп-психологии. Ростов н/Д., 2006. С. 74–78.

необходимый синтез в педагогической практике психолого-педагогических компонентов социального развития личности Л.С. Выготского, этики диалога М.М. Бахтина¹ и герменевтики культуры с концепцией асертивности личности. В контексте подобного синтеза самодостаточность асертивной личности дополняется ценностными этическими установками автохтонной, мировых культур и *диалогикой* (Бахтин, Библер и др.) этического поступка, что исключает из прагматической основы западного концепта асертивности пограничные деструкции индивидуализма. В результате со-бытийность как этическая норма «Я для Другого» (Бахтин), сближает западный концепт асертивности с традиционным для отечественной педагогики концептом самостоятельности².

Самостоятельность личности как педагогическая проблема хорошо известна отечественной науке еще с советских времен, активно разрабатывается и сегодня (О. В. Арефьева, С. Н. Гайдай, А. Н. Гуляева, Н. И. Дидусь, Т. Е. Исаева, С. М. Кетько, Л. Ю. Круглова, С. А. Пакулина, А. В. Петров, В. Н. Пустовойтов и др.). Однако самостоятельность личности до последнего времени рассматривалась сугубо в контексте традиционной культуры, транслирующей общие этические установки в социальное пространство. И самостоятельность личности ограничивалась способностью свершения поступка в заданных стандартами традиционной культуры параметрах норм и ценностей. В современных же условиях возрастания объемов информационных потоков, транслирующих на экран личностной

---

¹ Дудина М. Н. Проблема воспитания асертивности личности с детских лет // Категория «социального» в современной педагогике и психологии. Ульяновск, 2017. С. 264–270.; Дудина М. Н. Проблема исследования асертивности молодежи в педагогической социологии // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования. Екатеринбург, 2017. С. 723–734.; Дудина М. Н. Красота и асертивность личности. URL: <http://www.ruspole.info/taxonomy/term/2962>.

² Петров А. В. Личность и самостоятельность // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 3. С. 167–171.; Гайдай С. Н. Взаимосвязь феноменов самостоятельности и творческой активности в учебно-познавательной деятельности личности // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. 2009. № 5. С. 12–19.; Шульга О. А. Педагогические условия стимулирования познавательной самостоятельности личности // Среднее профессиональное образование. 2010. № 4. С. 16–18.; Пустовойтов В. Н. Познавательная самостоятельность – ключевая компетенция и компетентность личности // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2010. № 3. С. 290–249 и др.

культуры (А. Моль¹) мозаику разных и, в том числе, противоречивых ценностных установок, формируется фрагментированное культурное окружение личности. И самостоятельность личности должна включать в себя способность «дефрагментировать», структурировать все возрастающие информационные потоки не только с опорой на традиционные смысловые комплексы, но и на перспективные целевые установки.

Состояние современной культуры М. Н. Дудина характеризует как нарастание ценностной неопределенности, потому и видит в ассертивности методологическую ценность проектирования личности, способной преодолевать эту неопределенность². Такое понимание выходит за концептуальные рамки Ф. Перлза, Э. Берна, Э. Шострома и, тем более, А. Солтера. Концепт М. Н. Дудиной можно считать результатом положительного переосмысления ассертивных способностей личности с учетом интенсивных трансформаций современной социокультурной среды. Для разграничения различных концептов, на наш взгляд, приемлемо использовать термин конструктивной ассертивности, противопоставляя его феномену деструктивной ассертивности.

Обратим внимание, что состояние ценностной неопределенности социокультурного пространства формирует высокую степень недоверия к любым источникам информации. При таких условиях нет необходимости в искусственном проектировании крайней степени индивидуализации личности и ее деструктивных ассертивных свойств. Превращение конструктивных свойств в негативную генеральную линию стиля и образа жизни в условиях отсутствия у личности конструктивных ассертивных навыков можно считать естественным следствием усложнения социокультурного пространства и ценностной фрагментации традиционной культуры.

Сущность понятия воспитания современной педагогикой с опорой на

---

¹ Моль А. Социодинамика культуры. М., 2008.

² Дудина М. Н. Красота и ассертивность личности. URL: <http://www.ruspole.info/taxonomy/term/2962>.

общую и педагогическую психологию трактуется как проектирование личностных качеств, позволяющих индивиду, с одной стороны, самостоятельно корректировать сценарий своей жизни с целью исключения негативного влияния внешних условий, с другой, — адаптироваться к изменениям социальной среды или, наоборот, влиять на нее с целью адаптации и самореализации. Комплекс таких личностных качеств следует идентифицировать как социально-культурные качества, поскольку необходимые психологические компоненты личностного развития опосредованы ценностными характеристиками культуры и коммуникативными процессами общества. В современной российской государственной доктрине образования комплекс социально-культурных качеств личности фиксируется и проектируется как совокупность общекультурных компетенций. Т. е. воспитание в целом направлено на развитие общекультурных компетенций личности, на проектирование личности.

О. Г. Прикот под педагогическим проектированием понимает «целенаправленную профессиональную деятельность по изменению педагогической действительности»¹. Эта деятельность, по его мнению, должна быть ценностно-ориентированной, высокоорганизованной и глубоко мотивированной. Речь, по существу, идет о реализации ценностного и мотивационного потенциала культуры в педагогической деятельности.

Н. О. Яковлева акцентирует внимание на том, что педагогическое проектирование является целенаправленной инновационной деятельностью по созданию «модели образовательно-воспитательной системы» и выделяет следующие ее составляющие: 1) педагогическое проектирование базируется на некотором изобретении; 2) результаты проектирования ориентируются на массовое использование; 3) в основе проектирования лежит ценность, обуславливающая необходимость и целенаправленность проекта;

---

¹ Прикот О. Г. Педагогическое проектирование как рабочий инструмент методической службы школы // Методист. 2002. № 2. С. 44–47.

4) педагогическое проектирование ориентировано на будущее, на прогнозирование результатов и последствий проекта; 5) проектирование направлено на решение обозначенной актуальной проблемы; 6) педагогическое проектирование носит системный и междисциплинарный характер¹.

Обобщая существующие в общей педагогике и социальной психологии, а также в теории социокультурной деятельности подходы к исследованию студенческого волонтерского движения и его педагогического потенциала, можно утверждать, что волонтерская деятельность студентов в оптимальных организационных педагогических условиях вузов является комплексной формой воспитания социально-культурных и профессиональных качеств личности в рамках совокупности проектных и проблемных методов. Учитывая исключительно добровольный характер волонтерской деятельности, она ориентирует саморазвитие ассертивности, самостоятельности и комплекса проектных и управленческих навыков у студентов, содействуя накоплению ценного личностного опыта для практически любой профессии, лидерских качеств и креативного мышления.

Обзор же исторических исследований студенческого волонтерства позволил выделить базовые факторы его становления как социального и культурного феномена в историческом развитии общества. С одной стороны, следует выделить два основных объективных фактора возникновения волонтерства в студенческой среде: 1) наличие свободного времени у студента, позволяющего осуществлять деятельность, не детерминированную внешними обстоятельствами (материальный достаток, политическая независимость и пр.); 2) определенным образом сложившуюся или организованную систему общественных отношений, обеспечивающую материально (достаток) и духовно (этические нормы, социальное, политическое положение и др.) наличие свободного времени у студента. С другой, — вполне очевидна

---

¹ Яковлева Н. О. Проектирование как условие повышения качества образования // Модернизация образования: проблемы и перспективы. Оренбург, 2002. Ч. 1. С. 382–384.

субъективная обусловленность волонтерства: 1) способность субъекта добровольно жертвовать свое свободное время в пользу другого человека или общества в целом, формирующаяся на определенной субъективной системе ценностей, где другой человек или общество занимают высшее положение по отношению к личным интересам; 2) способность субъекта рационально организовывать свое свободное время таким образом, чтобы оставался ресурс времени для его безвозмездной жертвы другому.

Суммируя накопленный в рамках исторических, социально-психологических и педагогических исследований студенческого волонтерского движения опыт, можно выделить сущностные характеристики предмета исследования как социокультурного феномена и определить его место в системе воспроизводства культуры.

Во-первых, студенческое волонтерское движение является исторически сложившейся практикой обмена свободного времени студента-волонтера на опыт социализации / инкультурации в контексте развития комплекса необходимых социальных навыков.

Во-вторых, эта практика, будучи социально ориентированной, комплексно воспитывает значимые для общества социальные навыки личности и является неотъемлемой частью системы воспроизводства культуры на современном этапе развития общества. Сложная динамичная и изменчивая поликультурная среда современного информационного общества диктует необходимость воспитания у молодежи навыков, какими не обладали предшествующие поколения. Поэтому роль студенческого волонтерского движения в системе воспроизводства культуры в новых условиях будет только усиливаться, что требует постоянного мониторинга процессов формирования ценностных установок студента-волонтера, предопределяющих как уровень наследования накопленного обществом опыта, так и инновационный потенциал молодого поколения.

В-третьих, студенческое волонтерское движение является

саморегулируемой подсистемой молодежной субкультуры. Важнейшим остается принцип добровольного участия в индивидуальном или коллективном труде на благо другого индивида или общества в целом, поэтому саморегуляция студенческого волонтерского движения является фактором саморегулируемого воспроизводства культуры, краеугольного камня фундамента системной целостности общества.

В-четвертых, студенческое волонтерское движение не существует вне важнейшей субъективной характеристики культурного времени: сегмента свободного, не детерминированного внешними обстоятельствами времени. Ресурс свободного времени остается наименее изученным феноменом культуры. Поэтому дальнейшее изучение студенческого волонтерского движения в системе воспроизводства культуры раскрывает перспективы расширения научного знания о культуре как системе исторически развивающихся надбиологических программ жизнедеятельности общества.

* * *

Таким образом, комплекс выявленных сущностных характеристик студенческого волонтерского движения и его потенциала как социокультурного феномена позволяет утверждать, что этот феномен занимает одно из ключевых мест в системе воспроизводства культуры. Также как усложнение системы общественных отношений на определенном историческом этапе развития общества порождает необходимость такого социального института передачи опыта из поколения в поколение, как университет, усложнение системных связей в условиях интенсивного развития информационного общества порождает социальный запрос на новый самоорганизующийся механизм социализации / инкультурации молодежи в контексте развития комплекса необходимых для жизнедеятельности общества социальных навыков личности. Таким механизмом и является студенческое волонтерское движение. Следовательно, опираясь на комплексный обзор междисциплинарного поля исследования студенческого волонтерского

движения можно ему, как социокультурному феномену, дать следующее определение:

студенческое волонтерское движение – это практика обмена свободного времени студенчества, как наиболее активной части молодежной субкультуры, на опыт социализации / инкультурации в социальной среде, стимулирующая воспроизводство культуры как исторически развивающейся системы надбиологических программ жизнедеятельности общества.

Не удивительно, что обобщению современных перспективных практик в России посвящается отдельное направление методической и учебной литературы¹.

Соответственно, встает вопрос рационального использования исторически сложившегося механизма стимулирования воспроизводства культуры как системной целостности. В современных условиях, как подчеркнуто в Стратегии государственной культурной политики России на период до 2030 г., «культура сохраняет огромный потенциал для формирования и укрепления гражданской идентичности, обеспечения единства российской нации, сохранения единства культурного и языкового пространства Российской Федерации»². Необходимость рационального использования потенциала студенческого волонтерского движения вполне очевидна в ситуации угрозы единству культурного пространства как фактору социально-экономического развития страны. Одним из значительных рисков в Стратегии обозначена «атомизация общества», – риск разрыва устойчивых «социальных связей (дружеских, семейных, соседских), рост индивидуализма

---

¹ Методические рекомендации по развитию сети волонтерских центров инклюзивного добровольчества / ред.-сост. Л. И. Быстрова, Л. В. Галиханова, Е. В. Крутицкая. М., 2018.; Методические рекомендации по формированию добровольческих (волонтерских) центров на базе образовательных организаций среднего профессионального и высшего образования / А. П. Метелев, Е. С. Белецкая, А. О. Лагутин [и др.]. М., 2019.; Сборник лучших волонтерских практик в сфере культуры Свердловской области / Министерство культуры Свердловской области. Екатеринбург, 2022.; Организация добровольческой (волонтерской) деятельности и взаимодействие с социально ориентированными НКО: учебник / ред. И. В. Мерсиянова. М., 2022.; Стандарт работы организатора добровольческой / волонтерской деятельности / А. П. Метелев, А. В. Губани, А. В. Ивеева. М., 2021.

² Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года. С. 9. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420340006> (дата обращения 15.05.2022).

и пренебрежения к правам других»¹. Поэтому крайне необходимо изучить существующие методики мониторинга состояния студенческого волонтерского движения для выработки рациональной модели управления этим механизмом стимулирования воспроизводства культуры.

Этому будет посвящен следующий параграф.

1.2 Потенциал молодежного волонтерского движения в системе стратегических целей государственной культурной политики

Внимание ученых к волонтерскому движению обусловлено значительной ролью третьего сектора экономики в развитии социальных отношений. К первому сектору традиционно относят систему государственных и политических институтов: ее основная цель — социальное управление. Второй сектор составляют экономические негосударственные институты, предприятия и организации, преследующие цель экономической выгоды. Но экономическими интересами деятельность общества не ограничивается. С давних пор люди объединялись для коллективной организации досуга и религиозных обрядов, защиты своих коллективных интересов и помощи нуждающимся. Секуляризация общественной жизни сформировала устойчивый третий сектор социальных отношений за пределами политических, экономических, матримониальных или религиозных интересов. Это сектор добровольной социальной и культурной деятельности, в котором и инициативная личность, и объединяющие людей в коллективы организации могут реализовывать свои интересы, выходящие за рамки политики, экономики и религии. Это область добровольной социокультурной

---

¹ Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года. С. 9. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420340006> (дата обращения 15.05.2022).

деятельности, представляющая для профессиональных работников социокультурной сферы, с одной стороны, – область применения своих профессиональных навыков, а с другой, – значительный ресурс общественной поддержки социокультурных инициатив.

Среди старейших добровольных организаций, возникших в России («вольных обществ»), можно назвать Российское экономическое, Российское географическое и Российское музыкальное общества. Не малую роль в становлении одной из авторитетнейших международных организаций Красного Креста и Красного Полумесяца, сыграла ее поддержка семьей российских императоров. Традиционной для меценатства и добровольчества в России была сфера культуры и сохранения историко-культурного наследия¹. В советское время общественная жизнь была сильно политизирована и поставлена на службу государственного управления, поэтому научные исследования молодежного волонтерского движения первоначально складываются за рубежом.

Одним из первых привлёк внимание ученых к системному изучению молодежных движений американский социолог Дэвид Рисмен (1909–2002). В соавторстве с Н. Глэзером и Р. Денни он опубликовал результаты глубинных интервью разных слоев американского общества и анализа СМИ второй половины 1940-х гг. в книге «Одинокая толпа» (1950)², где усмотрел социокультурные причины обостряющегося конфликта поколений и ввел понятие субкультуры. Под ней он понимал устойчивый социальный феномен противостояния части общества доминирующим культурным тенденциям. Американская молодежь, испытывающая серьезные проблемы социализации после окончания Второй мировой войны, сформировала устойчивые

---

¹ Горлова Н. И. Исторические аспекты развития культурного волонтерства в России // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2016. № 3. С. 101–108.; Горлова Н. И. Страницы истории волонтерства в сфере сохранения материального культурного наследия в советской России: по материалам Государственного архива Российской Федерации // Вестник архивиста. 2021. № 1. С. 193–204.

² Riesman D., Glazer N., Denney R. The Lonely Crowd: A Study of the Changing American Character. 2nd Ed. New Haven; L., 2001.

протестные движения, противостоящие обществу тотального потребления. Неприятие доминирующих ценностей стало характеристикой разнообразных стихийно формирующихся молодежных объединений.

Заслуга Д. Рисмена состояла в актуализации положительной оценки субкультуры как альтернативы негативным тенденциям доминирующей культуры. Он подчеркнул взаимосвязь характера общества и личности, в нем сформированной, обосновав понятие социального характера. По типу социального характера он выделяет: общество традиции («tradition – directed people»: доминирует религия и культура), общество индивидуальности («inner-directed people»: преобладает инновационное поведение личности за рамками традиций) и общество конформизма («other-directed people»: личность следует оценкам и ожиданиям людей определенного круга, а не персональным или культурным установкам). К третьему типу обществ Д. Рисмен относил общества СССР и США, противопоставляя их обществам индивидуальности стран Европы и обществам традиции (Индия, Египет, Центральная и Южная Америка). Из положения об исторической динамике социального характера следовало, что социальный характер исторически развивается и им можно разумно управлять. Здесь оказывается важен ценностный потенциал молодежи и молодежных субкультур, влияющих на перспективное развитие социального характера.

В контексте задач государственной культурной политики Российской Федерации целесообразно сопоставить накопленный теоретический базис и практические методы социологии и социальной психологии для выявления рычагов рационального использования исторически сложившегося механизма стимулирования воспроизводства культуры как системной целостности.

Как известно, базовый стратегический документ «Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года»¹ разработан на

---

¹ Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420340006> (дата обращения 15.08.2022).

основе комплекса нормативов государственного стратегического планирования¹.

Этот достаточно большой блок федеральных документов реализуется в комплексе региональных стратегий и программ развития Кабардино-Балкарии². В настоящее время активно обсуждаются обновление закона КБР «О молодежной политике»³ и вопросы формирования региональной стратегии научно-технического развития⁴.

¹ Основы государственной культурной политики. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420242192#6540IN> (дата обращения 15.05.2022).; Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420327289#6560IO> (дата обращения 15.05.2022).; Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902130343#6560IO> (дата обращения 15.05.2022).; Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902387360#7D60K4> (дата обращения 15.05.2022).; Концепция внешней политики Российской Федерации. URL: <https://docs.cntd.ru/document/499003797#64U0IK> (дата обращения 15.05.2022).; Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420277810#6540IN> (дата обращения 15.05.2022).; Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902317973#6580IP> (дата обращения 15.05.2022).; Концепция развития дополнительного образования детей. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420219217#6560IO> (дата обращения 15.05.2022).; Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420217344#6540IN> (дата обращения 15.05.2022).; Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420237592#65A0IQ> (дата обращения 15.05.2022).; Концепция информационной безопасности детей. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420320316#6580IP> (дата обращения 15.05.2022).; Государственная программа Российской Федерации «Развитие культуры». URL: <https://docs.cntd.ru/document/499091763#6560IO> (дата обращения 15.05.2022).; Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество». URL: <https://docs.cntd.ru/document/499091768#6560IO> (дата обращения 15.05.2022).; Государственная программа Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 годы. URL: <https://docs.cntd.ru/document/499091778#6560IO> (дата обращения 15.05.2022).; Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 годы. URL: <https://docs.cntd.ru/document/499091784#6560IO> (дата обращения 15.05.2022).; Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы». URL: <https://docs.cntd.ru/document/420327349#6560IO> (дата обращения 15.05.2022).; Концепция долгосрочного развития театрального дела в Российской Федерации до 2020 года. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902284436#6540IN> (дата обращения 15.05.2022).; Концепция развития циркового дела в Российской Федерации до 2020 года. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902339606#6560IO> (дата обращения 15.05.2022).; Концепция развития концертной деятельности в области академической музыки в Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420318814#6580IP> (дата обращения 15.05.2022) и др.

² Стратегия социально-экономического развития Кабардино-Балкарской Республики до 2040 года. URL: <https://docs.cntd.ru/document/574893299> (дата обращения 15.05.2022).; Государственная программа Кабардино-Балкарской Республики «Взаимодействие с общественными организациями и институтами гражданского общества в Кабардино-Балкарской Республике». URL: <https://docs.cntd.ru/document/438843709> (дата обращения 15.05.2022).; Государственная программа Кабардино-Балкарской Республики «Развитие образования в Кабардино-Балкарской Республике». URL: <https://docs.cntd.ru/document/570774042> (дата обращения 15.05.2022).; Государственная программа Кабардино-Балкарской Республики «Культура Кабардино-Балкарии». URL: <https://docs.cntd.ru/document/460180221> (дата обращения 15.05.2022) и др.

³ Молодежная политика в Кабардино-Балкарской Республике: новый закон // Информационный портал ГАРАНТ.РУ. URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/kabardin/1544619/> (дата обращения 15.05.2022).

⁴ В КБР в 2022 году разработают стратегию развития региональной инновационной системы // Кабардино-Балкарский научный центр РАН [сайт]. URL: <https://www.kbncran.ru/2022/04/17/v-kbr-v-2022-godu-razrabotayut-strategiyu-razvitiya-regionalnoj-innovatsionnoj-sistemy/> (дата обращения 15.05.2022).

В рамках отечественных передовых исследований вопросов культурной политики доминирующим остается синтез системного, нормативно-ценностного и институционально-культурологического подходов¹. В целом сформировано представление об отражении в номенклатуре нормативных и стратегических документов стремления общества к системной целостности. Отсюда вытекает определение доминирующей культуры как нормотворческого дискурса, обладающего конкретной выраженностью в совокупности государственных документов. Социальный характер доминирующей культуры, таким образом, ярко выражен в официальных документах в то время, как характер молодежной субкультуры, оставаясь преимущественно за рамками официального нормотворческого дискурса, нуждается в постоянном мониторинге. Студенчество является частью молодежной субкультуры. Поэтому официальный дискурс не может в полной мере описать и регламентировать его волонтерское движение.

Опираясь на базовые положения «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года»², следует направить анализ студенческого волонтерского движения на определение степени субъектности

---

¹ Астафьева О. Н., Синецкий С. Б. Философские и прикладные аспекты культурной политики на поселенческом уровне // Вестник культуры и искусства. 2017. № 4. С. 70–80.; Астафьева О. Н. Концептуализация и согласование конкурирующих дискурсов: теория культурной политики // Обсерватория культуры. 2021. Т. 18. № 6. С. 574–585.; Астафьева О. Н. Культурная политика: взаимосвязь теоретических моделей и дискурсивных концептуализаций // Исторические трансформации культуры: концепты, смыслы, практики. Екатеринбург: Б. и., 2021. С. 8–18.; Горлова И. И., Коваленко, Т. В. Духовное неравенство и прикладные задачи культурной политики // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 24. С. 105–111.; Горлова И. И., Коваленко Т. В., Бычкова О. И. Культурная жизнь российской провинции: состояние, тенденции, противоречия (на примере Краснодарского края) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2018. № 30. С. 28–36.; Горлова И. И. Региональная культурная политика: теория, методология и практика аксиологического анализа // Культурное наследие – от прошлого к будущему. М., 2021. С. 30.; Горлова И. И., Бычкова О. И., Костина Н. А. Методологические основы мониторинга региональной культурной политики // Культурное наследие России. 2021. № 3. С. 4–13.; Костина Н. А., Саркисова Е. Г., Пархоменко Т. А. Проблемное поле и приоритеты региональной культурной политики: концептуальный подход // Наследие веков. 2022. № 4. С. 51–59.; Региональная культурная политика: методология, институты, практики (ценностно-нормативный подход) / И. И. Горлова, Т. В. Коваленко, А. В. Крюков [и др.]: кол. монограф. М., 2019.; Синецкий С. Б. Культурная политика как отражение норм социального взаимодействия // Вестник Московского государственного университета культуры и искусства. 2020. № 5. С. 82–89.; Флиер А. Я. Нормативная теория культуры как дихотомическая модель // Вопросы культурологии. 2019. № 4. С. 29–36.; Флиер А. Я. Культурная политика как отражение господствующей идеологии // Государственное управление и развитие России: проектирование будущего. М., 2022. С. 401–406.

² Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420340006> (дата обращения 15.08.2022).

в культурной политике студенческого волонтерского сообщества. Соответствие деятельности студентов-волонтеров основной цели обеспечения общенационального единства следует рассматривать как проявление обозначенной субъектности.

Концепция социального характера Д. Рисмена согласуется с культурно-историческим подходом к развитию личности Л. С. Выготского¹, объясняющего базовые принципы социального поведения². Проблемой советской науки длительное время оставался волюнтаристский идеологический подход, не учитывавший передовые достижения отечественных ученых. Только после издания собраний сочинений Льва Семеновича в 1980-х гг. его работы становятся известны широкому кругу отечественных педагогов. Эта ситуация обусловила более интенсивное развитие методик социологических исследований молодежи и студенчества именно за рубежом, причем в различных направлениях. Не удивительно поэтому, что вопрос субъектности студенческого волонтерского движения в плане его соответствия целям государственной культурной политики до последнего времени не рассматривался.

Выделим наиболее значимые для нашего исследования направления зарубежной социологии и отечественной социальной психологии.

Это исследования *социального характера* (Д. Рисмен и др.), *жизненного мира* социального субъекта (Э. Гуссерль, В. Виндельбанд, Г. Риккерт, Ю. Хабермас и др.), социально-психологические исследования *формирования личности*, ее жизненного мира и социального характера (Л. С. Выготский, К. Левин, Ф. Е. Василюк, Д. А. Леонтьев и др.), опросные и статистические методы мониторинга мотивации волонтерского движения и экономики третьего сектора (Х. К. Анхейер, К. Гаскин, А. В. Ермилова, И. А. Исакова,

---

¹ Подход был изложен в рукописи начала 1930-х гг. Частично в искаженном виде опубликован в 1960 г. (см.: Ясницкий А. «Когда б вы знали, из какого сора...»: К определению состава и хронологии создания основных работ Выготского // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2012. № 4. С. 1–52).

² Выготский Л. С. Педагогическая психология. М., 1991. С. 47–81, 236–249.

Л. М. Саламон, Д. Смит и др.). Разберем их подробнее.

Важность рассмотрения жизненного мира студента-волонтера обусловлена значительной ролью волонтерского движения в формировании гражданской позиции молодежи и дальнейшего влияния заложенных в студенческие годы ценностных ориентиров на иерархии отношений индивида с миром¹. Введенное Э. Гуссерлем понятие жизненного мира связано с лингвистической природой культурной общности людей, их жизненных установок и воззрений. По его мысли, анализ выраженности в языке базовых понятий об обществе и деятельности индивида в нем позволяет характеризовать контекст социальной жизни². Исследования жизненного мира, по мнению К. С. Дивисенко, стремятся «описать социальную реальность такой, какой ее воспринимают участники социального взаимодействия»³.

Жизненный мир студента-волонтера раскрывается посредством уточнения мотиваций к волонтерской деятельности и ее ценностных ориентиров. Ученые, что волонтерская деятельность студента существенно влияет на общекультурные компетенции и профессиональные навыки будущих специалистов, значительно обогащает его внутренний мир, формирует устойчивые жизненные установки, определяющие дальнейшее социальное поведение. Безусловно, волонтерской деятельностью жизненный мир любого человека и, в частности, студента не ограничивается. Но то, на что безвозмездно готов потратить время своей жизни человек, непосредственно характеризует его жизненные установки и воззрения.

К. С. Дивисенко выделяет два доминирующих в рамках зарубежной социологии направления исследований жизненного мира: традиционное, социально-феноменологическое (Э. Гуссерль и др.), и социально-критическое, базирующееся на концепции Ю. Хабермаса, в центре которой

---

¹ Леонтьев Д. А. Методика предельных смыслов (МПС): Методическое руководство. М., 1999. С. 3–4.

² Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб., 2004. С. 279.

³ Дивисенко К. С. Социальные исследования жизненного мира // Социологический журнал. 2014. № 1. С. 9.

противопоставление жизненного мира и социальной системы, стремящейся к его колонизации¹. В отечественной науке известна психологическая концептуализация жизненного мира². В целом же в социально-гуманитарных науках понятие жизненного мира используется метафорично, замещая синонимы «образ жизни», «повседневность», «культура».

В плане исследования жизненного мира студента-волонтера и лингво-феноменологический, и социально-критический подходы зарубежной социологии, как и психологические типологии жизненного мира Ф. Е. Василюка и Д. А. Леонтьева обладают определенным эвристическим потенциалом. Для синтеза обозначенных теоретических традиций можно использовать диалектико-диалогический подход Р. Т. Крейга³, сформулированный им как обоснованная практическая теория (Grounded Practical Theory, GPT)⁴. Основанием для применения этого решения является значительная роль социальной коммуникации в формировании ценностных ориентиров студента-волонтера. Одновременно, учитывая «возможность синергетической перспективы созидательной деятельности человека»⁵, следует полагать, что жизненный мир студента-волонтера является результатом реализации программ жизнедеятельности общества надбиологического уровня⁶ и корректирующим эти программы механизмом, т. е. остается динамичным явлением.

Отечественные исследователи подчеркивают, что волонтерство «является одним из важнейших социальных институтов», «обеспечивает социальную интеграцию и устойчивость общественной жизни»,

---

¹ Там же. С. 6–20.

² Василюк Ф. Е. Психология переживания. М., 1984; Леонтьев Д. А. Методика предельных смыслов (МПС): Методическое руководство. М., 1999.

³ Craig R. T. Communication Theory as a Field // *Communication Theory*. 1999. Vol. 9. Is. 2. P. 119–161; Craig R. T. Communication in the Conversation of Disciplines // *Russian Journal of Communication*. 2008. Vol. 1. Is. 1. P. 7–23.

⁴ Craig R. T., Tracy K. Building Grounded Practical Theory in Applied Communication Research: Introduction to the Special Issue // *Journal of Applied Communication Research*. 2014. Vol. 42. Is. 3. P. 229–243.

⁵ Бакуменко Г. В. Ценностная динамика символов успеха: на материале статистики кинопроката. М., 2021. С. 92.

⁶ Стёпин В. С. Культура // *Новая философская энциклопедия: в 4 тт.* М., 2010. Т. 2. С. 341–347.

«способствует социализации индивидов и их включенности в общественные процессы и интеграции с социально-активными группами»¹. Поэтому культурологический междисциплинарный синтез представляется продуктивным решением для сочетания хорошо отработанных в смежных науках приемов.

Понятие студенческого волонтерства, как и понятие жизненного мира, учеными расширяется или сужается в зависимости от контекста исследовательских задач. Это, очевидно, связано с динамизмом исследуемых явлений. Поэтому следует воспользоваться теоретическим конструктом социокультурного фронта, отражающим подвижность явления в социальной жизни и обусловленность его специфики культурными и региональными особенностями. Этот прием позволяет учитывать как отдельные особенности жизненного мира студента-волонтера, так и указать на его протяженность между обнаруженными предельными значениями².

Работы социально-феноменологического направления исследования жизненного мира³ сконцентрированы на комплексном изучении представления субъекта о собственной повседневности как подвижном горизонте, «в котором люди живут и благодаря которому все вещи и переживания обретают смысл»⁴.

Психологическая типология Ф. Е. Василюка, основанная на сопоставлении «простого» и «сложного» жизненного мира, объясняет эффект усложнения представлений о реальности дисбалансом потребностей и возможностей их реализации⁵. Простые потребности легче удовлетворить. Чем сложнее потребности субъекта, тем больше необходимо усилий для их

---

¹ Проказина Н. В., Бобылева Н. Ю., Хатнюк Н. Н. Реализация добровольческого (волонтерского) потенциала в России // Научный результат. Социология и управление. 2019. № 2. С. 47–56.

² Бакуменко Г. В, Лугинина А. Г. Виртуализация социокультурного фронта «Tertius Romae» // Журнал фронтирных исследований. 2022. № 1. С. 265–293.

³ Wongvatunyu S., Porter E. J. Helping Young Adult Children with Traumatic Brain Injury: The Life-World of Mothers // Qualitative Health Research. 2008. Vol. 18. Is. 8. P. 1062–1074.; Leithaeuser T. Subjectivity, Lifeworld, and Work Organization // Frontiers of Education in China. 2010. Vol. 5. Is. 3. P. 312–328.

⁴ Wrubel J., Acree M., Goodman S., Folkman S. End of Living: Maintaining a Lifeworld During Terminal Illness // Psychology & Health. 2009. Vol. 24. Is. 10. P. 1229–1243.

⁵ Дивисенко К. С. Социальные исследования жизненного мира // Социологический журнал. 2014. № 1. С. 14.

удовлетворения. Расширение горизонта восприятия повседневности, по мысли Ф. Е. Василюка, происходит неравномерно в плане расширения потребностей индивида и возможностей их реализации¹. Более того, сложные потребности могут провоцировать конфликт выбора целеполагания ввиду ценностных противоречий самих потребностей и способов их реализации. В зависимости от способа преодоления конфликта выбора, Ф. Е. Василюк описывает четыре стратегии развития жизненного мира:

- инфантильная – стратегия избегания принятия самостоятельных решений;
- реалистическая – стратегия рационального ограничения потребностей с целью наиболее полного их удовлетворения;
- ценностная – стратегия ориентации на ценностные нормативы общества при выборе реализуемых потребностей;
- творческая – стратегия созидания условий реализации потребностей, включая осознанное самосовершенствование и совершенствование социальной среды.

Опираясь на анализ эмпирического материала опроса волонтеров Перми, В. Н. Стегний и М. В. Никонов акцентируют внимание, что мотивация волонтерской деятельности представляет собой сложный, а порою и противоречивый комплекс факторов, группировка которых социологами традиционно осуществляется по критерию источника ценностного норматива на внешние (социальные или гетерогенные) и внутренние (личностные или эгоцентричные). Авторы склонны вслед за Ф. Фуэнтес к альтруистическим мотивам относить ориентацию добровольца на социальные ценностные нормативы, которые выражаются религиозной или этической убежденностью в необходимости помогать другим, в то время как личные мотивы, по их

---

¹ Василюк Ф. Е. Жизненный мир и кризис: типологический анализ критических ситуаций // Журнал практической психологии и психоанализа. 1995. Т. 16. № 3. С. 90–101.; Василюк Ф. Е. Психология переживания. М., 1984.

мнению, отражают индивидуалистичный эгоцентризм или даже эгоизм. Поэтому для уточнения ими предложена расширенная типология мотиваций к добровольческой деятельности, включающая мотивацию:

- карьерную;
- расширения социальных контактов;
- компенсаторную;
- альтруистическую;
- реализации долга;
- личностного роста.

Обращает на себя внимание возможность сопоставления мотивации к волонтерской деятельности с выделенными Ф. Е. Василюком стратегиями развития жизненного мира. Эгоцентричные мотивы (особенно карьерные и расширения социальных связей) подчеркивают стремление большинства волонтеров к упрощению жизненного мира.

В этой связи следует отметить, что гетерогенные факторы мотивации волонтерской деятельности ведут к усложнению жизненного мира, в то время как внутренние (субъективные) – к упрощению.

Выделяя в противовес альтруизму, несколько групп эгоцентричных (субъективных) мотивирующих факторов, пермские исследователи, по существу, указывают на их доминирование, но вместе с тем, вынуждены констатировать парадокс: в условиях доминирования эгоцентричных мотивов (карьерных), волонтеры объясняют свою деятельность альтруизмом, т. е. склонны скрывать личную выгоду¹. Это свидетельствует о признании социальной нормой именно альтруизма.

Ярославские ученые объясняют подобный парадокс (когда «мотивация к

---

¹ Стегний В. Н., Никонов М. В. Мотивация волонтерской деятельности // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2018. № 1. С. 148.

волонтерской деятельности обусловлена как альтруистическими, так нередко и эгоистическими мотивами...») стремлением большинства волонтеров к просоциальному поведению¹, когда элемент трезвого эгоизма (рационального поведения) является социальной нормой. С позиций социально-критического направления социологии жизненного мира колонизация социальной системой представлений индивида о себе и окружающей действительности неизбежна². В этой связи как положительная (гениальность, героизм и т. д.), так и отрицательная (преступность, наркомания и т. д.) формы девиации исключаются из нормативной сферы *гетерогенной колонизации*³, хотя находятся на противоположных полюсах социальной оценки. Концепт просоциального поведения И. В. Поповой и Е. А. Серовой представляется уместным, поскольку снимает дилемму корыстной / бескорыстной деятельности волонтеров и смещает акценты на социальные нормативы деятельности.

Позиция И. В. Поповой и Е. А. Серовой сопоставима с типологией жизненного мира Д. А. Леонтьева, который развивая теорию Ф. Е. Василюка, выделяет традиционалистский, прогрессистский и гедонистический типы жизненного мира⁴.

Если традиционалистские стратегии основаны на упрощении несоответствия потребностей и возможностей путем возврата к традиционным моделям и укоренившимся в традициях образцам поведения, то прогрессистские нацелены на преодоление усложняющего жизненный мир дисбаланса потребностей и возможностей путем изменения социальной реальности в желаемом направлении. Обе эти стратегии можно причислить к

---

¹ Попова И. В., Серова Е. А. Мотивация к просоциальному поведению как детерминанта развития волонтерского движения // Вестник Костромского государственного университета. Сер.: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2021. Т. 27. № 1. С. 57.

² Morimoto S. A., Friedland L. A. The lifeworld of youth in the information society // Youth&Society. 2011. Vol. 43. Is. 2. P. 549–567.; Froggatt K., Hockley J., Parker D., Brazil K. A System Lifeworld Perspective on Dying in Long Term Care Settings for Older People: Contested States in Contested Places // Health & Place. 2011. Vol. 17. Is. 1. P. 263–268 и др.

³ Термин Хабермаса.

⁴ Леонтьев Д. А. Методика предельных смыслов (МПС): Методическое руководство. М., 1999.

просоциальным, в то время как гедонистическая (по мысли Д. А. Леонтьева, паразитирующая на обеих) – явно носит исключительно проиндивидуалистский характер. Гедонизм жизненного мира, по существу, совершенно исключает бескорыстное участие индивида в волонтерском движении, требует создания особых условий для его участия в общественно-полезной деятельности, снижая, соответственно, эффективность и потенциал волонтерского труда.

Социологические исследования мотиваций к волонтерской деятельности могут быть интегрированы с исследованиями жизненного мира. Студенчество по своему составу представляет собой возрастную категорию граждан России, которая только начинает самостоятельную жизнь, постепенно освобождаясь из-под опеки родителей (семьи). Студенческая жизнь, включающая широкий спектр волонтерской деятельности, значительно расширяет жизненный мир формирующейся личности, поэтому обострение когнитивного диссонанса в этом возрасте неизбежно, что может сопровождаться протестными настроениями против перманентной колонизации социальным окружением индивидуального жизненного мира.

В плане удовлетворения потребностей влияние семьи на студента-волонтера КБР остается весьма значительным, что обуславливает сильные позиции традиционалистской стратегии формирования жизненного мира. Вместе с тем расширение возможностей студента-волонтера КБР в большинстве случаев не исчерпывается стереотипами семейного воспитания, что обуславливает усиление когнитивного диссонанса. На первом курсе организационные педагогические условия вузов в значительной степени компенсируют недостаток интерпретаций расширяющегося горизонта восприятия студентами реальности. На втором курсе эта компенсационная роль вузов (гетерогенное влияние) уже входит в противоречие с формирующимися убеждениями студентов-волонтеров на фоне роста их личностной субъектности. К третьему курсу обучения соотношение убеждений и целей волонтерской деятельности, равно как и субъективной

оценки ресурса свободного времени в целом уравнивается на фоне снижения волонтерской активности.

Можно констатировать кризис жизненного мира студента-волонтера, который обусловлен сменой парадигмы ценностных ориентиров: снижением гетерогенных факторов / мотиваторов семьи и вуза на фоне роста личностной субъектности студента.

Высокая степень научной разработанности проблемы оценки приоритетов студентов-волонтеров обусловлена тем, что изучение волонтерской деятельности студентов составляет отдельное направление исследований как в России¹, так и за рубежом². Внимание уделяется развитию не только профессиональных навыков будущих специалистов, но и общекультурным компетенциям: и в России, и за рубежом волонтерская деятельность студента в оптимальных организационно-педагогических условиях учебного заведения рассматривается как комплексное средство воспитания и профессионального развития личности, как средство проектирования перспективной ситуации в культуре конкретного региона.

Федеральный закон России «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)³» с последними поправками от 21.11.2022. определяет волонтерство как добровольную деятельность граждан с общественно-полезными целями. Хотя специфика и сущностные характеристики феномена волонтерства теоретиками постоянно

---

¹ Ермилова А. В., Исакова И. А. Специфика волонтерской деятельности в современной России: региональные практики // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. № 4. С. 48–57 и др.

² Alexander A. A Student Volunteer Program Takes Patient Satisfaction to the Next Level // *Oncology Issues*. 2017. Vol. 32. Is. 5. P. 14–19.; Gaskin K., Smith J. D. A New Civic Europe? L., 1997.; Holmes K. A Paull M., Haski-Leventhal D. [and etc.] Continuum of University Student Volunteer Programme Models // *Journal of Higher Education Policy and Management*. 2021. Vol. 43. Is. 3. P. 281–297.; Russi A. E., Bhaumik S., Herzog J. J. [and etc.] Impact of an Education-Centered Medical Home on Quality at a Student-Volunteer Free Clinic // *Medical Education Online*, 2018. Vol. 23. Is. 1. Article 1505401.; Salamon L. M., Anheier H. K. The Emerging Nonprofit Sector: An Overview (Johns Hopkins Non-Profit Sector Series; 1). Manchester, 1996.; Salamon L. M., Anheier H. K., List R., Toepler S., Sokolowski S. W. Associates Global Civil Society: Dimensions of the Non-profit Sector / Johns Hopkins University. Baltimore, Maryland, 1999.; Smith J. D. Ellis A., Gaskin K Volunteering impact assessment toolkit: A practical guide for assessing the difference that volunteering makes. L., 2015. и др.

³ Федеральный закон «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» от 11.08.1995 № 135-ФЗ (ред. от 21.11.2022). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7495/ (дата обращения 22.02.2023).

корректируются, в том числе и с учетом региональной специфики¹. Для характеристики культуры региона важно иметь четкое представление о мотивации добровольного участия молодежи в общественно полезном труде, об индивидуальных и групповых интересах студентов, реализуемых ими посредством волонтерства, а также осуществлять постоянный мониторинг ценностных ориентиров студента-волонтера, чтобы знать, на какие области деятельности направлен интерес волонтера. Опираясь на мониторинг, представляется возможным посредством социокультурного проектирования направлять саморазвитие личности в конструктивное русло². Так реализуется социокультурный потенциал волонтерства как стратегический ресурс государственного управления в сфере культуры³.

В этой связи наиболее остро стоит вопрос исследования региональной специфики волонтерского движения, отражающего важный аспект культуры региона. Если в отдельных регионах России мониторинг ценностных ориентиров и мотиваций студента-волонтера уже осуществляется⁴, то в Кабардино-Балкарии (КБР) этот аспект остается мало изученным. Поэтому крайне важно с помощью социологических опросных методик, адаптированных для характеристики культуры региона, осуществить замер показателей ценностных ориентиров студентов-волонтеров КБР. Международный опыт исследований третьего сектора и места в нем

---

¹ Ермилова А. В., Исакова И. А. Специфика волонтерской деятельности в современной России: региональные практики // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. № 4. С. 48–57.

² Певная М. В., Кузьминчук А. А. Динамика студенческого волонтерства в Свердловской области // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2016. № 4. С. 135–148.

³ Проказина Н. В., Бобылева Н. Ю., Хатнюк Н. Н. Реализация добровольческого (волонтерского) потенциала в России // Научный результат. Социология и управление. 2019. № 2. С. 47–56.

⁴ Ермилова А. В., Исакова И. А. Специфика волонтерской деятельности в современной России: региональные практики // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. № 4. С. 48–57.; Зборовский Г. Е., Певная М. В., Ведерников А. А. Волонтерство в пространстве регионального управления (кейс Свердловской области) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2018. № 4. С. 10–25.; Певная М. В., Кузьминчук А. А. Динамика студенческого волонтерства в Свердловской области // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2016. № 4. С. 135–148.; Стегний В. Н., Никонов М. В. Мотивация волонтерской деятельности // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2018. № 1. С. 146–156.

волонтерской деятельности представляется ценным в плане выработки методов изучения региональной специфики.

Несмотря на то, что авторитетные неправительственные некоммерческие организации, активно привлекающие к своей деятельности волонтеров, получили консультативный статус в ООН практически с момента образования этого межгосударственного объединения (1946), их классификация и стандартизация начинается только в конце XX в. Совместно Статистическая комиссия ООН и Центр исследований гражданского общества Университета Хопкинса, подключив к исследованиям ведущих мировых экспертов, за десятилетие 1993–2003 гг. разработали методику анализа роли третьего сектора в мировой экономике, включая классификацию основных ценностных приоритетов добровольной деятельности, опубликовав проект Справочника некоммерческих организаций в Системе национальных счетов¹. В 2006 г. Справочник (Руководство) публикуется и на русском языке².

Обращаясь к исследованию культурных смыслов волонтерского движения, целесообразно рассмотреть представленную статистику Справочника ООН, поскольку она позволяет сравнивать долю организаций в экономике стран по отраслям волонтерской деятельности на основе характерного продукта. Вопросы же рисков в эпоху цифровизации сводятся к проблемам организационной, коммуникационной и информационной культуры волонтеров, о чем пишут как зарубежные, так и отечественные авторы³. На первое место здесь выступает проблема прозрачности деятельности некоммерческих организаций и волонтеров, которая может

---

¹ Handbook on Non-Profit Institutions in the System of National Accounts / Department of Economic and Social Affairs Statistics Division. N. Y., 2003.; System of National Accounts / United Nations. Brussels/Luxembourg, Paris, Washington, D.C., N/Y., 1993.

² Руководство по некоммерческим организациям в Системе национальных счетов / Статистический отдел Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН. Нью-Йорк, 2006.

³ Бочарникова Н. А., Ардашова Ю. И. Организация профессионально-культурной, волонтерской деятельности студентов – будущих специалистов по социальной работе // Вестник ЗабГУ. 2012. № 2. С. 42–46.; Купцова И. А. Формирование культуры волонтерства в процессе профессиональной подготовки студентов // Педагогика и психология образования. 2018. №3. С. 86–94.; Старовойтова Л. И., Горлова Н. И. Зарубежный опыт управления волонтерскими ресурсами в учреждениях культуры // Культура и образование. 2020. № 1. С. 82–90.; Gaskin K., Smith J. D. A New Civic Europe? L., 1997.; Musick M. A. Volunteers: A Social Profile: Philanthropic and Nonprofit Studies. 1st ed. Bloomington, 2007.

обеспечиваться новейшими ИКТ, включая социальную рекламу и возможности соцсетей Интернета.

Институты третьего сектора в Справочнике ООН определяются по пяти существенным признакам: (а) это организации, которые (b) некоммерческие по закону или обычаю, т. е. не распределяют прибыль между учредителями и владельцами, и являются (с) негосударственными, (d) самоуправляемыми, а их деятельность (е) носит необязательный добровольный характер. В основе статистических таблиц Справочника лежит специально разработанная в 2000 г. общая классификация экономической деятельности по отраслям на основе характерного продукта, который они производят¹.

Российские показатели 1990–1993 гг. по отраслям на основе характерного продукта², свидетельствуют, что волонтеры России с наибольшим интересом поддерживали «Союзы» (общественные объединения по интересам) (7,9 % активных организаций), на втором месте по популярности были спортивные организации (3,2 %), на третьем – творческие (2,9 %), на четвертом с идентичными показателями – политические партии, экологические организации и профсоюзы (2,6 %), а подытоживали ценностную шкалу религиозные организации и другие виды благотворительной деятельности (по 1,4 %).

Примерно в это же время в Европе проводился опрос волонтеров для выяснения причин, по которым они решают заниматься или не заниматься добровольной деятельностью: 51 % опрошенных указали, что им это нравится; 36 % – чтобы завести новых друзей; 34 % – искали удовлетворение от результатов своей работы; 29 % – так поддерживали активность; 24 % – для получения опыта; 18 % – для признания в обществе; и 18 % – в силу стремления сохранить свои основные религиозные или политические

---

¹ Handbook on Non-Profit Institutions in the System of National Accounts / Department of Economic and Social Affairs Statistics Division. N. Y., 2003. P. 26.

² Руководство по некоммерческим организациям в Системе национальных счетов. Нью-Йорк, 2006. С. 330–346.

ценности (допускалось несколько ответов)¹.

Подчеркнем наблюдение: ответы опроса (51 % опрошенных нравится добровольная деятельность, т. е. она соответствует их интересам, а наименьшее число опрошенных видят в ней возможность сохранять свои религиозные или политические ценности) коррелируют со статистическими российскими показателями Справочника ООН (на первом месте общественные объединения по интересам, а внизу ценностной шкалы религиозные организации и другие виды благотворительной деятельности). Корреляция результатов статистических и опросных методик указывает на перспективность их интеграции в дальнейшей исследовательской работе.

Как мы видим, статистические инструменты анализа международной группы экспертов Университета Дж. Хопкинса² в Справочнике ООН³ подкреплены опросными методами британских ученых Катарины Гаскин и Дэвиса Смита⁴.

Разработка Гаскин-Смита⁵ основана на фиксации внешних (гетерогенных, социальных) и внутренних (субъективных, личностных) факторов мотивации к волонтерской деятельности. Их позиции согласуются с концепцией критического исследования жизненного мира, опирающейся на противопоставление жизненного мира индивида и общества.

Выделение преобладающего фактора мотивации в процентном отношении из общего числа опрошенных, как это заложено в методику

---

¹ Gaskin K., Smith J. D. A New Civic Europe? L., 1997. P. 50–54

² Salamon L. M., and Anheier, H. K. The Emerging Nonprofit Sector. Manchester, 1996.; Salamon L. M., Anheier H. K., List R., Toepler S., Sokolowski S. W. Associates Global Civil Society: Dimensions of the Non-profit Sector / Johns Hopkins University. Baltimore, Maryland, 1999.

³ Handbook on Non-Profit Institutions in the System of National Accounts / Department of Economic and Social Affairs Statistics Division. N. Y., 2003.; Руководство по некоммерческим организациям в Системе национальных счетов / Статистический отдел Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН. Нью-Йорк, 2006.

⁴ Gaskin K., Smith J. D. A New Civic Europe? L., 1997. 128 p.; Smith J. D., Ellis, A., Gaskin, K., Howlett, S., & Stuart, J. Volunteering Impact Assessment Toolkit: A Practical Guide for Assessing the Difference that Volunteering Makes (3rd ed.). L., 2015.

⁵ Smith J. D., Ellis, A., Gaskin, K., Howlett, S., & Stuart, J. Volunteering Impact Assessment Toolkit: A Practical Guide for Assessing the Difference that Volunteering Makes (3rd ed.). L., 2015.

Гаскин-Смита, как применяется А. В. Ермиловой и И. А. Исаковой¹, В. Н. Стегнием и М. В. Никоновым², а также специалистами ВЦИОМ³, позволяет установить иерархию мотиваторов среди опрошенных.

В том числе, как показывает исследование А. В. Ермиловой и И. А. Исаковой, при дифференцированном по регионам подходе обнаруживаются в этой иерархии и региональные особенности. Ценность исследования А. В. Ермиловой и И. А. Исаковой составляет также анализ распространенности ответов респондентов по возрастным и гендерным признакам. Гендерный аспект следует включить и в наше исследование. Общее же замечание, что с возрастом интерес к социализации посредством волонтерской деятельности (внешний мотиватор) сменяется субъективной заинтересованностью в расширении контактов (внутренний фактор), представляется интересным. Это подтверждает и наше наблюдение общего снижения значимости совокупности мотиваторов от первого курса к четвертому⁴. Не разрешенным остается вопрос: институциональная среда вузов влияет на снижение роли мотивационных факторов или возраст волонтеров? Возрастной переход от преобладания внешних (социальных, гетерогенных или гетерономных) факторов к субъективным характеризует их большую индивидуальность и рассредоточенность по личным интересам волонтеров со временем.

Как отмечают вслед за испанским социальным психологом Ф. Фуэнтесом В. Н. Стегний и М. В. Никонов, «не существует волонтера, который в чистом виде был ведомым теми или иными мотивами. Волонтером движет комбинация мотивов, в которой один из мотивов будет доминировать

---

¹ Ермилова А. В., Исакова И. А. Специфика волонтерской деятельности в современной России: региональные практики // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. № 4. С. 48–57.

² Стегний В. Н., Никонов М. В. Мотивация волонтерской деятельности // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2018. № 1. С. 146–156.

³ Нежина Т. Г., Петухова К. А., Четчикова Н. И., Миндарова И. С. Мотивация участия молодежи в волонтерском движении // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. № 3. С. 51–52.

⁴ См.: раздел 2.2.

над другими»¹. С первой частью утверждения можно согласиться. А вот однозначность доминирующего мотивационного фактора еще следует проверить.

Опираясь на собственные исследования мотивации волонтеров Перми, В. Н. Стегний и М. В. Никонов приходят к выводу, «что основными мотивами волонтерской деятельности являются: приобретение нового опыта, знаний и навыков (62,5 %), общение с интересными людьми (59,5 %), личное удовлетворение (58,5 %), возможность увидеть мир и познакомиться (48,5 %), полезные знакомства (46 %). Данные мотивы можно отнести к группе карьерных мотивов и мотивов расширения социальных контактов. Стоит вновь отметить, что альтруистические мотивы не вошли в первую пятерку. Но при ответе на вопрос “Почему Вы стали волонтером?” 59 % респондентов отметили вариант “Улучшить жизнь в обществе (помогать людям)”»².

Отмеченный парадокс либо свидетельствует о стремлении волонтеров скрыть свои истинные намерения (мотивы), либо о необходимости более точно установить соотношение различных мотивов.

Для этого необходимо оценочное шкалирование ответов респондентов, усиленное диспозицией аргументов и контраргументов в пользу добровольной деятельности. Близость по значимости аргументов и контраргументов, а тем более превосходство контраргументов, более точно устанавливает меньшую значимость фактора по сравнению с «контрфакторами», где положительная мотивация значительно преобладает. Оценочное шкалирование аргументов и контраргументов позволит сопоставлять и сравнивать количественные показатели.

Кроме того, необходима возрастная дифференциация респондентов.

---

¹ Стегний В. Н., Никонов М. В. Мотивация волонтерской деятельности // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2018. № 1. С. 149.

² Стегний В. Н., Никонов М. В. Мотивация волонтерской деятельности // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2018. № 1. С. 148.

В нашем случае, учитывая возрастную динамику ценностных приоритетов студентов-волонтеров представляется ценным осуществить привязку респондента к году обучения в вузе для того, чтобы проследить особенности изменения жизненного мира студента-волонтера на разных курсах.

На наш взгляд, противопоставление «альтруистических» мотивов «эгоцентрическим», как это делает Л. А. Кудринская¹, к чему склоняются В. Н. Стегний и М. В. Никонов, – спорно. Это при обобщении может исказить реальную ситуацию, когда и «альтруистические», и «эгоцентрические» мотивации одновременно обуславливают занятие добровольной общественно полезной деятельностью. Кроме того, например, трудоустройство или стремление к карьерному росту с помощью волонтерской деятельности, однозначно относимое исследователями к эгоцентричным мотивам, является не столь однозначным фактором, ведь обеспечивая себя заработком человек, а особенно молодой специалист, одновременно самостоятельно решает и важнейшую социальную проблему. Здесь следует сопоставить альтруизм, вытекающий из материальной обеспеченности реципиента (волонтерство исключительно в свободное время и на собственные деньги, которых в избытке), и альтруизм «по нужде», когда волонтерская деятельность оказывается одним из путей повышения материального и социального благополучия реципиента.

При изучении студентов-волонтеров приходится полностью исключить первый тип альтруизма, или считать его исключительной ситуацией на фоне господствующей в регионах России нормы — особого социального положения молодежи, характеризующегося низкими доходами в силу вполне очевидных причин. На это обстоятельство, в частности, обращает внимание А. В. Кисиленко, подчеркивая социальную значимость не столько

---

¹ Кудринская Л. А. Добровольческий труд: сущность, функции, специфика // Социологические исследования. 2006. № 5. С. 15–22.

материальных результатов волонтерского труда, сколько формирующего общество потенциала ценностных ориентаций молодежи¹.

Как подчеркивают Н. В. Проказина, Н. Ю. Бобылева и Н. Н. Хатнюк, волонтерство «является одним из важнейших социальных институтов», «обеспечивает социальную интеграцию и устойчивость общественной жизни», «способствует социализации индивидов и их включенности в общественные процессы и интеграции с социально-активными группами»², поэтому противопоставление «альтруистических» и «эгоцентрических» мотивов достаточно условно. Для отдельных познавательных целей, возможно, оно и целесообразно, но в целом диалектика общественного и индивидуального не исключает достижения общественного блага посредством ориентации индивида на собственные («эгоцентричные») цели и мотивы.

Проведенный обзор специальной литературы, продемонстрировал, что социокультурный подход, позволяющий фиксировать в качестве ценностных ориентиров волонтеров не только мотивы их деятельности, но и результат этой деятельности в форме конкретных затрат времени, не часто применяется отечественными учеными. Хотя в перспективе подобного исследования можно установить существует ли соответствие отдельных мотивов затратам времени в конкретных областях волонтерской деятельности.

* * *

Таким образом, разработанных и широко апробированных методов достаточно для сбора количественных показателей характеристики социокультурных смыслов молодежного волонтерского движения Кабардино-Балкарии. Но вполне очевидна необходимость адаптации применяемых методов, тонкой настройки широко используемых инструментов под задачи

---

¹ Кисиленко А. В. Волонтерство: потенциал самоорганизации российской молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2018. № 1. С. 63–71.

² Проказина Н. В., Бобылева Н. Ю., Хатнюк Н. Н. Реализация добровольческого (волонтерского) потенциала в России // Научный результат. Социология и управление. 2019. № 2. С. 47–56.

рационального использования исторически сложившегося механизма стимулирования воспроизводства культуры как системной целостности, каким является студенческого волонтерское движение. Необходима авторизованная модель социокультурного мониторинга студенческого волонтерского движения для раскрытия его потенциала в контексте задач государственной культурной политики. Совершенствование практики обмена свободного времени студенчества как наиболее активной части молодежной субкультуры на опыт социализации / инкультурации в социальной среде, стимулирующей воспроизводство культуры как исторически развивающейся системы надбиологических программ жизнедеятельности общества, диктует необходимость тонкой настройки широко используемых инструментов анализа под задачи реализации государственной культурной политики.

Вместе с тем, учитывая вышеизложенное, следует сформулировать тезис о невозможности строго регламентировать и нормировать студенческое волонтерское движение в рамках официального нормотворческого дискурса доминирующей культуры. Оставаясь частью молодежной субкультуры студенчество критически переосмысливает притязания устоявшихся социальных институтов на колонизацию жизненного мира молодого поколения. При усилении социального давления на молодежь в ответ можно получить лишь усиление протестных настроений. Поэтому влияние на формирование просоциальных характеристик ценностных ориентаций студенческого волонтерского движения возможно исключительно мягкой силой культуры за счет доступности и открытости опыта старших поколений студенту-волонтеру, заинтересованному в социализации. Молодежь и студенчество в любом случае ориентированы при самореализации на утверждение собственной уникальности, которая формируется в субъективном пространстве свободного времени индивида. Добровольный труд студента-волонтера, таким образом обретает в системе воспроизводства культуры решающее значение.

Следовательно, субъектность студенческого волонтерского движения всегда будет выходить за рамки официального нормотворческого дискурса, стимулируя саморазвитие и модернизацию общественных отношений. В этом состоит общесистемная функция молодого поколения в системе воспроизводства культуры. Одновременно волонтерская деятельность стимулирует выработку у студентов-волонтеров просоциальных ценностных установок добровольного труда и базовые черты гражданственности, свойства личности, обеспечивающие гражданскую позицию. Соответственно, субъектность студенческого волонтерского движения в сложной системе государственной культурной политики выполняет функцию оптимизации усилий общества по формированию у молодежи просоциальных личностных качеств.

Выводы по первой главе

Наиболее существенные теоретически обоснованные выводы изложены в заключительных разделах каждого параграфа, но не менее важными представляются более широкие обобщения, указывающие перспективы дальнейших исследований. В первой главе был изучен и установлен теоретический базис, позволяющий рассматривать волонтерское движение в качестве потенциального субъекта государственной культурной политики, а также теоретически продуман алгоритм адаптации к задачам диагностики, дидактики и управления потенциалом молодежного волонтерского движения Кабардино-Балкарии метода социологического опроса.

Прежде всего следует отметить возможность расширения научных представлений о месте добровольного труда в системе воспроизводства культуры на основе деятельностного подхода отечественной культурологии (Л. Н. Коган, Г. П. Щедровицкий, А. Я. Флиер и др.).

Историки волонтерского движения на примере вольных обществ фиксируют интенсивное развитие волонтерства в России во второй половине

XIX в. Но следует заметить, что в это время добровольный труд и меценатство лишь обретают первые организационные формы, т. е. происходит институализация некоторой формы культуры в артефактах организационной культуры, которая, как показали отдельные проанализированные примеры, была свойственной и иным культурам более раннего времени. Существенной ценностью волонтерского труда является его свободный характер. Добровольный труд осуществляется исключительно в свободное время, которое по мысли Л. Н. Когана остается субъективной характеристикой времени, порождающей как художественное творчество, так и любые другие формы культуры.

В то же время Й. Хейзинга весьма аргументировано продемонстрировал в своем фундаментальном труде, что особый континуум свободного времени связан с игрой, которая, в свою очередь, настолько укоренена в социальных практиках, что позволяет нидерландскому теоретику считать её первоосновой культуры. Правда не в том смысле, что игра предшествует культуре и сменяется последней, а в том, что культура предварительно разыгрывается и совершенствуется в особом временном континууме игры, прежде чем обретает устоявшиеся формы. Этот процесс, по мысли Й. Хейзинги, не только постоянно протекает в жизнедеятельности общества, но и проявляет некоторые закономерности: чем выше системный уровень игры и большее число вовлеченных в неё людей, тем богаче их общая культура и выше уровень системной организации общества в целом.

Категория свободного времени является общей и для особого континуума игры, и для процесса формирования культуры, который реализуется в результате конкретной деятельности в культурных артефактах. В месте с тем концепция жизненного мира Ю. Хабермаса также предполагает субъективное измерение времени, в основе которого лежит свобода индивида им распоряжаться по своему усмотрению, в том числе консолидироваться в различных формах коллективного труда с сообществом, если последнее не отчуждает право индивида на свободное распоряжение временем. Отчуждение

же времени положено Ю. Хабермасом в основание понятия колонизации жизненного мира индивида социальной системой.

Подчеркнем, что институализированное и закрепленное в законодательстве Российской Федерации понятие волонтерства зиждется на понятии добровольного социально ориентированного труда. Категория добровольного труда в полной мере согласуется с вышеупомянутыми теоретическими соображениями о свободном времени и консолидации сообщества в различных формах свободного коллективного труда. Не оспаривая концепцию насильственной природы государства (К. Маркс, Э. Дюркгейм, П. Бурдьё и др.), обратим внимание, что нет оснований исключать ненасильственные формы социальной самоорганизации, основанные на свободном / добровольном труде. Сложное диалектическое единство государственного управления и социального самоуправления указывает на то, что социальное самоуправление является ресурсом оптимизации и повышения эффективности госуправления. В этой системе волонтерство обретает статус проявления социального самоуправления. Диалектическое противоречие социальной самоорганизации и государственного управления разрешается в рамках ценностно-нормативного определения государства как высшего проявления системной организации общества.

Обобщая вышесказанное, следует отметить, что молодежное волонтерство не только является частью механизма воспроизводства и модернизации культуры как исторически развивающейся системы надбиологических программ жизнедеятельности общества в плане обмена культурным опытом между поколениями; его потенциал также реализуется в области саморегуляции и самоуправления общества. Этот аспект выходит за рамки заявленной темы и требует дальнейшего изучения. Такая постановка вопроса влечет за собой необходимость переосмысления широко распространенного либерального концепта гражданского общества, сущностного проявляющего себя за пределами семьи, церкви и государства.

Если в центр внимания мы ставим жизненный мир волонтера, то нет необходимости исключать из него систему его взаимосвязей с семьей, церковью и государством, лишая жизненный мир эмотивной составляющей, основанной на личностной взаимной привязанности и общих ценностях за пределами экономических отношений. Соответственно, если на волонтерском труде в принципе основан социально-экономический потенциал третьего сектора гражданского общества, то либеральная установка на поиск гражданского общества за пределами семьи, церкви и государства нацелено на разрушение системного единства сложной диалектической связи индивида и общества, жизненного мира и социальной системы, социального самоуправления и государственного управления.

Из этого следует, что широко распространенное и доминирующее в западном теоретическом дискурсе понятие гражданского общества как формы социальной солидарности за пределами семьи, церкви и государства является манипулятивным симулякром, не описывающим реальность. Это симулякр нацелен на разрушение сложной взаимосвязи семьи, церкви и государства и тотальное подавление (колонизацию) жизненного мира волонтера. Поэтому понятие гражданского общества нуждается как в дальнейшей культурологической оценке, так и в социально-философском переосмыслении.

Таким образом, дальнейшее изучение молодежного волонтерского движения и студенческого волонтерства как потенциального субъекта государственной политики связано с развитием социальной и организационной теорий, а эмпирические исследования этого феномена кумулятивно расширяют как область методического обеспечения государственной культурной политики, так и область обеспечения управления в целом. В этой связи есть основания полагать, что представленные в второй главе результаты эмпирического исследования студенческого волонтерства ведущих вузов Кабардино-Балкарии

представляют ценность как для обеспечения государственного культурной политики, так и для смежных областей управления.

ГЛАВА 2

КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МОЛОДЕЖНОГО ВОЛОНТЕРСКОГО ДВИЖЕНИЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

2.1 Социокультурный мониторинг жизненного мира волонтера

Исследования молодежного волонтерского движения как правило выделяются по возрастной группе респондентов до 35 лет¹. Есть отдельное направление исследований студентов-волонтеров².

Наша задача состоит в том, чтобы диагностировать состояние студенческого волонтерского движения Кабардино-Балкарии для рационального использования этого исторически сложившегося механизма стимулирования воспроизводства культуры как системной целостности. Речь идет о выявлении потенциала студенческого волонтерского движения в реализации задач государственной культурной политики и, соответственно, субъектного потенциала студенчества. До последнего времени подобная задача не ставилась. Работа с молодежью в этом направлении не всегда носит системный в достаточной степени последовательный характер, учитывающий место волонтерского студенческого движения в системе воспроизводства культуры. Хотя, как продемонстрировано в предыдущих параграфах, существуют различные методологические подходы, позволяющие

---

¹ Кузьминчук А. А., Певная М. В., Тимиршина Е. Р. Направления молодежного добровольчества: специфика и перспективы развития // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 2. С. 68–77; Нежина Т. Г., Петухова К. А., Четкина Н. И., Миндарова И. С. Мотивация участия молодежи в волонтерском движении // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. № 3. С. 49–71; Проказина Н. В., Бобылева Н. Ю., Хатнюк Н. Н. Реализация добровольческого (волонтерского) потенциала в России // Научный результат. Социология и управление. 2019. № 2. С. 47–56; Семенова О. А. Особенности волонтерской деятельности в медицинском университете // Международный научно-исследовательский журнал. 2019. № 9–2. С. 24–27 и др.

² Певная М. В., Кузьминчук А. А. Динамика студенческого волонтерства в Свердловской области // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2016. № 4. С. 135–148 и др.

сконцентрировать апробированные методики на задачах государственной культурной политики силами волонтерского студенческого движения.

Законодательство России четко определяет, что к волонтерской деятельности относится исключительно добровольный социально ориентированный труд¹. Зависимость жизни студентов от учебного процесса образовательного учреждения накладывает на вуз определенную ответственность в плане контроля и проектирования волонтерской деятельности студентов. Поэтому самодиагностика студенческого молодежного движения как основной принцип социокультурного мониторинга волонтерства одновременно будет являться диагностикой роли вуза в раскрытии потенциала волонтерского движения студентов.

Наша идея состоит в том, что посредством ежегодного опроса студентов и публикации его обезличенных результатов можно положительно влиять на ценностные приоритеты студенческой волонтерской деятельности, а через них на специфику жизненного мира студента-волонтера и становление его личностных качеств, одновременно стимулируя добровольную деятельность и просвещая молодежь. Ведь, как показывает практика, далеко не все первокурсники четко определяют возможные виды добровольной деятельности, цели и задачи собственного участия в волонтерском движении.

В основу предлагаемой модели социокультурного мониторинга студенческого молодежного движения, положены адаптированные к задачам государственной культурной политики широко применяемые инструментальные методы.

Студенты по-разному определяют свою добровольную деятельность. Специалисты Университета Дж. Хопкинса для осуществления обследования волонтеров европейских стран применили наиболее общую типологию видов

---

¹ Федеральный закон «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» от 11.08.1995 № 135-ФЗ (ред. от 21.11.2022). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7495/ (дата обращения 22.06.2023).

волонтерской деятельности¹. Помимо списка основных направлений респондентам в конце формы в разделе «Прочее» предлагается указать не вошедшее в список направление, если они такое знают. Эту форму мы берем без изменения для составления первого блока опросной модели самодиагностики вуза в раскрытии потенциала волонтерского движения студентов².

Эта форма посредством перечисления основных видов волонтерской деятельности ориентирует студентов в ее многообразии и одновременно тестирует неохваченный виды. Если студент предложит свой вариант, накапливаются новые сведения.

Так, к примеру, апробация предлагаемой опросной модели на аудитории студентов-волонтеров отдельных вузов КБР показала, что некоторые студенты относят к волонтерскому добровольному труду помощь родственникам по дому. Помощь малоимущим, больным или престарелым родственникам в традициях народов КБР выходит далеко за ближний родственный круг (отец, мать, дед, бабушка, брат, сестра). Порою даже однофамильцы включаются в дальний родственный круг и образуется так называемая «большая семья». Подобные связи характерны для не только народов Северного-Кавказа, но практически всем народам юга европейского континента, а также Средней и Юго-Восточной Азии.

Традиционно, семейная взаимопомощь исследователями не относится к разряду социально ориентированной добровольной деятельности, т. е. к волонтерству. Но применительно к специфике культуры народов Северного-Кавказа, возможно, было бы правильно не исключать семейственность из сферы волонтерства, а наоборот опираться на нее, развивая просоциальные качества студента-волонтера.

---

¹ Civil Society: Dimensions of the Non-profit Sector / L. M. Salamon, H. K. Anheier, R. List [and etc.]; Johns Hopkins University. Baltimore, Maryland, 1999.; Salamon L. M., Anheier H. K. The Emerging Nonprofit Sector: An Overview (Johns Hopkins Non-Profit Sector Series; 1). Manchester, 1996.

² См.: Приложение 1. Опросный лист А: Ознакомление с областями волонтерской деятельности.

Второй блок опросной формы составлен с учетом необходимости дифференцировать респондентов, и является адаптированным для диагностических задач¹:

- по году обучения в вузе (1 курс (бакалавриат), 2 курс (бакалавриат), 3 курс (бакалавриат), 4 курс (бакалавриат), 1 курс (магистратура), 2 курс (магистратура));
- по полу (М, Ж);
- по возрастной категории (младше 17 лет, 17–18 лет, 19–20 лет, 21–22 года, 23–24 года, старше 25).

По гендерным и возрастным характеристикам часто определяются региональные особенности волонтерского движения². Поэтому эти показатели важны в нашем исследовании не только для внутренних нужд, но в плане кросс-культурных сравнений.

В основе следующего блока³ лежит методика изучения мотивации к волонтерской деятельности Катарини Гаскин и Дэвиса Смита⁴. Эта методика широко применяется и в России⁵. Однако, она не позволяет сравнивать место отдельных факторов мотивации к волонтерской деятельности в ценностных приоритетах студентов. Наблюдение факторного значения одного из показателей основывается на сравнении процентного соотношения респондентов, выбравших один из мотиваторов в качестве основного. Выводы строятся на заключении, что некоторое число респондентов (процент от общего числа опрошенных) утверждает, что на их решение повлиял такой-то фактор. Сами факторы дифференцируются на внешние (гетерогенные) и

---

¹ См.: Приложение 1. Опросный лист Б: Краткие сведения о респонденте.

² Ермилова А. В., Исакова И. А. Специфика волонтерской деятельности в современной России: региональные практики // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. № 4. С. 48–57.

³ См.: Приложение 1. Опросный лист В: Мотивация к волонтерской деятельности.

⁴ Gaskin K., Smith J. D. A New Civic Europe? L., 1997.; Smith J. D., Ellis, A., Gaskin, K., Howlett, S., & Stuart, J. Volunteering Impact Assessment Toolkit: A Practical Guide for Assessing the Difference that Volunteering Makes (3rd ed.). L., 2015.

⁵ Нежина Т. Г., Петухова К. А., Четчикова Н. И., Миндарова И. С. Мотивация участия молодежи в волонтерском движении // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. № 3. С. 51–52.

внутренние (субъективные), что и приводит к спорным суждениям об эгоцентричных мотивациях к волонтерской деятельности¹. Однако, при таком подходе не учитывается, что на одного и того же реципиента одновременно воздействуют несколько мотивирующих факторов и их ценностные соотношения могут сильно изменяться со временем. Поэтому, мы авторизовали, усовершенствовали опрос, включив в него оценочный элемент.

Во-первых, мы предложили респондентам не просто отмечать доминирующие факторы мотивации волонтерской деятельности, а оценивать их по десятибалльной шкале: где «10» означает, что сформулированный критерий в наибольшей степени отражает мотивацию респондента, а «1» – в наименьшей. Так появляется возможность у студента-волонтера не выбирать мотивирующий фактор, а оценивать, исходя из собственных представлений. Одновременно учитывается, что мотивов к волонтерской деятельности может быть множество, включая противоречивые.

Во-вторых, мы попарно расположили аргументы («Я волонтер, потому что...») и контраргументы («Я не волонтер, потому что...»), предполагая фронтальный опрос студентов, часть которых, возможно, не принимает участие в волонтерской деятельности. Помимо прочего, такой подход позволяет осуществлять информационную рассылку предложения принять участие в опросе всем студентам без исключения.

Оцениваемые аргументы и контраргументы сформулированы из высказываний, попарно коррелирующих между собой и раскрывающих диспозицию положительных и отрицательных мотиваций. Это позволяет путем сравнения данных реципиентами ответов оценить степень их релевантности (правдивости). Примененное шкалирование позволяет, с одной стороны, реципиенту оценить заданное ценностное высказывание по степени его значимости на принятие им решения об участии/неучастии в волонтерской

---

¹ Стегний В. Н., Никонов М. В. Мотивация волонтерской деятельности // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2018. № 1. С. 146–156.

деятельности. С другой, – дифференцировано наблюдать уровень значимости мотиваторов для студентов региона, включая изменение их соотношений в зависимости от года обучения в вузе, что непосредственно характеризует текущую ситуацию в развитии молодежного сегмента региональной культуры.

Дифференциация по году обучения в вузе, прежде всего позволяет оценить соотношение групп участвующих в опросе студентов, а за тем наблюдать как меняется роль отдельных мотиваторов в зависимости от влияния образовательной среды вуза на студенческую аудиторию, что в перспективе позволяет комплексно оценить направленность социокультурного воздействия высшего образования региона на становление гражданской позиции молодежи КБР.

Четвертый опросный блок¹ взаимосвязан с первым² в плане типологии видов волонтерской деятельности и основан на замерах труда в некоммерческом секторе³.

Респондентам предложено указать:

- во-первых, – в какой из областей, если таковые имеются, они трудились в течение прошлого месяца;
- во-вторых, – занимались ли они волонтерской деятельностью в прошлом году в каких-либо областях.
- в-третьих, – примерное время, затраченное в среднем за месяц на каждую из областей: а) на работу в прошлом месяце; б) сколько часов в месяц потрачено в прошлом году. Данные предложено указать с учетом округления до 10-ти часов: пустая клетка означает менее 1 часа в месяц, за тем следуют условные показатели: «до 10 часов», «до 20 часов», «до 30 часов» или «более 30 часов».

---

¹ См.: Приложение 1. Опросный лист В: Приоритеты волонтерской деятельности.

² См.: Приложение 1. Опросный лист А: Ознакомление с областями волонтерской деятельности.

³ Руководство по некоммерческим организациям в Системе национальных счетов. Нью-Йорк, 2006. С. 311.

Этот блок позволяет приблизительно установить трудозатраты студента-волонтера на определенный вид волонтерской деятельности и, одновременно, место того или иного вида деятельности в жизненном мире студента-волонтера. Кроме того, в нем предусмотрена процедура сверки субъективных суждений студентов об их волонтерской деятельности в прошлом году. При ежегодном тестировании студентов накапливаются статистические сведения, позволяющие корректировать и объективизировать субъективные суждения относительно расходования свободного времени. Момент коррекции позволяет ввести в оборот среднестатистический коэффициент субъективности оценки студентами своей прошлогодней добровольной деятельности с опорой на сведения по прошлому месяцу.

Все блоки опросной модели самодиагностики студенческого молодежного движения между собой взаимосвязаны. Их перекрестный анализ, к примеру, позволил установить кризис жизненного мира студента-волонтера между вторым и третьим курсом.

Для проведения опроса на личном Google Диске (Гугл-Диске)¹ был изготовлен электронный опросный ресурс с помощью конструктора Google Формы (Гугл-Формы)². Модель позволяет собирать обезличенные данные в табличной форме, а за тем их анализировать и представлять в визуальной форме. Помимо Гугл-Форм собранные данные анализировались с помощью стандартного программного обеспечения MS Office и, в частности, MS Excel.

С помощью опросных методик, адаптированных для характеристики культуры региона, в 2020 г. был осуществлен замер ряда показателей ценностных ориентиров студентов-волонтеров ведущих вузов КБР. Студентам Северо-Кавказского государственного института искусств (СКГИИ),

---

¹ Разработки начаты до возникновения необходимости избегать использования в исследованиях зарубежного софта недружественных по отношению к России производителей. Отечественных аналогов, превосходящих продукты Google LLC в составе холдинга Alphabet (США) по качеству функционала и простоте использования, пока нет. Вместе с тем, непосредственно для реализации предлагаемой опросной модели, могут быть привлечены отечественные разработчики.

² См.: Приложение 2. Визуализация данных Гугл-Форм проекта модели социокультурного мониторинга потенциала волонтерского движения студентов на примере опроса «Потенциал волонтерского движения студентов вузов Кабардино-Балкарии».

Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х. М. Бербекова (КБГУ) и Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета имени В. М. Кокова (КБГАУ) в письменной и электронной форме предложена анкета пилотного опроса. Наиболее популярным конечным оборудованием у студентов были смартфоны, использовались также ноутбуки и планшеты. Письменные ответы на специально изготовленных бланках в дальнейшем оцифровывались путем заполнения электронной формы.

Предварительные результаты исследования были нами опубликованы¹. И можно акцентировать внимание на анализе полученных результатов с целью характеристики кризиса жизненного мира студента-волонтера, который отражает переломный этап в формировании личности, от которого в целом зависит потенциал волонтерского движения в решении задач государственной культурной политики.

Однако, только волонтерской деятельностью жизненный мир не ограничивается. То, на что человек готов безвозмездно тратить время своей жизни, непосредственно характеризует его жизненные установки и воззрения.

Как было рассмотрено выше, К. С. Дивисенко обозначил два основных направления в изучении жизненного мира: феноменологическое (Э. Гуссерль и др.), и критическое (Ю. Хабермас). Помимо психологической концепции² в российской науке распространено метафоричное употребление термина «жизненный мир» в некоторых значениях³.

Для культурологической атрибуции кризиса жизненного мира студента-волонтера мы выделяем три подхода, обладающих существенным

---

¹ Цраева Ф. В., Рахаев А. И. Приоритеты студента-волонтера в культуре региона: на примере опроса студентов Кабардино-Балкарии // Культурная жизнь Юга России. 2021. № 2. С. 125–143.

² Василюк Ф. Е. Жизненный мир и кризис: типологический анализ критических ситуаций // Журнал практической психологии и психоанализа. 1995. Т. 16. № 3. С. 90–101.; Василюк Ф. Е. Психология переживания. М., 1984.; Леонтьев Д. А. Методика предельных смыслов (МПС): Методическое руководство. М., 1999.

³ Дивисенко К. С. Социальные исследования жизненного мира // Социологический журнал. 2014. № 1. С. 15.

эвристическим потенциалом: феноменологический, социально-критический и социально-психологический. Примененный Р. Т. Крейгом прием диалектико-диалогический синтез отдельных теоретических традиций¹, ориентированный на практическое использование теоретических результатов², представляется уместным в нашем случае, поскольку именно в социальной коммуникации формируются ценностные ориентиры волонтеров. Вместе с тем, нельзя не учитывать «возможность синергетической перспективы созидательной деятельности человека»³, в свете которой жизненный мир предстает одним из результатов реализации программ жизнедеятельности и одновременно продолжает корректировать исторически сложившиеся надбиологические программы жизнедеятельности общества⁴, ведь волонтерство «является одним из важнейших социальных институтов», «обеспечивает социальную интеграцию и устойчивость общественной жизни», «способствует социализации индивидов и их включенности в общественные процессы и интеграции с социально-активными группами»⁵. Культурологическая атрибуция позволяет осуществить междисциплинарный синтез на более высоком абстрактном уровне одновременно в трех теоретических перспективах. Описанное в рамках лингво-феноменологического подхода явление одновременно можно атрибутировать с критической и психологической точек зрения, что раскрывает динамичность, фронтирность двух базовых понятий «волонтерство» и «жизненный мир». Фронтирность понятия, по мнению отдельных ученых⁶, отражает динамичность рассматриваемого явления, его обусловленность локализации культурной формы в конкретных условиях. Существенным результатом такого подхода

---

¹ Craig R. T. Communication Theory as a Field // *Communication Theory*. 1999. Vol. 9. Is. 2. P. 119–161.

² Craig R. T., Tracy K. Building Grounded Practical Theory in Applied Communication Research: Introduction to the Special Issue // *Journal of Applied Communication Research*. 2014. Vol. 42. Is. 3. P. 229–243.

³ Бакуменко Г. В. Ценностная динамика символов успеха: на материале статистики кинопроката. М., 2021. С. 92.

⁴ Стёпин В. С. Культура // *Новая философская энциклопедия*: в 4 тт. М., 2010. Т. 2. С. 341–347.

⁵ Проказина Н. В., Бобылева Н. Ю., Хатнюк Н. Н. Реализация добровольческого (волонтерского) потенциала в России // *Научный результат. Социология и управление*. 2019. № 2. С. 47–56.

⁶ Бакуменко Г. В., Лугинина А. Г. Виртуализация социокультурного фронта «Tertius Romae» // *Журнал фронтальных исследований*. 2022. № 1. С. 265–293.

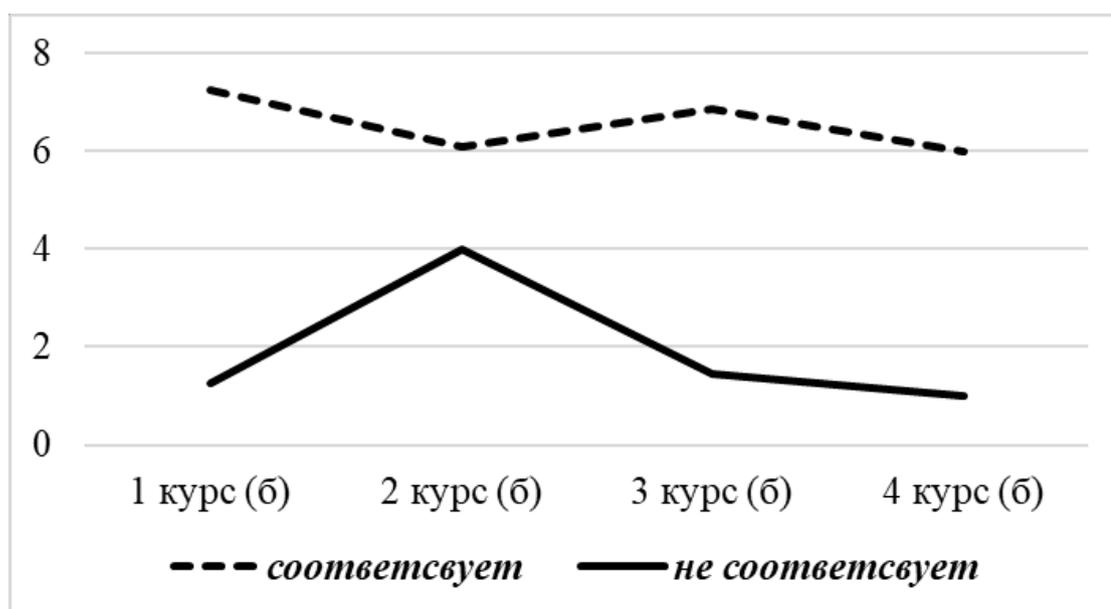
является обнаружение корреляций особенностей жизненного мира с изменяющимися его условиями в конкретной локации и возможность наблюдать протяженность явления в рамках предельных значений.

Важнейшим наблюдением, на наш взгляд, является динамизм, изменчивость ценностных ориентиров студентов-волонтеров в зависимости от года обучения. Эта изменчивость наблюдается при дифференциации опрошенных по году обучения.

Например, такой показатель, как наличие / отсутствие свободного времени для волонтерской деятельности¹, демонстрирует: только на третьем курсе большинство студентов считает, что у них достаточно свободного времени. От первого курса ко второму наличие свободного времени уменьшается, за тем следует его скачек, который откатывается на четвертом курсе. Этот факт необходимо учитывать при обобщении результатов.

Рисунок 2.1

**Динамика соответствия убеждений студентов КБР
целям волонтерской в зависимости от года обучения**

¹ См.: Приложение 3. Анализ данных модели социокультурного мониторинга волонтерского движения на примере опроса «Потенциал волонтерского движения студентов вузов Кабардино-Балкарии»: Рисунок 19. – Динамика ценности времени для волонтерской деятельности у студентов КБР в зависимости от года обучения.

При сравнении отдельных показателей наблюдается корреляция отрицательной мотивации несоответствия волонтерской деятельности убеждениям студентов второго курса (см.: рисунок 2.1) со средним индексом потраченного времени¹: нагрузка второкурсников по отдельным направлениям волонтерской деятельности превышает нагрузку остальных курсов при высоком уровне несоответствия убеждений части студентов целям волонтерской деятельности. Эта корреляция свидетельствует, что не все опрошенные второкурсники осуществляли свою «волонтерскую» деятельность добровольно. Часть их бесплатного труда не соответствовала убеждениями, т. е. труд был не добровольным, а принудительным. Согласно российскому законодательству, волонтерской считается исключительно добровольная деятельность граждан в общественно-полезных целях. Следовательно, раз часть своего свободного времени второкурсники были вынуждены потратить на общественно-полезную деятельность вопреки собственным убеждениям, то она не может считаться волонтерской.

Это наблюдение касается лишь части опрошенных студентов. В основном волонтерская деятельность соответствует их убеждениям. Соответствие превалирует над несоответствием более чем на 2 пункта оценок студентами аргументов по десятибалльной шкале.

Тем не менее, данное наблюдение с критических позиций Ю. Хабермаса, позволяет указать на стремление социальной среды колонизировать жизненный мир студента-волонтера. С феноменологических позиций можно констатировать кризисную точку развития жизненного мира студента-волонтера между вторым и третьим курсом обучения.

Результатами этого кризиса становятся падение интереса студентов к волонтерской деятельности и смена ценностных ориентиров. Это наблюдение согласуется с полученными результатами других ученых.

---

¹ См.: Приложение 3. Таблицы 1–4.

Таблица 2.1

Оценка студентами-волонтерами затраченного времени на добровольную деятельность в области культуры

затраченное время студентами-волонтерами в 2021 г. на культуру						
курс	менее 1 ч/м	до 10 ч/м	до 20 ч/м	до 30 ч/м	более 30 ч/м	среднее
1	20,7 %	58,6 %	10,3 %	3,4 %	6,9 %	11,31
2	12,5 %	62,5 %	12,5 %	12,5 %	33,3 %	14,67
3	10,0 %	40,0 %	35,0 %	15,0 %		15,6
4		66,7 %			33,3 %	16,67

Таблица 2.2

Оценка студентами-волонтерами затраченного времени на добровольную деятельность в области охраны окружающей среды

затраченное время студентами-волонтерами в 2021 г. на окружающей среды						
курс	менее 1 ч/м	до 10 ч/м	до 20 ч/м	до 30 ч/м	более 30 ч/м	среднее
1	44,0 % 11	40,0 % 10	12,0 % 3		4,0 % 1	8,08
2		25,0 % 1	25,0 % 1		50,0 % 2	23
3	42,1 % 8	42,1 % 8	15,8 % 3			7,79
4	33,3 % 1	66,7 % 2				7

Таблица 2.3

Оценка студентами-волонтерами затраченного времени на добровольную деятельность в области социальной работы

затраченное время студентами-волонтерами в 2021 г. на социальную работу						
курс	менее 1 ч/м	до 10 ч/м	до 20 ч/м	до 30 ч/м	более 30 ч/м	среднее
1	33,3 %	61,9 %	4,8 %			7,48
2			50,0 %		50,0 %	25,5
3	31,3 %	62,5 %	6,3 %			7,8
4	33,3 %	33,3 %	33,3 %			10,3

Таблица 2.4

Оценка студентами-волонтерами затраченного времени на добровольную деятельность в области образования и науки

затраченное время студентами-волонтерами в 2021 г. на образование и науку						
курс	менее 1 ч/м	до 10 ч/м	до 20 ч/м	до 30 ч/м	более 30 ч/м	среднее
1	57,1 %	38,1 %		4,8 %		5,8
2			66 %,7		33,3 %	23,3
3		50,0 %		28,6 %	21,4 %	20
4	21,0 %	26,6 %		52,4 %		17,7

Как отмечают А. В. Ермилова и И. А. Исакова, между возрастной категорией 14–15 лет и волонтерами 20-ти лет происходит существенная смена мотиваций¹. Возраст опрошенных второкурсников в основном (96 % от общего числа) составляет 19–20 лет. Соответственно на рубеже между вторым и третьим курсами студентов вузов наблюдается смена мотивационной парадигмы, смена ценностных установок. В период кризиса роль мотива социализации (внешнего гетерогенного мотиватора) снижается, а на смену ему приходит субъективная заинтересованность (внутренние мотиваторы). Что подтверждается и опросом студентов-волонтеров КБР.

Здесь следует указать на условную привязку к возрасту. Базовым фактором является именно смысловое и ценностное расширение жизненного мира, влекущее за собой усиление когнитивного диссонанса.

Скачек свободного времени для волонтерства у третьекурсников можно объяснить сменой мотивационной парадигмы. Если снижается ценность общества, снижается и оценка безвозмездного труда, который осуществлялся прежде не только добровольно. Отсюда высвобождение времени. Когда индивид самостоятельно им распоряжается, изменяется субъективное восприятие свободного времени²: это не просто время, свободное от учебы (основного вида деятельности студента), но и время, регулируемое самим индивидом даже вопреки притязаний на него общества.

Вполне очевидно, что разрешение когнитивного диссонанса может происходить в двух направлениях.

В нашем случае мы фиксируем положительное смещение категории свободного времени в сторону просоциальных ценностных установок. Но вероятен и другой исход, который не характеризует большинство студентов, но влияет на волонтерскую активность меньшинства и, соответственно, в

---

¹ Ермилова А. В., Исакова И. А. Специфика волонтерской деятельности в современной России: региональные практики // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. № 4. С. 48–57.

² Бакуменко Г. В. Символизация успеха в экономике свободного времени // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия. М., 2021. С. 358–375.

некоторой степени снижает потенциал студенческого волонтерского движения в реализации задач государственной культурной политики. Отрицательное смещение категории свободного времени в сторону усиления индивидуалистических потребностей, сопровождающееся девальвацией просоциальных ценностных установок, может быть прямой реакцией на колонизацию социальной системой жизненного мира индивида. Либерализация жизненных ценностей, таким образом, является прямой реакцией на отчуждение свободного времени индивида обществом.

Зафиксировав на эмпирических наблюдениях кризис жизненного мира студента-волонтера, перейдем к его обсуждению с различных позиций.

Сложность обсуждения составляют теоретические расхождения в понимании жизненного мира. Поэтому, прибегая к приему построения общего поля теорий коммуникации Р. Т. Крейга, выделим основные подходы и с их позиций постараемся объяснить причины кризиса жизненного мира студента-волонтера.

Работы социально-феноменологического направления исследования жизненного мира сконцентрированы на комплексном изучении представления субъекта о собственной повседневности как подвижном горизонте, «в котором люди живут и благодаря которому все вещи и переживания обретают смысл»¹. Исходя из этих позиций, следует указать, что у второкурсника-волонтера существенно расширяется горизонт восприятия собственной повседневности. Это значительное расширение приводит к когнитивному диссонансу, когда прежние представления о реальности не в полной мере охватывают происходящее.

Как отметил Ф. Е. Василюк, сопоставление «простого» и «сложного» в конфигурациях жизненного мира выявляет корреляцию его сложности, обусловленной расширением реальности, с кризисом ограниченной

---

¹ Morimoto S. A., Friedland L. A. The lifeworld of youth in the information society // Youth & Society. 2011. Vol. 43. Is. 2. P. 549–567.

возможности реализовывать расширяющиеся потребности¹. Существенно, что способы преодоления обозначенного конфликта влияют на деятельностную стратегию индивида (инфантильную, реалистическую, ценностную либо творческую). Выбранная стратегия, в свою очередь, предопределяет отбор мотивирующих факторов (социальных / гетерогенных — внешних; и внутренних, экзогенных: личностных или эгоцентричных²).

Обнаруженный кризис жизненного мира студента-волонтера обусловлен сменой парадигмы ценностных ориентиров: снижением гетерогенных факторов / мотиваторов семьи и вуза на фоне роста личностной субъектности студента.

Во-первых, следует признать, что кризис жизненного мира студента-волонтера в точке золотого сечения времени прохождения обучения в вузе (между вторым и третьим курсом) носит непреодолимый характер, обусловленный возрастом рассмотренного нами коллективного субъекта. Но вместе с тем, остается недостаточно изученной роль организационно-педагогических условий вуза в формировании просоциальной парадигмы поведения студента-волонтера. Излишняя опека может провоцировать инфантильную стратегию избегания принятия самостоятельных решений или гедонистического типа жизненного мира, паразитирующего как на традиционалистских, так и на прогрессистских стратегиях самореализации активных волонтеров.

Во-вторых, вуз как институт проектирования перспективной социокультурной ситуации не вправе оставаться в стороне от целенаправленного формирования жизненного мира студента-волонтера. Вполне очевидной представляется необходимость ориентации воспитательной доктрины вуза на поддержку просоциальных ценностных установок и

---

¹ Васильок Ф. Е. Жизненный мир и кризис: типологический анализ критических ситуаций // Журнал практической психологии и психоанализа. 1995. Т. 16. № 3. С. 90–101.; Васильок Ф. Е. Психология переживания. М., 1984.

² Стегний В. Н. Никонов М. В. Мотивация волонтерской деятельности // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2018. № 1. С. 146–156.

убеждений студента-волонтера, которые составляют традиционалистский и прогрессистский типы жизненного мира. В этой связи нельзя не учитывать трансляцию массовой культурой паттернов гедонистического жизненного мира, которые подрывают исторически сложившийся комплекс надбиологических программ жизнедеятельности общества и снижают корректирующий эти программы потенциал жизненного мира студента-волонтера.

Таким образом, разработана и апробирована экспериментальная модель социокультурного мониторинга потенциала волонтерского движения студентов. В частности, она позволила диагностировать кризис жизненного мира студента-волонтера, как смену парадигмы ценностных приоритетов и мотиваций в волонтерской деятельности в период обучения между вторым и третьим курсами бакалавриата. Студенческая жизнь, включающая широкий спектр волонтерской деятельности, значительно расширяет жизненный мир формирующейся личности, поэтому обострение когнитивного диссонанса в этом возрасте неизбежно. Модель позволяет в табличной форме собирать обезличенные данные и осуществлять в дальнейшем анализ влияния организационно-педагогических условиях вузов на формирование просоциальных ценностных установок формирующейся личности.

Предложенная модель находится на стадии апробации. Она не ограничивается анализом кризиса жизненного мира студента-волонтера. На данном этапе исследования крайне важно зафиксировать какие особенности характеризуют волонтерское движение студентов вузов Кабардино-Балкарии, раскрывая его потенциал в реализации задач государственной культурной политики. Исходя из собранных с помощью представленной экспериментальной модели статистических данных можно дать характеристику студенческого волонтерского движения в Кабардино-Балкарии, о чем пойдет речь в следующем параграфе.

Между тем, уже на этом этапе можно сформулировать ряд рекомендаций

по использованию разработанной модели в практике управления молодежной волонтерской работой.

1. Наибольший эффект предлагаемая модель обеспечивает в условиях регулярного ежегодного тестирования студентов. Процедура осмысления студентами результатов и отдельных количественных показателей своей волонтерской деятельности помимо сбора данных преследует воспитательные цели. Студенты учатся самостоятельно управлять своим жизненным миром, определяя роль волонтерской деятельности в своей жизни.

2. Ежегодный опрос следует проводить в ноябре-декабре – во второй половине первого семестра, чтобы сведения о занятости волонтерской деятельностью за предыдущий месяц относились к новому году обучения, к новому этапу (курсу) студенческой жизни.

3. Желательно привлекать к опросу всех желающих студентов, несмотря на их волонтерскую активность. Безусловно, принцип добровольного участия в опросе необходимо сопровождать разъяснительной работой, объясняя не только процедурные вопросы, но и его принципиальные цели и задачи: а) контроль факторов становления личности будущего специалиста; б) поддержка саморазвития личности студента; в) наблюдение показателей жизненного мира студента-волонтера; г) развитие демократических методов управления студенческим волонтерским движением с учетом задач государственной культурной политики и др.

4. Необходимо соблюдать, с одной стороны, принципы добровольности и приватности сбора данных, а с другой, – принцип публичности результатов ежегодных исследований. Синтез этих принципов позволяет осуществлять публичный электронный ресурс (сайт), который может быть интегрирован с официальным сайтом образовательного учреждения. С одной стороны, пользуясь мобильным устройством или персональным компьютером, студент может добровольно и приватно работать с предлагаемой опросной моделью. С другой, – обезличенные формы

визуализации результатов опроса будут стимулировать саморазвитие личности студента-волонтера в направлении просоциальных ценностных установок.

5. Крайне важно создавать вокруг ежегодно запланированного опросного мероприятия прецедент резонанса, который может опираться на интерес самих студентов к отслеживанию происходящих количественных изменений в их волонтерской деятельности. В этом смысле опросная модель самодиагностики студенческого молодежного движения должна быть доступным информационным ресурсом, усиливая и поддерживая другие формы воспитательной работы вуза.

Мы уделили особое внимание обнаруженному кризису жизненного мира студента-волонтера ввиду его существенного влияния на потенциал студенческого волонтерского движения в решении задач государственной культурной политики. Потенциал студенческого волонтерского движения состоит в способности студентов использовать организационно-образовательную систему вуза, усиленную организационными возможностями социально ориентированного некоммерческого сектора, для реализации молодежных инициатив, соответствующих задачам государственной культурной политики. Существенным является то, что вуз значительно расширяет жизненный мир студента, обостряя когнитивный диссонанс личностного роста. В том случае, когда организационно-образовательная система вуза решает проблему расширения категории свободного времени студента в сторону просоциальной ценностной ориентации индивида, т. е. не отчуждает свободное время, а наоборот организует и насыщает его социальными смыслами и ценностями, студенческое сообщество, объединённое общими целями, способно выступать в роли организационного центра молодежного волонтерского движения в целом. Взаимосвязь положительного разрешения кризиса жизненного мира студента-волонтера с его способностью реализовывать потенциал лидерских личностных качеств вполне очевидна: чем свободнее в целеполагании и самоорганизации студент, тем выше его лидерский потенциал.

Таким образом, в контексте задач государственной культурной политики, нацеленных на обеспечение общенационального единства Российской Федерации и выработки общегражданской идентичности, предложенная модель социокультурного мониторинга студенческого молодежного движения способна реализовать две важнейшие функции:

- 1) диагностика изменений ценностных ориентаций добровольной деятельности студенческой молодежи в системе воспроизводства культуры;
- 2) влияние на выработку просоциальных позиций студентов-волонтеров в рамках конструирования ими собственного жизненного мира на переломном этапе его становления.

Совмещение указанных функций в рамках предложенного конкретного практико-ориентированного информационно-аналитического продукта позволяет предполагать его эффективность при незначительных затратах на процедуры внедрения в практику управления.

Разработанная и апробированная экспериментальная модель социокультурного мониторинга потенциала волонтерского движения студентов, позволяет диагностировать кризис жизненного мира студента-волонтера, как смену парадигмы ценностных приоритетов и мотиваций в волонтерской деятельности в период обучения между вторым и третьим курсами бакалавриата. Студенческая жизнь, включающая широкий спектр волонтерской деятельности, значительно расширяет жизненный мир формирующейся личности, поэтому обострение когнитивного диссонанса в этом возрасте неизбежно. Модель позволяет в табличной форме собирать обезличенные данные и осуществлять корректировку управления студенческим волонтерским движением в интересах формирования просоциальных ценностных установок личности и активной гражданской позиции.

2.2 Характеристика потенциала волонтерского движения студентов вузов Кабардино-Балкарии

Необходимо учитывать, что до последнего времени исследования волонтерского движения студентов вузов Кабардино-Балкарии (КБР) на постоянной системной основе не проводились. Поэтому предпринятая характеристика потенциала волонтерского движения студентов КБР в основном реализует установочную функцию для дальнейших более широких и полномасштабных исследований на постоянной основе с целью научно-методического сопровождения реализации задач государственной культурной политики Российской Федерации на территории Кабардино-Балкарии.

Волонтерство является одним из эффективных инструментов успешного социального развития и повышения качества жизни людей. Основой развития молодежного волонтерства является активная жизненная позиция молодежи. Проблему для использования при реализации государственной культурной политики потенциала студенческого волонтерского движения составляют, прежде всего, возможные стратегии управления волонтерской деятельностью, определение доступных средств управления, которые бы не трансформировали добровольность, – базовый фактор саморазвития личности, – в принудительный бесплатный труд. Для этого важно иметь четкое представление о мотивации добровольного участия молодежи в общественно полезном труде, об индивидуальных и групповых интересах студентов, реализуемых ими посредством волонтерства, а также осуществлять постоянный мониторинг ценностных ориентиров студента-волонтера, чтобы знать, на какие области деятельности направлен интерес волонтера. Опираясь на мониторинг, представляется возможным посредством социокультурного проектирования направлять саморазвитие личности в конструктивное русло. Так реализуется социокультурный потенциал волонтерства как стратегический ресурс государственного управления.

Потенциал молодежного волонтерского движения рассматривается как влияние участия студентов в добровольной социально значимой деятельности на формирование личностных и профессиональных качеств в области реализации задач государственной культурной политики Российской Федерации на территории Кабардино-Балкарии.

Молодые люди добровольно и безвозмездно работают ради нового опыта, новых знакомств, общения и ради того, чтобы быть полезным обществу. Волонтерская деятельность – это отличная возможность проявить себя, получить хорошую работу. Современную молодежь отличает самостоятельность и заинтересованность в получении качественного образования. С другой стороны, молодежи свойственен низкий уровень интереса и участия в политической, экономической и культурной жизни.

Помимо социологического изучения¹ студенческое волонтерское движение постоянно находится под пристальным вниманием педагогов², психологов³, культурологов⁴. Вместе с тем в теории и практике

---

¹ Кисиленко А. В. Волонтерство: потенциал самоорганизации российской молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2018. № 1. С. 63–71; Зборовский Г. Е., Певная М. В., Ведерников А. А. Волонтерство в пространстве регионального управления (кейс Свердловской области) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2018. № 4. С. 10–25; Ермилова А. В., Исакова И. А. Специфика волонтерской деятельности в современной России: региональные практики // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. № 4. С. 48–57 и др.

² Тюрикова Г., Филатова О., Прошкина И., Ильина Ю. Организация самостоятельной работы студентов условие реализации компетентного подхода // Высшее образование в России. 2008. № 10. С. 93–97; Купцова И. А. Формирование культуры волонтерства в процессе профессиональной подготовки студентов // Педагогика и психология образования. 2018. № 3. С. 86–94; Земцов Д. И., Яськов И. О. Неформальные студенческие объединения в условиях пандемии COVID-19 // Вопросы образования. 2021. № 4. С. 97–116; Юсупов Р. А. Наследие Универсиады и приобретения университета // ТиПФК. 2014. № 1. С. 42–44 и др.

³ Кондратьев М. Ю., Любимова О. А. Особенности интрагруппового структурирования и межличностного восприятия в реальных контактных и виртуальных группах волонтеров // Социальная психология и общество. 2011. № 4. С. 71–86; Русякова Е. Е., Разумова Е. М., Шпаковская Е. Ю. Социально-психологические аспекты волонтерской деятельности студентов-психологов // ПНиО. 2019. № 1. С. 301–315; Кузнецова А. А., Соловьева Н. А. Динамика психологических характеристик личности студента в процессе профессионально-ориентированной волонтерской деятельности // Образование и наука. 2018. № 7. С. 128–146 и др.

⁴ Горлова Н. И. Страницы истории волонтерства в сфере сохранения материального культурного наследия в советской России: по материалам Государственного архива Российской Федерации // Вестник архивиста. 2021. № 1. С. 193–204; Ревякина В. И. Аксиологические проблемы культуры и образования современной молодежи // Образование и наука. 2015. № 5. С. 15–26; Павелко Н. Н. Педагогическая система качественного информационного сопровождения инновационно-образовательной деятельности // Вестник ИМСИТ. 2021. № 1. С. 7–12; Старовойтова Л. И., Горлова Н. И. Зарубежный опыт управления волонтерскими ресурсами в учреждениях культуры // Культура и образование. 2020. № 1. С. 82–90; Алексеева Г. Г. Перспективы профессионализации волонтерства в цифровой реальности // Динамика социальной среды как

социокультурной деятельности в рамках культурной политики эта тема только развивается¹. Отсутствие же региональных исследований студенческого волонтерского движения КБР на постоянной системной основе объясняется, прежде всего, низкой степенью внимания руководства вузов региона к развивающейся за счет своих внутренних ресурсов практике. В некоторой степени оказывают влияние на ситуацию распространенные патерналистские ожидания, выраженные в стремлении минимизировать трудозатраты воспитательной системы вуза не за счет внедрения усовершенствованных передовых методик в расчете на локально значимый эффект, а за счет активного отклика исключительно на руководящие установки свыше. Такая негативная практика не только снижает субъектность вуза как системного элемента государственной политики, но и превращает студенчество, способное генерировать продуктивные инициативы, в заложника патерналистских установок, снижая в том числе субъектность студенчества в реализации задач государственной культурной политики и способность положительного лидерского влияния студенчества на молодежное волонтерство в целом. Более того, если у большинства молодежи интенсивная колонизация социальной системой жизненного мира вызывает пассивную реакцию неучастия в социальных инициативах, то наиболее активная её часть ищет способы реализации своего потенциала и лидерских качеств в активном протесте против социальных установок, вызывающих вполне обоснованное неудовлетворение. Соответственно, грамотная стратегия управления студенческим волонтерским движением способствует усилению его потенциала в реализации задач государственной культурной политики, в то

фактор развития потребности в новых профессионалах в сфере социальной работы и организации работы с молодежью. Нижний Новгород, 2019. С. 110–115; Алексеева Г. Г. Семейное волонтерство как фактор формирования культуры добровольчества (На примере Республики Саха (Якутия)) // Теория и практика общественного развития. 2022. № 3. С. 21–25.

¹ Бочарникова Н. А., Ардашова Ю. И. Организация профессионально-культурной, волонтерской деятельности студентов – будущих специалистов по социальной работе // Вестник ЗабГУ. 2012. № 2. С. 42–46; Дрейко Н. Ю., Мельникова Л. В., Селиванова Е. Г. Повышение волонтерской активности студентов на основе ресурсного центра в условиях вуза // ТиПФК. 2020. № 3. С. 41–42; Айгубов Л. С., Хаджиалиев К. И. Волонтерская деятельность как средство формирования социально-экологической культуры студента // Юг России: экология, развитие. 2016. № 4. С. 175–182.

время как волюнтаризм в этой области управления влечет за собой возрастание негативных последствий по экспоненте.

В отсутствии в регионе собственного теоретико-методического опыта подчеркивают остроту и необходимость исследования именно на региональном материале. Если в целом в России культурологические исследования волонтерского движения и социология отдельных регионов есть, то региональная специфика студенческого волонтерского движения КБР остается слабо изученной¹. Поэтому с опорой на проведенное пилотное исследование постараемся восполнить образовавшийся пробел.

Вместе с тем существует необходимость интерпретации полученных в ходе опроса результатов с позиций различных подходов. Она продиктована стремлением максимально учесть возможные риски социокультурного развития, связанные с ролью молодежного волонтерского движения в механизмах воспроизводства культуры. Обобщение продуктивного опыта различных теоретических позиций в интересах научно-методического обеспечения государственной культурной политики в данном случае отвечает одной из ведущих задач прикладной культурологии.

Мы опираемся на: концепции кризиса жизненного мира Ф. Е. Василюка, дополненной теорией предельных смыслов Д. А. Леонтьева, восходящих к феноменологической традиции европейской социологии (Э. Гуссерль, Ю. Хабермас и др.); системно-деятельностный подход в отечественной культурологии (В. С. Стёпин, А. Я. Флиер и др.) и примыкающую к нему концепцию социокультурного процесса символизации успеха Г. В. Бакуменко; институционально-культурологический подход к культурной политике (О. Н. Астафьева, И. И. Горлова, Т. В. Коваленко и др.). Смыкающей эти подходы позицией является признание символической или

---

¹ Цраева Ф. В., Рахаев А. И. Приоритеты студента-волонтера в культуре региона: на примере опроса студентов Кабардино-Балкарии // Культурная жизнь Юга России. 2021. № 2. С. 126.

символически обусловленной реальности культуры, во многом определяющей социальные измерения действительности.

Между тем существуют и предельные теоретические расхождения, связанные с характеристикой социальной реальности.

Феноменологический подход европейской социологической школы акцентирует внимание на отсутствии оснований познания окружающего мира за пределами символических форм, являющихся базовыми исторически приобретенными культурными ценностями, реализация которых зависит от способности индивида к их постижению. В частности, переходя к герменевтике культуры, продолжатель этой традиции Х.-Г. Гадамер приходит к выводу, что доминирующая в западном обществе тенденция индивидуализации сознания сужает перспективу восприятия окружающего мира и культурных ценностей вплоть до неспособности индивида к общению с окружающими¹. Разобщение как доминирующая тенденция социокультурного развития, таким образом, предельно ограничивает жизненный мир индивида, сужая горизонт восприятия реальности. Эта тенденция свидетельствует не о прогрессе, а о регрессе культуры, что и побуждает ориентироваться исключительно на принципиальный выбор индивида противостоять социуму путем актуализации прекрасного и эстетической самореализации (самоактуализации) посредством художественного творчества и созидания себя.

Сторонники системно-деятельностного подхода, реализованного в отечественной культурологии, напротив видят эволюцию социума в нарастающей сложности форм коллективной деятельности, обуславливающей культурогенез. Поскольку базовым субъектом коллективной деятельности рассматривается не индивид, а личность (социальное проявление индивида), являющаяся продуктом культуры, именно усложнение форм коллективной деятельности составляет содержательную часть исторического процесса.

---

¹ См.: Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991.

Наблюдаемая западными теоретиками индивидуализация сознания, соответственно, трактуется как расширение способности индивида к социализации и инкультурации. Конфликт индивидуализации сознания и культуры, отмеченный Х.-Г. Гадамером, снимается путем социальной детерминации личности, путем подчинения жизненного мира индивида просоциальным установкам.

Таким образом, имеющие общую точку пересечения, два приведенных выше теоретических подхода трактуют эволюцию социального бытия различным образом, формируя диаметрально противоположные представления об эволюционных процессах и доминирующих тенденциях воспроизводства культуры. Обозначенные подходы складываются в схожие по линейному развитию (эволюции), но не тождественные модели культуры. И отличаются они друг от друга, прежде всего, трактовкой базового механизма культурного воспроизводства:

- в первом случае это противостояние индивида обществу в процессе формирования и сохранения жизненного мира (адаптация социальной среды под запрос индивида);
- во втором напротив, – адаптация индивида к социальным установкам в том же процессе.

Существует и третья позиция, распространенная в отечественном теоретическом дискурсе. В частности, оттолкнувшись от системно-деятельностного, структурно-функционального и семиотического подходов, Г. В. Бакуменко уделяет большое внимание поиску оснований для сближения позиций описанных выше двух традиций¹. Попытка выстроить теоретическую модель наблюдения ценностной динамики символов успеха индивидуального действия и коллективного взаимодействия включает в орбиту его внимания и игровую (Й. Хёйзинга и др.), и диалогическую (М. М. Бахтин, В. С. Библер,

---

¹ Бакуменко Г. В. Ценностная динамика символов успеха: на материале статистики кинопроката. М., 2021.

А. С. Ахиезер и др.) концепции культуры. Обобщение накопленного в России и за рубежом опыта наталкивает исследователя на мысль, что теоретическая рефлексия тоже подчинена закономерностям социокультурного процесса символизации успеха, играющего в культурогенезе важную роль: «...можно предполагать и тенденции теоретической рефлексии, т. е. развития науки и философии, определив закономерности социокультурного процесса символизации успеха»¹.

Стремясь преодолеть идеологическую обусловленность символов коллективного (социального) и индивидуального (персонального) успеха, Г. В. Бакуменко использует авторские маркеры социокультурного процесса символизации успеха: «От того какой ценностный приоритет господствует в нормативной парадигме общественного развития, что поставлено на вершину ценностной шкалы, а следовательно, и в центр организации семиотических связей, зависит вектор социокультурного процесса символизации успеха: к ценности общества (*социоцентризм*) или индивида (*персоноцентризм*)»². Для выяснения доминирующей тенденции социокультурного процесса символизации успеха в кинокоммуникации (*социоцентризм* или *персоноцентризм*), Г. В. Бакуменко анализирует распространенность символов успеха двух порядков в фабулах фильмов, вошедших в десятку лидеров кассовых сборов мирового и региональных прокатов (т. е. осуществляет культурологическую атрибуцию маркированных свойств в системах культурных порядков), обнаруживая их взаимную сменяемость на вершине популярности даже в локусе культуры США, многократно растиражировавшей приоритет индивидуализма³.

Эксплицируя в область исследования жизненного мира волонтера полученные Г. В. Бакуменко результаты, можно полагать, что таким тенденциям воспроизводства культуры, как *персоноцентризм* и

---

¹ Там же. С. 42.

² Там же. С. 45.

³ Бакуменко Г. В. Персоноцентризм и социоцентризм как маркеры символизации успеха в художественной реальности фильмов кинопроката США // Культура и искусство. 2019. № 4. С. 1–8.

социоцентризм, свойственно параллельное развитие, сопровождающееся периодической сменой ценностной доминанты.

Воспользовавшись предложенной Г. В. Бакуменко терминологией линейные модели развития и наследования культуры охарактеризуем как *персоноцентричную* и *социоцентричную* соответственно. Модель же социокультурного процесса символизации успеха выходит за их рамки. Она характеризуется периодической сменой на ценностной шкале «центров притяжения», т. е. является *бицентричной*. Она предполагает «пластичность культуры, способность быть системой и одновременно не являться ею без усилий человека»¹. Социоцентризм и персоноцентризм в ней рассматриваются как ценностно противоположные тенденции одного социокультурного процесса, – процесса символизации успеха.

Если персоноцентричная модель в качестве базового механизма наследования (воспроизводства) культуры предполагает противостояние индивида колонизации жизненного мира социумом, а социоцентричная модель, напротив, – адаптацию индивида к социальным установкам, то бицентричная модель предполагает выбор индивидом стратегии жизненного мира: либо коллективистскую коллаборацию (социоцентризм), ведущую к выработке просоциальных ценностных установок, либо индивидуализм (персоноцентризм), ведущий к стратегии защиты границ жизненного мира от социального доминирования, либо более гибкую третью (бицентризм), – стратегию выработки сложной системы условностей, при которых в одних условиях для достижения успеха будет востребован ценностный социоцентризм, а в других – персоноцентризм.

Рассмотрим в этих трех моделях результаты проведенного в 2021 г. опроса студентов-волонтеров ведущих вузов Кабардино-Балкарии (КБР).

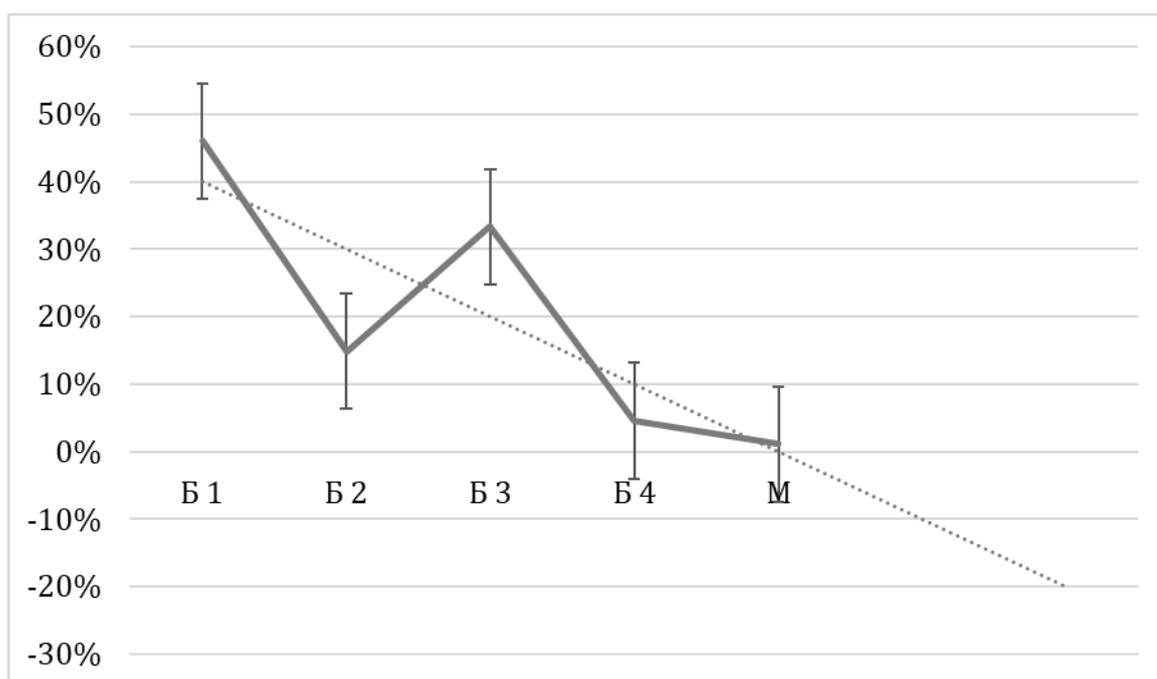
---

¹ Бакуменко Г. В. Ценностная динамика символов успеха: на материале статистики кинопроката. М., 2021. С. 93.; Bakumenko, G., Biryukov, I., Scherbak, N., & Luginina, A. Hierarchical Metamodel of Communication in the Experience of Resacralization of Spiritual Practices // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2023. Vol. 5. Is. 2. P. 15–45.

Кратко обозначим основные характеристики жизненного мира студента-волонтера КБР, зафиксированные в результате анализа эмпирических данных опроса «Потенциал волонтерского движения студентов вузов Кабардино-Балкарии».

Рисунок 2.2

Падение интереса студентов к опросу в зависимости от года обучения

Студентам трех ведущих вузов КБР было предложено добровольно принять участие в опросе с использованием электронных средств коммуникации или путем заполнения бумажной анкеты: 46 % принявших участие в опросе реципиентов составили студенты первого курса бакалавриата (Б 1 на рисунке 2.2); 33,3 % – студенты третьего курса бакалавриата (Б 3 на рисунке 2.2); 14,9 % – студенты второго курса бакалавриата (Б 2 на рисунке 2.2); 4,6 % – студенты четвертого курса бакалавриата (Б 4 на рисунке 2.2); лишь 1,1% опрошенных составили студенты магистратуры (М на рисунке 2.2). На эти показатели, конечно же, повлияло уменьшение числа студентов старших курсов. Однако, это обстоятельство не объясняет снижение активности второкурсников. Приходится констатировать эпизодическое (2-й

курс бакалавриата) и общее (общий тренд на рисунке обозначен пунктиром) падение интереса к добровольному участию в мониторинге.

На рисунке, помимо процентного соотношения участников опроса, вертикальными отрезками представлены параметры стандартной статистической погрешности и прогноз доминирующего тренда падения интереса к добровольному участию в научном исследовании. Не трудно предугадать отрицательное отношение выпускников вузов КБР к добровольному участию в социологических опросах (отрицательные показатели шкалы ординат).

Таблица 2.5

**Сопоставление показателей аргументов
и контраргументов в пользу волонтерской деятельности студентов КБР**

№	Аргумент (А)	Показатель (А)	Показатель (В)	Контраргумент (В)
1	Хочу быть полезным и помочь нуждающимся	80,30%	37,00%	Никто не обращался ко мне с таким предложением
2	Получаю удовольствие	69,00%	65,30%	Не вижу необходимости
3	Хочу бороться с определенной проблемой	50,00%	46,90%	Никогда не задумывался об этом
4	У меня достаточно свободного времени	26,90%	24,00%	Нет свободного времени
5	Хочу платить людям добром за добро	58,60%	77,10%	Мне безразличны другие люди
6	Сам сталкивался с подобной проблемой	27,90%	68,80%	Не считаю, что волонтеры реально решают какие-либо проблемы
7	Хочу получить полезные навыки, нужный мне опыт	57,40%	54,20%	Волонтерская деятельность мешает учебе
8	Хочу познакомиться с новыми людьми, с единомышленниками	47,10%	58,30%	Сторонюсь новых знакомств, избыток внимания мне только мешает
9	Это соответствует моим религиозным (или политическим) убеждениям	35,30%	77,10%	Это не соответствует моим религиозным (или политическим) убеждениям

С позиций теории предельных смыслов Д. А. Леонтьева¹ интерес представляют оценки студентами аргументов и контраргументов в пользу участия/неучастия в волонтерской деятельности.

Как показано в таблице 2.5, значительно влияют на отказ студентов от волонтерской деятельности следующие факторы:

- не соответствие задач волонтеров религиозным (или политическим) убеждениям студентов (77,1–35,3 = 41,8);

- сомнение, что волонтеры реально решают какие-либо проблемы (68,8–27,9 = 40,9);

- безразличие к другим людям (77,1–58,6 = 18,5);

не значительно влияет:

- замкнутость от новых знакомств и стороннего внимания (58,3–47,1 = 1,2).

Благодаря дифференциации респондентов по годам обучения и шкалированию ответов, можно наблюдать, что первокурсники на 10 баллов (по десятибалльной шкале) оценивают контраргументы: «Никто не обращался ко мне с таким предложением», «Не вижу необходимости», «Никогда не задумывался об этом»; 76,92 % студентов второго курса проигнорировали большинство контраргументов (оценка 0 баллов), хотя 7,69 % из их числа оценили контраргумент «Это не соответствует моим религиозным (или политическим) убеждениям» на 10 баллов; из числа студентов третьего курса на 10 баллов 6,67 % респондентов оценили контраргумент «Никто не обращался ко мне с таким предложением» и 10 % — «Нет свободного времени»; среди четверокурсников 50 % респондентов на 10 баллов оценили контраргументы «Нет свободного времени» и «Волонтерская деятельность мешает учебе», а 25 % — на 10 баллов оценили контраргументы «Мне

---

¹ Леонтьев Д. А. Методика предельных смыслов (МПС): Методическое руководство. М., 1999.

безразличны другие люди» и «Не считаю, что волонтеры реально решают какие-либо проблемы».

Таким образом:

- первокурсники далеко не все вовлечены в волонтерскую деятельность ввиду слабой осведомленности;
- некоторые второкурсники считают, что волонтерская деятельность не соответствует их религиозным (или политическим) убеждениям;
- среди третьекурсников есть студенты, к которым никто не обращался за помощью или которым некогда заниматься волонтерской деятельностью;
- половина же четверокурсников не находит времени для волонтерской деятельности, считая, что она мешает учебе, а четверть – серьезно разочарованы в ее рациональности.

Напрашивается вывод, что усиление социального влияния на жизненный мир студента, снижает потенциал добровольной деятельности, т. е. вовлеченность студентов в молодежное волонтерское движение.

Благодаря авторизации методики выявлен кризис жизненного мира студента, который выражается в смене ценностных приоритетов волонтерской деятельности на третьем году обучения в вузе. Если второкурсники много времени тратят на добровольный труд в разных направлениях (т. е. открыты обществу практически во всех значимых сферах волонтерской деятельности), то студенты третьего курса более избирательны. Они явно предпочитают область образования и науки (50,0 % опрошенных третьекурсников отводят этому направлению до 10 ч/м, 28,6 % – до 30 ч/м и 21,4 % – более 30 ч/м). У старшекурсников снижается интерес к добровольному труду в сферах охраны окружающей среды и социальной работы, но волонтерство в сфере культуры продолжают интересоваться студенты, несмотря на кризис жизненного мира,

обусловленный, с одной стороны возрастными факторами, с другой – фактором усиления влияния общества на субъективную сферу культуры индивида.

Очевидно, что несмотря на доминирующую тенденцию к снижению волонтерской активности студентов старших курсов, их вовлеченность в воспроизводство культуры не снижается.

Интерпретируем полученные результаты в трех, обозначенных выше, моделях культуры и культурного воспроизводства.

В *персоноцентричной модели культуры* полученные результаты подтверждают положение о противостоянии жизненного мира индивида социальному влиянию. Кризис жизненного мира студента-волонтера свидетельствует об усилении колонизации социумом пространства личностной культуры, провоцируя ответную реакцию. В результате волонтерская деятельность, понимаемая как обязательства перед обществом меньше соответствует религиозным или политическим убеждениям студентов, усиливается нежелание студентов тратить на нее свободное время, объясняя жизненную позицию разочарованием в результативности волонтерской деятельности.

Вполне очевидно, что в такой ситуации наиболее продуктивным каналом воспроизводства культуры является самостоятельное ее освоение и интерпретация индивидом посредством художественного творчества и созидания себя в практиках самосовершенствования. Волонтерское молодежное движение в этой связи не может рассматриваться значительным коллективным субъектом воспроизводства культуры, что, в некоторой степени, противоречит обнаруженному стабильному интересу волонтеров к культуре, несмотря на кризис жизненного мира.

В *социоцентричной модели* полученные результаты свидетельствуют о низкой организационно-методической обеспеченности студенческого волонтерского движения в КБР. Полученные результаты высвечивают

нерешенные проблемы культурной, молодежной и просветительской политики региона, диктуют необходимость разработок методического обеспечения в этих направлениях региональной политики и повышения квалификации ее организаторов и исполнителей.

Следует отметить, что семья и школа, как социальные институты, в КБР продолжают формировать социоцентричные (просоциальные) установки жизненного мира. Это отражается, прежде всего, на волонтерской активности студентов младших курсов. Культурную особенность волонтеров КБР, в частности, подчеркивает включение ими в направления волонтерской деятельности, такой категории, как «Дом». Ведь «дом» (семья) в регионе традиционно понимается достаточно широко: в нее включаются и самые дальние кровные родственники, в силу матримониальных отношений, имеющих иную фамилию, и однофамильцы. Помощь родственникам масштабируется до уровня помощи по линиям этнической и общегражданской принадлежности, что составляет особый культурный код народов Северного Кавказа.

Коренное расширение жизненного мира студента в образовательной среде вуза провоцирует его кризис и ответную реакцию переориентации молодежи на персоноцентричные ценностные установки, которые в большей степени соответствуют религиозным и политическим убеждениям, среди которых ценность семьи представляет собой важнейший элемент этнокультурной региональной идентичности. Вполне логично предположить, что слабая отраженность в приоритетах волонтерской деятельности ценности семьи, провоцирует неудовлетворенность и разочарование молодежи КБР в ценностях волонтерского движения в целом.

Вполне очевидна необходимость корректировки региональной политики в отношении молодежного волонтерского движения и дополнительных исследований в этой области для модернизации методического обеспечения, что не исключает потенциал воспроизводства

культуры по каналу самостоятельного ее освоения и интерпретации индивидом посредством художественного творчества и самосозидания.

С позиций *бицентричной модели* получены свидетельства текущего тренда процесса символизации успеха (персоноцентризм). На примере популярных кинофильмов Г. В. Бакуменко зафиксировал падение потребления персоноцентричных символов успеха с 1980 г. по 2016 г., а за тем рост их популярности. По его мысли, риск представляют не сами направления доминирующих тенденций, а их затяжной характер. К определенному сроку можно ожидать рост потребления социоцентричных символов успеха: тогда коренным образом изменятся и мотивирующие факторы участия/неучастия в волонтерской деятельности молодежи.

Вполне очевидно, что пока персоноцентричные (индивидуальные) практики достижения успеха будут оставаться эффективнее коллективных коллабораций, доминирующий тренд социокультурного процесса символизации успеха даже при помощи самых современных методических разработок преодолеть будет затруднительно. Но это не означает, что разработка последних не имеет смысла. Напротив. Критическая масса форм коллективных коллабораций с целью достижения социального и личностного успеха индивида к определенному сроку должна перевесить эффективность персоноцентричных (индивидуальных) стратегий. Что и обусловит смену парадигмы социокультурного развития в целом.

Напрашивается вывод, что три рассмотренные модели культуры одновременно воспроизводятся посредством влияния на формирование жизненного мира индивида и реализуются в различных стратегиях социального поведения. Потенциал молодежного волонтерского движения, поскольку подразумевает коллективные коллаборации, непосредственно зависит от доминирования в пространстве смыслов и ценностей жизненного мира индивида просоциальных (социоцентричных) ценностных установок. Эта зависимость стимулирует интерес волонтеров к участию в

воспроизводстве культуры, который, в свою очередь, может реализовываться в зависимости от характера жизненного мира в:

- модернизации сложившихся механизмов, смыслов и ценностей культуры в случае доминирования персонцентризма;
- трансляции сложившихся механизмов, смыслов и ценностей культуры в случае доминирования социцентризма;
- выборочной модернизации отдельных механизмов, смыслов и ценностей культуры при сохранении и трансляции других в случае выработки бицентричной модели личностной культуры индивида (жизненного мира).

Жизненный мир студента-волонтера, таким образом, в механизмах воспроизводства культуры играет значительную роль, поскольку предопределяет характер перспективных тенденций социокультурного развития.

Необходимо отметить, что отдельные исследования механизмов воспроизводства современной культуры подтверждают разнообразие транслируемых в пространство жизненного мира индивида ценностных установок, которые, в свою очередь, не хаотично накапливаются, а структурируются в определенной закономерности.

Так, европейские психологи Энтони Лайонс и Ёсихиса Касима отмечают зависимость масштабирования культурных стереотипов «историй» в социальной коммуникации от соответствия «историй» индивидуальным стереотипам и массовости индивидуальных стереотипов¹. Получается, что информация, не соответствующая установкам жизненного мира индивида, индивидом не распространяется: т. е. индивид не участвует в воспроизводстве чуждой ему культуры или интерпретирует (модернизирует) инородный

---

¹ Lyons A., Kashima Y. The Reproduction of Culture: Communication Processes Tend to Maintain Cultural Stereotypes // Social Cognition. 2001. Vol. 19. Is. 3. P. 372–394.

элемент исключительно со своих позиций, расширяя пространство исключительно собственного жизненного мира (персоноцентризм).

Учитывая отмеченную Э. Лайонс и Ё. Касима тенденцию к самоограничению персоноцентричного жизненного мира, нельзя не отметить в «позднесовременном обществе» формирование феномена «ведущих эмоциональных норм, или “эмоциональных императивов”»¹. В частности, обобщая опыт западной социологии, психологии и антропологии, О. А. Симонова выделяет ряд доминирующих в современной культуре норм эмоционального поведения индивида, позволяющих охарактеризовать его жизненный мир и наблюдать тенденцию культивирования «эмоций, которые направлены на индивидуальные переживания, а не на коллективный опыт»². Замкнутость персоноцентричного жизненного мира индивида исключительно на собственном опыте серьезно ограничивает его способность к воспроизводству и модернизации (интерпретации) культуры, к наследованию богатства и разнообразия культурного наследия. Эта позиция прямо вытекает из персоноцентричной теоретической модели культуры.

С другой стороны, глобальное распространение определенного рода эмоциональных императивов с позиции социоцентричной модели характеризует усиление идеологии отдельных социальных институтов в контексте снижения других. И здесь, опять же, следует подчеркнуть резкое снижение ценности семьи, ведущее к снижению ценности культуры локальных сообществ и их общенациональных коллабораций.

К примеру, китайские исследователи практик сохранения и продвижения нематериального культурного наследия Юцзе Чжу и Джунмин Лю акцентируют внимание на конфликте «прав на наследие» в условиях коммерциализации фестивального движения, исходя из принципа неотчуждаемости права местных сообществ на собственную культуру,

---

¹ Симонова О. А. Эмоциональные императивы позднесовременного общества и их социальные последствия // Социологический журнал. 2021. Т. 27. № 2. С. 25–45.

² Там же. С. 38.

которая, по их мысли, является результатом безвозмездного труда многих поколений на протяжении длительного исторического времени¹. Действительно, наследие, создававшееся и сохранявшееся длительное время исключительно силами местных сообществ в условиях коммодификации обретает коммерческую стоимость для крупных предприятий туристической и event-индустрии. Подмена ценности наследия стоимостью порою приводит не к его сохранению, а напротив, к исключению его из волонтерских практик и, как следствие, к противоположному экономическому эффекту – к многократному удорожанию практик сохранения. Отсюда и постановка правового вопроса: имеют ли право на финансовые или политические дивиденды от нематериального культурного наследия государственные организации и коммерческие предприятия, если их политика в отношении наследия ведет к снижению его культурной ценности в локальных сообществах, подрывая экономику символического капитала этих сообществ?

Таким образом, жизненный мир студента-волонтера в механизмах воспроизводства культуры играет если не ведущую (с позиций отдельных подходов), то весьма значительную роль. Изученный нами сегмент молодежного волонтерского движения (жизненный мир студента-волонтера) позволяет эксплицировать общий вывод на все молодежное движение. Усиление персонцентричных ценностей в формировании жизненного мира индивида ведет к снижению роли волонтерского движения в механизмах культурного воспроизводства, в то время как противоположная тенденция (социоцентризм) – усиливает его роль.

Следует отметить, что характеризует волонтерское движение студентов вузов Кабардино-Балкарии и рейтинг видов добровольной деятельности по расходу свободного времени. Этот рейтинг нам позволяет установить сравнение ответов на вопросы четвертого блока предложенной опросной

---

¹ Zhu Y., Liu J. Cultural Reproduction: Ethnic Festivals as Intangible cultural Heritage in China // *Loisir et Société*. 2021. Vol. 44. Is. 3. P. 415–428.

модели (см.: рисунок 2.3, рисунок 2.4).

Рисунок 2.3

Скриншот визуализации выбора респондентами видов волонтерской деятельности в прошлом месяце

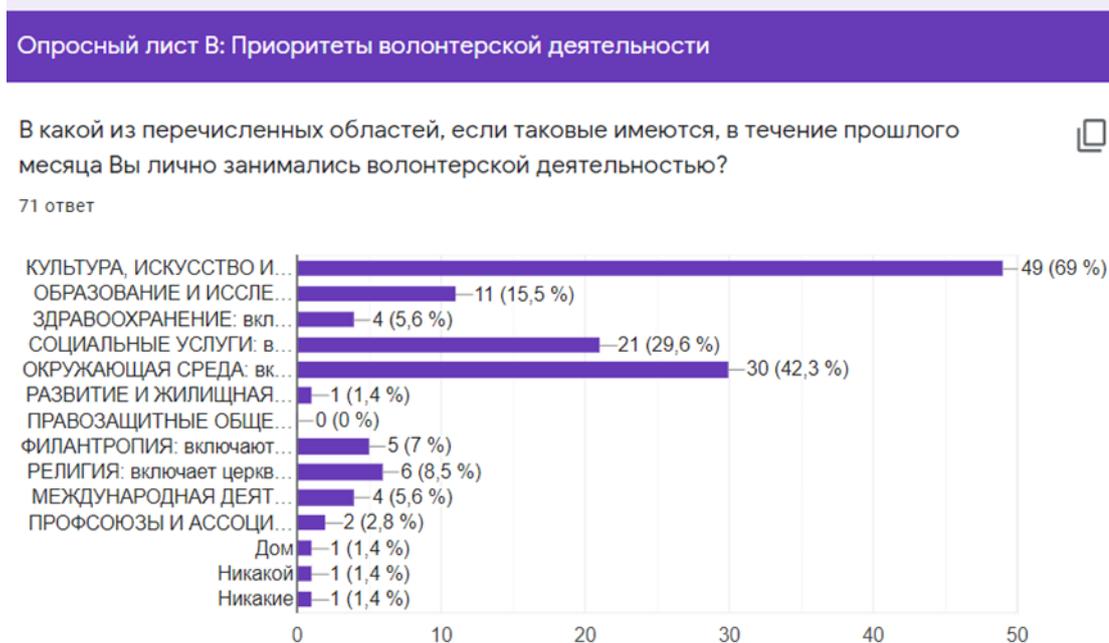

Рисунок 2.4

Скриншот визуализации выбора респондентами видов волонтерской деятельности в прошлом году

Расхождения между приоритетами волонтерской деятельности в прошлом году и в прошлом месяце наглядно представлены в визуализации Гугл-Форм: они не значительные. В большей степени ответы по месяцу и году коррелируют между собой, хотя самооценка студентами результатов своей волонтерской деятельности отличается в сторону большего разнообразия.

Прежде всего, корреляция очевидна в лидерствующих позициях направлений деятельности:

- на первом месте «Культура»: этому направлению больше уделяют 69 % респондентов за предшествующий опросу месяц и 71,4 % — за предшествующий год;
- на втором месте «Окружающая среда»: 42,3 % (месяц) и 51,8 % (год);
- третью позицию занимают «Социальные услуги»: 29,6 % (месяц) и 39,3 % (год);
- четвертое место у «Образования»: 15,5 % (месяц) и 19,6 % (год).

Начиная с пятой позиции отмечаются расхождения.

Если по оценкам минувшего месяца на пятом месте «Религия» (8,5 %), то в годовом рейтинге ее (7,1 %) опережают «Филантропия», «Профсоюзы и ассоциации» (по 14,3 % соответственно) и «Здравоохранение» (12,5 %).

По оценкам итогов месяца шестую позицию занимает «Филантропия» (7 %), седьмую разделили «Здравоохранение» и «Международная деятельность» (по 5,6 %), на восьмой – «Профсоюзы и ассоциации» (2,8 %), в хвосте указаны «Развитие и жилищная сфера», отрицательный ответ «Никакой» и указанный респондентами самостоятельно вид деятельности «Дом» (по 1,4 %), а «Правозащитным организациям» вообще не уделено внимания.

По оценкам года на шестой позиции «Здравоохранение» (12,5 %), на седьмой – «Религия» (7,1 %), потом следуют «Развитие и жилищная сфера»,

«Правозащитные организации» (по 3,6 %) и замыкает рейтинг ответов (1,8 %) предложенная респондентами формулировка «Никакой не занимался».

По мнению Н. И. Горловой, доцента кафедры менеджмента спорта и активного досуга РЭУ имени Г. В. Плеханова, интерес к культуре и искусству у российских добровольцев представляет собой традиционный приоритет¹. Т. е. студенты КБР в данном случае лишь следуют общероссийской тенденции. Для студента-волонтера региона, как и в целом по России, устойчивый интерес к области культуры и искусства обусловлен историко-культурной традицией.

Можно сравнить полученные результаты и с исследованиями международного уровня.

Российские показатели 1990–1993 гг. по отраслям на основе характерного продукта², свидетельствуют, что волонтеры России с наибольшим интересом поддерживали «Союзы» (общественные объединения по интересам) (7,9 % активных организаций), на втором месте по популярности были спортивные организации (3,2 %), на третьем – творческие (2,9 %), на четвертом с идентичными показателями – политические партии, экологические организации и профсоюзы (2,6 %), а подытоживали ценностную шкалу религиозные организации и другие виды благотворительной деятельности (по 1,4 %). Что в целом коррелирует с полученными нами показателями.

Примерно в это же время в Европе проводился опрос волонтеров для выяснения причин, по которым они решают заниматься или не заниматься добровольной деятельностью: 51 % опрошенных указали, что им это нравится; 36 % – чтобы завести новых друзей; 34 % – искали удовлетворение от результатов своей работы; 29 % – так поддерживали активность; 24 % – для

---

¹ Горлова Н. И. Страницы истории волонтерства в сфере сохранения материального культурного наследия в советской России: по материалам Государственного архива Российской Федерации // Вестник архивиста. 2021. № 1. С. 193–204.; Старовойтова Л. И., Горлова Н. И. Зарубежный опыт управления волонтерскими ресурсами в учреждениях культуры // Культура и образование. 2020. № 1. С. 82–90.

² Руководство по некоммерческим организациям в Системе национальных счетов. Нью-Йорк, 2006. С. 330–346.

получения опыта; 18 % – для признания в обществе; и 18 % – в силу стремления сохранить свои основные религиозные или политические ценности (допускалось несколько ответов)¹.

Подчеркнем наблюдение: ответы опроса (51 % опрошенных нравится добровольная деятельность, т. е. она соответствует их интересам, а наименьшее число опрошенных видят в ней возможность сохранять свои религиозные или политические ценности) коррелируют со статистическими российскими показателями Справочника ООН (на первом месте общественные объединения по интересам, а внизу ценностной шкалы религиозные организации и другие виды благотворительной деятельности). Корреляция результатов статистических и опросных методик указывает на общеевропейскую тенденцию. Интересы российских волонтеров в целом, и студентов КБР не сильно отличаются от средних европейских. Более того, можно утверждать общую парадигму интереса волонтеров к культуре, искусству и спорту на фоне незначительного интереса к религии.

Особенностью предложенной нами авторизованной методики самодиагностики потенциала волонтерского движения студентов является детализация собранных сведений. В частности, осуществлена дифференциация по году обучения, которая позволяет зафиксировать особенности затрат времени на каждом курсе обучения.

Следует отметить, что в зависимости от года обучения студенты с различной степенью активности приняли участие в экспериментальном опросе. Это тоже характеризует волонтерское движение студентов вузов Кабардино-Балкарии, поскольку опрос проводился исключительно добровольно. Участников опроса можно причислить к группе волонтеров, с интересом поддерживающих область образования и науки, хотя опрос проводился фронтально и среди студентов, имеющих слабые представления о студенческом волонтерском движении: методика опроса позволяет учитывать

---

¹ Gaskin K., Smith J. D. A New Civic Europe? L., 1997. P. 50–54.

и фактор отсутствия интереса респондента к волонтерской деятельности.

Наиболее активно (46 % от общего числа респондентов) приняли участие в опросе первокурсники; 33,3 % составили студенты третьего курса; 14,9 % – второй курс бакалавриата; 4,6 % – четвертый курс бакалавриата; 1,1 % – первый курс магистратуры и 0,1 % – второй курс магистратуры. Общая тенденция снижения численности студентов от первого курса бакалавриата ко второму курсу магистратуры полностью полученные результаты не объясняет. Всплеск активности студентов третьего курса требует более детального рассмотрения. Для этого сравним дифференцированные оценки потраченного на добровольную деятельность каждого курса.

Средний индекс потраченного времени в данном случае – условный показатель. Он рассчитывается арифметически: критерий «менее 1 часа в месяц (менее 1 ч/м) условно принимается за 1 час, «до 10 ч/м» – за 10 часов, «до 20 ч/м» – 20 часов, «до 30 ч/м» – 30 часов, «более 30 ч/м» – 31 час; эти показатели умножаются на число респондентов отдельного года обучения в вузе, указавших данный критерий при оценке своей волонтерской нагрузки; результаты по отдельному курсу обучения суммируются и делятся на число респондентов данного года обучения. Но несмотря на условность он позволяет сравнивать среднюю нагрузку волонтерской деятельности на студентов отдельных курсов. И возникает вопрос, случайна ли корреляция высокого показателя отрицательной мотивации несоответствия волонтерской деятельности убеждениям студентов второго курса (см.: рисунок 2.1) с их средним индексом потраченного времени (см.: таблицы 2.1–2.4)? Средняя нагрузка студентов второго курса в областях охраны окружающей среды, социальной работы, образования и науки превышает нагрузку первых, третьих и четвертых курсов при высоком уровне несоответствия убеждений части студентов целям волонтерской деятельности — такая обнаруженная корреляция может свидетельствовать о том, что деятельность осуществлялась частью опрошенных студентов второго курса недобровольно, под принуждением, что и вызвало несоответствие с их убеждениями.

Одновременно наблюдается тенденция роста интереса студентов от первого курса к четвертому к волонтерской деятельности в областях культуры (см.: таблица 2.1), социальной работы (см.: таблица 2.3), образования и науки (см.: таблица 2.4). А вот всплеск интереса на втором курсе (23 часа в месяц) к охране окружающей среды после резкого спада ведет к общему снижению интереса: на первом курсе средний индекс потраченного времени 8,08 часов в месяц, на третьем – 7,79, на четвертом – 7 (см.: таблица 2.2).

По количеству времени, потраченному на образование и науку лидерствует второй курс бакалавриата (см.: таблица 2.4), а вот по добровольному участию в нашем эксперименте – третий курс опережает второкурсников: 33,3 % против 14,9 % из общего числа принявших участие в опросе респондентов.

Взаимосвязь блоков предложенной опросной модели самодиагностики потенциала волонтерского движения студентов позволяет объективизировать субъективные оценки респондентов, установив корреляцию количественных показателей.

Отдельно необходимо остановиться на авторском оригинальном приеме попарного сопоставления аргументов и контраргументов в установлении мотивации к волонтерской деятельности с учетом десятибалльного шкалирования каждого отдельного мотивирующего фактора. Это нововведение опирается на опыт отечественный и зарубежных психологов.

Культурно-исторический подход Л. С. Выготского противопоставил «биологизаторскому», «натуралистическому» подходу концепцию развития психики, провозгласив, что понимание сложных психических процессов невозможно без знания истории их формирования. Обосновано, что первостепенное значение на внутриличностные процессы оказывают культурные коды и знаковая система. Пространство культуры находится между сознанием и поведением индивида, регулируя паттерны поведения. Субъект оценки осуществляет деятельность, исходя из собственных представлений о

культурных нормах, поэтому распространенные в психологии методы шкалирования (Ш. Шварц, М. Рокич и др.) позволяют наблюдать, какие из социокультурных норм индивид считает своими. Противопоставление же аргументов и контраргументов отражает предельные значения социокультурного фронта ценности волонтерской деятельности¹, создавая развивающую проблемную ситуацию, разрешение которой упорядочивает отношение студента к добровольной деятельности. Таким образом, в предложенной модели самодиагностики студенческого молодежного движения одновременно реализуются и диагностические, и дидактические задачи.

Соответственно, анализировать эти показатели тоже следует попарно. Остановимся именно на полученных в ходе опроса предельных значениях каждого аргумента и контраргумента².

Предельные значения заданы противопоставлением «Я волонтер, потому что...» и «Я не волонтер, потому что...». Задача респондента состоит в десятибалльной оценке предложенных вариантов завершения высказывания, где оценка «10» указывает на максимальное соответствие, а «1» – на минимальное³.

1. Суждение «Я волонтер, потому что хочу быть полезным, помочь нуждающимся» оценили на «10» 80,3 % от числа всех респондентов, а на «1» – 2,6 %. При этом противопоставленный контраргумент «Я не волонтер, потому что никто не обращался ко мне с такими предложениями» на «10» оценили 25,9 % респондентов, а на «1» – 37 %.

2. Аргумент «Я волонтер, потому что получаю удовольствие» оценили на «10» 69 % респондентов, а на «1» – 2,8 %. Контраргумент «Я не волонтер, потому что не вижу необходимости» на «10» оценили 8,2 %

---

¹ Бакуменко Г. В., Устрижицкий О. В., Грицкевич В. П. О практической значимости теоретического конструкта «социокультурный фронт» // Культурная жизнь Юга России. 2020. № 2. С. 127–131.

² См.: Приложение 1. Опросный лист В: Мотивация к волонтерской деятельности.

³ См.: Там же.

респондентов, а на «1» – 65,3 %.

3. Аргумент «Я волонтер, потому что хочу бороться с определенной проблемой» оценили на «10» 50 % респондентов, а на «1» – 2,9 %. Контраргумент «Я не волонтер, потому что никогда не задумывался об этом» на «10» оценили 12,2 % респондентов, а на «1» – 46,9 %.

4. Аргумент «Я волонтер, потому что у меня достаточно свободного времени» оценили на «10» 11,9 % респондентов, а на «1» – 14,9 %. Контраргумент «Я не волонтер, потому что нет свободного времени» на «10» оценили 24 % респондентов, а на «1» – 18 %.

5. Аргумент «Я волонтер, потому что хочу платить людям добром за добро» оценили на «10» 58,6 % респондентов, а на «1» – 5,7 %. Контраргумент «Я не волонтер, потому что мне безразличны другие люди» на «10» оценили 6,3 % респондентов, а на «1» – 77,1 %.

6. Аргумент «Я волонтер, потому что сам сталкивался с подобной проблемой» оценили на «10» 27,9 % респондентов, а на «1» – 22,1 %. Контраргумент «Я не волонтер, потому что не считаю, что волонтеры реально решают какие-либо проблемы» на «10» оценили 8,3 % респондентов, а на «1» – 68,8 %.

7. Аргумент «Я волонтер, потому что хочу получить полезные навыки, нужный мне опыт» оценили на «10» 57,4 % респондентов, а на «1» – 2,9 %. Контраргумент «Я не волонтер, потому что волонтерская деятельность мешает учебе» на «10» оценили 8,3 % респондентов, а на «1» – 54,2 %.

8. Суждение «Я волонтер, потому что хочу познакомиться с новыми людьми, с единомышленниками» оценили на «10» 47,1 % от числа всех респондентов, а на «1» – 5,7 %. При этом противопоставленный контраргумент «Я не волонтер, потому что сторонюсь новых знакомств, избыток внимания мне только мешает» на «10» оценили 6,3 % респондентов, а на «1» – 58,3 %.

9. Аргумент «Я волонтер, потому что это соответствует моим

религиозным (или политическим) убеждениям» оценили на «10» 35,3 % респондентов, а на «1» – 8,8 %. Контраргумент «Я не волонтер, потому что это не соответствует моим религиозным (или политическим) убеждениям» на «10» оценили 2,1 % респондентов, а на «1» – 77,1 %.

Таблица 2.6

**Гетерогенный и субъективные факторы
мотивации волонтерской деятельности студентов КБР**

Гетерогенный				Субъективный			
Аргумент	%	Контраргумент	%	Аргумент	%	Контраргумент	%
хочу быть полезным, помочь нуждающимся	80,3	никто не обращался ко мне с такими предложениями и	25,9	получаю удовольствие	69	не вижу необходимости	8,2
хочу бороться с определенной проблемой	50	никогда не задумывался об этом	12,2	достаточно свободного времени	11,9	нет свободного времени	24
хочу познакомиться с новыми людьми, с единомышленниками	47,1	сторонюсь новых знакомств, избыток внимания мне только мешает	6,3	сам сталкивался с подобной проблемой	27,9	не считаю, что волонтеры реально решают какие-либо проблемы	8,3
это соответствует моим религиозным (или политическим) убеждениям	35,3	это не соответствует моим религиозным (или политическим) убеждениям	2,1	хочу получить полезные навыки, нужный мне опыт	57,4	волонтерская деятельность мешает учебе	8,3
потому что хочу платить людям добром за добро	58,6	потому что мне безразличны другие люди	6,3	потому что хочу платить людям добром за добро	58,6	потому что мне безразличны другие люди	6,3

Предпринятые нами замеры позволяют оценить мотивации к волонтерской деятельности как в традиционной схеме противопоставления гетерогенных и субъективных факторов¹, так и скорректировать последние в

¹ Нежина Т. Г., Петухова К. А., Четкина Н. И., Миндарова И. С. Мотивация участия молодежи в волонтерском движении // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. № 3. С. 49–71; Ермилова А. В., Исакова И. А. Специфика волонтерской деятельности в современной России: региональные практики // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета.

пользу многомерности мотивации студентов-волонтеров, в том числе и с учетом дифференциации их по году обучения в вузе.

Существенное нововведение позволяет респондентам одновременно указывать и мотивирующие к волонтерской деятельности факторы, и факторы, тормозящие их волонтерскую активность. То, что эти факторы оказывают влияние на жизненный мир студента-волонтера одновременно, до последнего времени не было в достаточной степени теоретически отрефлектировано. Между тем именно положительная разница между аргументом в пользу волонтерской деятельности и одновременно воздействующим на сознание респондента контраргументом вскрывает реальную ситуацию самостоятельного выбора им стратегии поведения. Для диагностики потенциала студенческого волонтерского движения в реализации задач государственной политики именно фиксация динамики соотношения противоположных факторов имеет решающее значение.

Классифицируем мотивирующие факторы по классической типологии и одновременно выделим аргументы и контраргументы, соответствующие оценке «10». При этом одну пару аргументов мы отнесли и к гетерогенной области, поскольку в ней отражена оценка внешнего влияния, и к субъективной, поскольку эта оценка опирается на нравственную (субъективную) позицию.

Суммирование аргументов в пользу гетерогенных факторов дает нам абсолютный числовой показатель в 271,3 ед., при показателях контраргумента 52,8 ед. Разница составляет 218,5 ед.

Суммирование аргументов в пользу субъективных факторов дает нам абсолютный числовой показатель в 224,8 ед., при показателях контраргумента

Социально-экономические науки. 2017. № 4. С. 48–57; Кисиленко А. В. Волонтерство: потенциал самоорганизации российской молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2018. № 1. С. 63–71; Проказина Н. В., Бобылева Н. Ю., Хатнюк Н. Н. Реализация добровольческого (волонтерского) потенциала в России // Научный результат. Социология и управление. 2019. № 2. С. 47–56; Стегний В. Н., Никонов М. В. Мотивация волонтерской деятельности // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2018. № 1. С. 146–156.

55,1 ед. Разница составляет 169,7 ед.

Из чего следует вывод, что гетерогенные факторы в мотивациях студента-волонтера КБР преобладают. Преобладание гетерогенных факторов указывает на низкий уровень субъектности студенческого волонтерского движения, его зависимости от ценностных установок общества.

Но вместе с тем предложенная методика позволяет наблюдать, что доминирующий гетерогенный аргумент («хочу быть полезным, помочь нуждающимся») выраженный восьмидесятипроцентной наивысшей оценкой входит в противоречие с достаточно высоким показателем парного контраргумента («никто не обращался ко мне с такими предложениями»). Четверть респондентов утверждают, что они не волонтеры только потому, что никто не обращался к ним с таким предложением. Это самый высокий показатель контраргумента, за которым идет субъективный фактор недостатка свободного времени (24 %).

Эти наблюдения позволяют заключить, что ресурс студенческой добровольной деятельности задействован в реализации задач государственной культурной политики не в полной мере. Больше четверти опрошенным просто не предложили стать волонтерами, а чуть меньше четверти нужно помочь в организации распорядка труда и досуга для «высвобождения» времени. На решение этих задач, собственно, и должны быть направлены оптимальные организационно-педагогические условия вуза, чтобы максимально задействовать потенциал волонтерского студенческого движения.

Предлагаемая модель социокультурного мониторинга потенциала волонтерского движения студентов легко масштабируется за счет дифференциации реципиентов по году обучения и гендерным признакам, что позволяет планировать воспитательную работу от года к году с учетом дифференцированных характеристик.

Подробно мы остановились на дифференциации студентов по году обучения, представляя модель социокультурного мониторинга волонтерского

движения в предыдущем параграфе. В частности, акцентировано внимание на перманентом кризисе жизненного мира студента-волонтера, который не только обусловлен возрастными особенностями, но и усиливается за счет влияния вуза на расширение жизненного пространства студента. Здесь же акцентируем внимание на том, как полученные результаты характеризуют региональную специфику студенческого волонтерского движения в КБР и потенциал в реализации задач государственной культурной политики в регионе.

Мы уже упоминали, что особенностью культуры региона остаются сильные семейные традиции и доминирование семейных ценностей в мировоззрении студентов вузов КБР. Семейные ценности, как и религиозные, преобладают, по мнению большинства исследователей, в традиционалистских обществах. В то время как современные тенденции социально-экономического развития требуют инновационной культуры, легче адаптирующейся к быстрым изменениям.

Расширение горизонта воззрений всегда сопровождало образовательные практики. Но в современных условиях это расширение происходит более значительно. Благодаря новейшим информационно-коммуникационным технологиям высшее образование расширяет границы жизненного мира практически бесконечно, что резко усиливает дисбаланс расширяющихся потребностей молодого человека с возможностями их реализации. Не только образовательные программы вуза, но и окружающее студентов информационное пространство становятся причиной усиления когнитивного диссонанса, сопровождающего резкое расширение жизненного мира. В том числе конфликт традиционной культуры региона с запросом на инновационное мышление молодых специалистов создает острую ситуацию резкой смены ценностных ориентаций студентов.

С одной стороны, как было отмечено в выводах к первой главе существует и навязывается из-за рубежа деструктивный теоретический симулякр, определяющий сущность гражданского общества за пределами

семьи, церкви и государства, что вполне обосновано генерирует сомнения у молодежи в конструктивности институтов гражданского общества. Монополия либеральной доктрины на интерпретацию социальной реальности гражданского общества в условиях очевидной дискредитации её ценностно-смысловых императивов порождает недоверие к частной инициативе и деятельности социально ориентированных организаций.

В этой связи просоциальные ориентации поведения студентов прямо пропорциональны компенсационным возможностям социальных институтов в плане снижения остроты когнитивного диссонанса между горизонтом новых потребностей и ограниченными возможностями студента провинциального вуза. Роль вуза в этом смысле значительно возрастает. Если статус студента защищает его от резких потрясений, т. е. вуз справляется с новой компенсационной функцией, то возрастает и ценность социальных институтов, включая волонтерское движение. Если же студенческие инициативы натываются на формализм и непонимание, то вполне объяснима общая тенденция к преобладанию паттернов гедонистического (паразитарного) жизненного мира, когда кругозор сужается до местечкового понимания добра – блага для себя, для своих, исключительно для своей фамилии, для своего клана. Внешний мир воспринимается как угроза, преодоление которой оправдывается исключительно местечковой выгодой. Внешний мир и люди за рамками узкого круга воспринимаются как ресурс, объект набега и грабежа, экспансии и эксплуатации.

Такого рода трансформация жизненного мира студента-волонтера соответствует тенденции атомизации общества, противостоять которой призваны базовый и модернизационный сценарии реализации культурной политики¹. Соответственно, не учитывать потенциал студенческого волонтерского движения в преодолении негативной тенденции крайне недальновидно. Противостоять этой тенденции призвана, по мнению

---

¹ Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420340006> (дата обращения 15.08.2022).

специалистов, академическая¹, профессиональная и добровольческая² мобильность. Подчеркнем прямую зависимость потенциала студенческого волонтерского движения в реализации задач и стратегических целей государственной культурной политики от состояния и качества жизненного мира студента, на который непосредственно оказывают влияние организационно-педагогическая система вуза. Вполне очевидно, что осознание руководством и профессорско-педагогическим составом вуза необходимости формирования условий снижения когнитивного диссонанса, обусловленного резким расширением горизонта жизненного мира студента, является базовым фактором развития просоциальных установок студента, потенциального лидера молодежного волонтерского движения.

В условиях цифровизации, постоянно расширяющегося мира и усложнения межрегиональных связей благодаря новейшим цифровым технологиям обостряются и проблемы информационной безопасности волонтерской деятельности молодежи.

Вполне естественно, что развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) учитывает стремление людей оказывать друг другу помощь. Все ведущие соцсети Интернета обеспечены сегодня механизмами фандрайзинга (взаимопомощи). Однако, эти же механизмы используют и виртуальные мошенники, аккумулируя значительные финансовые средства, занимаясь рекрутингом и пропагандой в интересах криминальных и террористических организаций.

Общественная палата Российской Федерации, в частности, отмечает, что соцсети стали главной вербовочной площадкой для ряда экстремистских

---

¹ Радченко О. А. Академическая мобильность в российских условиях // Высшее образование в России. 2012. № 8–9.; С. 57–61.; Клемешев А. П., Смирнов В. А., Шутов А. Ю., Гаман-Голутвина О. В. Онлайн-механизм внутригосударственной академической мобильности // Высшее образование в России. 2011. № 12. С. 3–8.; Загвязинский В. И., Волосникова Л. М., Кукуев Е. А., Патрушева И. В. Академическая мобильность в педагогическом образовании // Образование и наука. 2020. № 6. С. 31–48. и др.

² Байбакова А. И. Внеурочная воспитательная деятельность как направление работы добровольческого центра // Вестник магистратуры. 2016. № 4–3. С. 23–26.; Зборовский Г. Е., Кузьминчук А. А. Образовательные и внеобразовательные ресурсы развития студенчества в мегаполисе // Педагогический журнал Башкортостана. 2017. № 2. С. 27–35.; Платонова Ю. Ю. Добровольчество как кадровый ресурс деятельности социальных организаций // ЧиО. 2020. № 3. С. 107–111. и др.

организаций¹. Представляя угрозу безопасности, соцсети все же имеют и положительное влияние на развитие волонтерского движения. Психологи Московского государственного психолого-педагогического университета, в частности, отметили, что «виртуализация» волонтеров сопровождается усилением значения позитивных и негативных оценочных суждений молодежи о деловых качествах членов сообщества². Т. е. соцсети стимулируют развитие необходимых для волонтерской деятельности качеств.

В отношении анализа рисков цифровой эпохи представляется ценной предложенная М. Ю. Кондратьевым и О. А. Любимовой типология волонтерских сообществ по степени их «виртуализации»: реально контактирующие группы, в относительной степени виртуальные группы (использующие виртуальные контакты) и группы в максимальной степени виртуализированные (использующие преимущественно виртуальные контакты)³. Представляется очевидным, что именно последний тип групп подвергается наибольшей степени риска попасть под влияние виртуальных мошенников, маскирующих преступные намерения социальными целями. Основным критерием определения мошенников является низкая степень их прозрачности (публичности). В этой связи перед современным вузом стоит задача быть флагманом студенческого и молодежного волонтерского движения.

Предложенный в рамках исследования проект модели социокультурного мониторинга потенциала волонтерского движения студентов ориентирован на преодоление отставания региональных вузов от ведущих в плане организации и совершенствования работы со студентами-волонтерами с учетом региональных особенностей и задач государственной культурной политики.

Обоснование целесообразности авторских нововведений построено на

---

¹ Соцсети назвали главной площадкой для вербовки в ИГИЛ // Общественная палата Российской Федерации [Сайт]. URL: <https://www.oprf.ru/press/news/2017/newsitem/38989> (дата обращения 10.03.2021).

² Кондратьев М. Ю., Любимова О. А. Особенности интрагруппового структурирования и межличностного восприятия в реальных контактных и виртуальных группах волонтеров // Социальная психология и общество. 2011. № 4. С. 71–86.

³ Там же. С. 72.

оценке отдельных предварительных результатов проведенного по авторизованной экспериментальной методике пилотного исследования.

Во-первых, это позволило раскрыть и наглядно продемонстрировать новые авторские методические решения, позволяющие охарактеризовать актуальный срез современной культуры региона, а именно – сегмент молодежной культуры, отличающийся наиболее активной гражданской позицией, – культуру студента-волонтера.

Во-вторых, расширение картины научных представлений о динамике ценностных ориентиров (приоритетов) студентов-волонтеров с учетом не только их мотиваций, изменяющихся в зависимости от года обучения, но и результатов в виде израсходованного на волонтерскую деятельность времени обосновывается, прежде всего, целесообразностью установления влияния образовательной среды вузов на развитие молодежного волонтерства и проектирования культуры региона в целом. Это ценно особенно в перспективе развития в России тенденции замещения проектного волонтерства стихийно-событийным, что отмечают отдельные ученые¹. Способность вуза стать управляющим центром студенческого волонтерского движения, как показывают предварительные результаты проведенного исследования, не столь очевидна. В этом направлении нужно постоянно работать. Дальнейшие перспективы практического использования полученных с помощью усовершенствованных методик результатов определяются возможностью с их помощью самодиагностики социокультурного влияния вузов и органов региональной власти на развитие в молодежной среде гражданских качеств активных волонтеров и коррекции управленческо-педагогических стратегий в направлении повышения степени управляемости молодежными движениями в контексте региональной культуры.

На примере анализа предварительных результатов эмпирического

---

¹ Зборовский Г. Е., Певная М. В., Ведерников А. А. Волонтерство в пространстве регионального управления (кейс Свердловской области) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2018. № 4. С. 10–25.

исследования установлено, что:

– ценностные ориентиры студентов-волонтеров в зависимости от года обучения могут изменяться и необходимы дальнейшие исследования для уточнения факторов этих изменений;

– диспозиция положительных и отрицательных мотиваций, усиленная методикой шкалирования ответов, позволяет наблюдать зависимость снижения роли факторного влияния мотива аргумента от значений контраргумента; эта новизна более точно позволяет оценить роль того или иного мотива в стимулировании волонтерства и усилении потенциала студенческого волонтерского движения в целом;

– основные области деятельности студентов-волонтеров характеризуют ценностную иерархию приоритетов молодежной культуры Кабардино-Балкарии: на первом месте у молодежи область культуры, за тем по популярности идет область охраны окружающей среды и социальных услуг, замыкает четверку явных приоритетов область науки и образования;

– потенциал студенческого волонтерского движения в решении задач государственной культурной политики является комплексной характеристикой состояния жизненного мира студента-волонтера;

– соотношение показателей соответствия целей волонтерской деятельности интересам молодежи, наличия / отсутствия свободного времени с показателями динамики затрат времени студентами на волонтерскую деятельность позволяет установить маркер потенциала студенческого волонтерского движения в решении задач государственной культурной политики: он прямо пропорционален положительным мотивациям к волонтерской деятельности и обратно пропорционален контраргументам;

– непосредственно в организационно-педагогических условиях обследованных вузов Кабардино-Балкарии положительные мотивации к волонтерской деятельности преобладают, что говорит о достаточно высоком потенциале студенческого волонтерского движения в решении задач

государственной культурной политики;

– вместе с тем ряд показателей позволяет заключить, что потенциал студенческого волонтерского движения в решении задач государственной культурной политики задействован не в полной мере.

Выявленные приоритеты волонтерской деятельности студентов характеризуют актуальный сегмент молодежной культуры – культуру студента-волонтера. Студенты вузов по отношению к остальной части молодежи региона представляют собой наиболее активную часть, предопределяющую перспективные тенденции развития культуры региона. Студенчество посредством волонтерской деятельности способно стать активным субъектом государственной культурной политики, объединяя вокруг себя молодежь. Просоциальные ценностные установки (приоритеты) студента-волонтера напрямую зависят от способности вуза снижать риски когнитивного диссонанса, продиктованные резким расширением жизненного мира студента. В этом направлении раскрываются существенные перспективы дальнейших междисциплинарных исследований педагогов, психологов и культурологов.

Необходимо отметить, что использованный в работе опорный термин «ценностные ориентиры студента-волонтера» (те самые приоритеты) обладает подвижностью содержания, изменения которого, как в зависимости от региона, так и в зависимости от года обучения студентов, постоянно необходимо фиксировать для более точной характеристики текущей и перспективной ситуации в развитии культуры региона. Феноменально это явление социальной жизни всегда остается социокультурным фронтиром, содержание которого формируется по ходу развития социальных практик. Поэтому как бы мы его ни определяли, без постоянного совершенствования методик мониторинга текущего состояния культуры научные представления о нем сложно считать исчерпывающими.

На наш взгляд, внедрение механизма самодиагностики влияния

организационной среды конкретного вуза на становление гражданской позиции молодежи в практике волонтерской деятельности раскрывает перспективы постоянного мониторинга перспективных тенденций развития культуры региона на основе конкретных эмпирических данных. В этом направлении предлагаемая модель социокультурного мониторинга студенческого волонтерского движения может стать общим инструментом для всех заинтересованных вузов.

Кроме того, в перспективе совершенствования предложенной модели возможно развитие нового инновационного инструмента государственно-частного партнерства на основе анализа текущей ситуации непосредственно в каждом конкретном регионе России, в каждой конкретной административно-территориальной локации путем обеспечения информационной поддержки конкретных социально-ориентированных мероприятий как в рамках программ реализации задач государственной культурной политики, так и в рамках межотраслевой интеграции практически других программ социально-экономического развития.

* * *

Таким образом, апробированные авторские решения в рамках предложенного проекта экспериментальной модели социокультурного мониторинга потенциала волонтерского движения студентов дополняют и развивают существующие социологические и психологические опросные методы. Значительно расширяются описательные возможности характеристики волонтерского движения студентов. На примере анализа результатов пилотного опроса студентов вузов Кабардино-Балкарии продемонстрированы преимущества шкалирования попарно представленных аргументов и контраргументов при выявлении мотиваций к волонтерской деятельности. Акцентируется внимание на эвристическом потенциале дифференциации респондентов по году обучения в вузе и масштабируемости

за счет этого общей модели мониторинга.

Впервые предпринятая характеристика волонтерского движения студентов вузов Кабардино-Балкарии включает результаты исследования в общий контекст изучения студенческого и молодежного волонтерского движения в регионах России, а также дополняет существующие методы исследования авторскими приемами, нацеленными на создание оптимальных организационных условий для воспитания гражданской просоциальной позиции молодежи в практике волонтерской деятельности, что соответствует базовой установке государственной культурной политики.

Внедрение предложенной экспериментальной модели социокультурного мониторинга потенциала волонтерского движения студентов раскрывает перспективы совершенствования методов управления студенческим волонтерским движением в интересах реализации задач государственной культурной политики. От степени вовлеченности студенческой молодежи в решение стратегических задач развития культуры региона и страны зависит уровень субъектности волонтерского студенческого сообщества, организуемого непосредственно активными студентами, учебными заведениями и социально-ориентированными некоммерческими организациями.

Выводы по второй главе

Основные результаты практико-ориентированной части диссертационного исследования изложены в заключительных разделах каждого параграфа второй главы. Необходимость же дополнительных выводов в целом по главе продиктована попыткой дать оценку полученным результатам в контексте перспектив дальнейших исследований. Во второй главе мы уделили внимание разработанной модели социокультурного мониторинга волонтерского движения, позволяющей обнаружить нереализованный пока в достаточной мере потенциал студенческого волонтерского движения в

решении задач государственной культурной политики Российской Федерации в плане облегчения решения диагностических, дидактических и управленческих задач с опорой на анализ конкретного эмпирического материала. Кроме того, раскрыт опыт проведения экспериментальной апробации предложенной модели социокультурного мониторинга волонтерского движения в интересах государственной культурной политики Российской Федерации на примере студентов-волонтеров ведущих вузов Кабардино-Балкарии, собран и введен в научный оборот новый эмпирический материал.

В контексте перспектив дальнейших исследований необходимо обозначить технические и организационные ограничения, преодоление которых способно вывести научно-методическое обеспечение государственной культурной политики непосредственно в регионах России на иной организационный уровень.

Во-первых, в диссертации изложены результаты инициативного исследования, материально-техническая оснащённость которого ограничена доступным программным обеспечением зарубежных корпораций Microsoft и Alphabet (Google). Вполне очевидно, что подобная зависимость дальнейших исследований научно-методического обеспечения государственной культурной политики непосредственно в регионах России от качества продуктов зарубежных транснациональных корпораций не отвечает национальным интересам Российской Федерации. Вместе с тем подобных доступных аналогов отечественная IT-индустрия пока не предлагает, а стоимость адаптации к задачам социокультурного мониторинга студенческого волонтерского продуктов, к примеру, Яндекс (как и других производителей) требует дополнительных затрат. Эта проблема выходит за рамки темы исследования и касается двух актуальных общесистемных социокультурных задач, стоящих перед российским обществом: с одной стороны, – это задачи цифровизации и перехода к обществу знания; с другой, – технологические задачи организации научных исследований, что непосредственно связано с

достижением технологического суверенитета страны. В краткосрочной перспективе полное импортозамещение продуктов транснациональных корпораций наиболее рентабельно в рамках межотраслевой интеграции ученых, научных и образовательных организаций на площадках центров коллективного пользования. Помимо импортозамещения такая интеграция раскрывает перспективы обработки массивов больших данных средствами технологий искусственного интеллекта. В такой перспективе предложенная модель социокультурного мониторинга студенческого волонтерского движения может быть усовершенствована до уровня универсальной национальной системы мониторинга и картирования молодежного волонтерского движения в Российской Федерации и интегрирована с существующими механизмами мониторинга развития гражданского общества.

Во-вторых, говоря об организационных ограничениях, необходимо отметить разрозненность региональных исследований волонтерского движения в России. В этой связи представляется перспективным организация и проведение на постоянной основе всероссийских научных, научно-практических семинаров и конференций с целью повышения системного уровня изучения волонтерского движения в интересах культурной политики Российской Федерации. Систематизация исследовательских усилий в этом направлении также может быть связана с развитием цифровых информационно-коммуникационных технологий и с организацией (созданием) специализированного ресурса (сайта), объединяющего специалистов различных отраслей знания вокруг общего исследовательского поля. Возможно также модернизация в этих интересах уже существующих государственных или общественных сетевых ресурсов в рамках отдельной программы информатизации управления социокультурного развития молодежного волонтерского движения.

В любом случае, обозначенные выше препятствия, которые не удалось преодолеть в рамках данной диссертационной работы, вполне преодолимы при усилении систематичности исследований студенческого волонтерского

движения и управленческой практики усиления его субъектности при решении задач государственной культурной политики с ориентацией на мониторинг текущей ситуации в конкретном регионе России.

Особо необходимо отметить раскрывающиеся перспективы систематического социокультурного мониторинга потенциала студенческого волонтерского движения на постоянной основе.

В рамках диссертационного исследования мы ориентировались на эмпирический материал, собранный в ограниченный временной промежуток, а также на корпус опубликованных в научной периодике результатов. Организация социокультурного мониторинга потенциала студенческого волонтерского движения на постоянной основе раскрывает перспективы фиксации динамических изменений жизненного мира студента-волонтера и, соответственно, потенциала студенческого волонтерского движения. Подобное расширение области исследования как по временной вертикали, так и по географической горизонтали предполагает выявление ключевых тенденций развития потенциала студенческого волонтерского движения и корреляции динамических изменений совокупности установленных факторов с гетерогенными факторами большего масштаба, включая как отдельные политические решения, так и результаты реализации программ социально-экономического развития. Такого уровня системный анализ позволит внести более существенный вклад в научно-методического обеспечение программ стратегического развития, включая сопровождение государственной культурной политики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ввиду недостаточной изученности потенциала студенческого волонтерского движения в контексте задач государственной культурной политики и отсутствия специальных исследований регионального аспекта этой проблемы в Кабардино-Балкарии цель работы состояла в раскрытии совокупности ценностных приоритетов добровольной деятельности студентов Кабардино-Балкарии в системе воспроизводства культуры региона в контексте задач государственной культурной политики Российской Федерации.

Акцент сделан на культуре студента-волонтера Кабардино-Балкарии как совокупность ценностных приоритетов добровольной деятельности в современном студенческом волонтерском движении России.

Поставленная цель потребовала решения комплекса задач.

Во-первых, были изучены теоретические и научно-методические подходы к исследованию студенческого волонтерского движения. Обзор литературы позволил сформулировать вывод о том, что существующие теоретические и научно-методические подходы позволяют рассматривать социальный феномен студенческого волонтерского движения в качестве субъекта государственной культурной политики, осуществляющего практику обмена свободного времени студенчества, как наиболее активной части молодежной субкультуры, на опыт социализации / инкультурации в социальной среде. Эта практика непосредственно стимулирует воспроизводство и модернизацию культуры как исторически развивающейся системы надбиологических программ жизнедеятельности общества в плане обмена культурным опытом между поколениями.

Во-вторых, потребовалась адаптация существующих методов социологических исследований для диагностики и управления потенциалом студенческого волонтерского движения Кабардино-Балкарии. Субъектность студенческого волонтерского движения выходит за рамки официального

нормотворческого дискурса, стимулируя саморазвитие и модернизацию общественных отношений. В этом состоит общесистемная функция молодого поколения в системе воспроизводства культуры. Одновременно волонтерская деятельность стимулирует выработку у студентов-волонтеров просоциальных ценностных установок добровольного труда и базовые черты гражданственности, свойства личности, обеспечивающие гражданскую позицию и российскую общегражданскую идентичность. Соответственно, студенческое волонтерское движение как субъект государственной культурной политики способно выполнять функцию оптимизации усилий общества по формированию у молодежи просоциальных личностных качеств. Точная настройка существующих методов социологических исследований для диагностики и управления потенциалом студенческого волонтерского движения позволяет осуществлять мониторинг субъектности студенческого волонтерского движения.

В-третьих, была разработана и апробирована в пилотном опросе «Потенциал волонтерского движения студентов вузов Кабардино-Балкарии» экспериментальная модель социокультурного мониторинга потенциала волонтерского движения студентов. Она позволила диагностировать кризис жизненного мира студента-волонтера, как смену парадигмы ценностных приоритетов и мотиваций в волонтерской деятельности в период обучения между вторым и третьим курсами бакалавриата. Студенческая жизнь, включающая широкий спектр волонтерской деятельности, значительно расширяет жизненный мир формирующейся личности, поэтому обострение когнитивного диссонанса в этом возрасте неизбежно. Модель позволяет в табличной форме собирать обезличенные данные и осуществлять корректировку управления студенческим волонтерским движением в интересах формирования просоциальных ценностных установок личности и активной гражданской позиции.

В-четвертых, социологический опрос студентов ведущих вузов Кабардино-Балкарии позволил собрать и проанализировать эмпирические данные, характеризующие культуру студента-волонтера Кабардино-Балкарии.

Предпринятые нами замеры позволили оценить мотивации к волонтерской деятельности как в традиционной схеме противопоставления гетерогенных и субъективных факторов, так и скорректировать последние в пользу многомерности мотивации студентов-волонтеров, в том числе и с учетом дифференциации их по году обучения.

Гетерогенные факторы в мотивациях студента-волонтера КБР преобладают. Но вместе с тем предложенная методика позволила наблюдать, что доминирующий гетерогенный аргумент («хочу быть полезным, помочь нуждающимся») выраженный восьмидесятипроцентной наивысшей оценкой входит в противоречие с достаточно высоким показателем парного контраргумента («никто не обращался ко мне с такими предложениями»). Четверть респондентов утверждают, что они не волонтеры только потому, что никто не обращался к ним с таким предложением. Это самый высокий показатель контраргумента, за которым идет субъективный фактор недостатка свободного времени (24 %).

Эти наблюдения позволяют заключить, что ресурс студенческой добровольной деятельности задействован в реализации задач государственной культурной политики не в полной мере. Больше четверти опрошенным просто не предложили стать волонтерами, а чуть меньше четверти нужно помочь в организации распорядка труда и досуга для «высвобождения» времени. На решение этих задач, собственно, и должны быть направлены оптимальные организационно-педагогические условия вуза, чтобы максимально задействовать потенциал волонтерского студенческого движения.

Предложенная модель социокультурного мониторинга потенциала волонтерского движения студентов легко масштабируется за счет дифференциации реципиентов по году обучения и гендерным признакам, что позволяет планировать воспитательную работу от года к году с учетом

дифференцированных характеристик.

Конфликт традиционной культуры региона с запросом на инновационное мышление молодых специалистов создает острую ситуацию резкой смены ценностных ориентаций студентов.

В этой связи просоциальные ориентации поведения студентов прямо пропорциональны компенсационным возможностям социальных институтов в плане снижения остроты когнитивного диссонанса между горизонтом новых потребностей и ограниченными возможностями студента провинциального вуза. Роль вуза в этом смысле значительно возрастает. Если статус студента защищает его от резких потрясений, т. е. вуз справляется с новой компенсационной функцией, то возрастает и ценность социальных институтов, включая волонтерское движение. Если же студенческие инициативы натываются на формализм и непонимание, то вполне объяснима общая тенденция к преобладанию паттернов гедонистического (паразитарного) жизненного мира, когда кругозор сужается до местечкового понимания добра – блага для себя, для своих, исключительно для своей фамилии, для своего клана. Внешний мир воспринимается как угроза, преодоление которой оправдывается исключительно местечковой выгодой. Внешний мир и люди за рамками узкого круга воспринимаются как ресурс, объект набега и грабежа, экспансии и эксплуатации.

Такого рода трансформация жизненного мира студента-волонтера соответствует тенденции атомизации общества, противостоять которой призваны базовый и модернизационный сценарии реализации культурной политики¹. Соответственно, не учитывать потенциал студенческого волонтерского движения в преодолении негативной тенденции крайне недальновидно.

---

¹ Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420340006> (дата обращения 15.08.2022).

Культура студента-волонтера Кабардино-Балкарии рассмотрена в диссертации как совокупность ценностных приоритетов добровольной деятельности студентов, влияющих на формирование их личностных и гражданских качеств, соответствующих целевой установки государственной культурной политики Российской Федерации на создание условий общенационального единства и выработки общегражданской идентичности.

Внедрение предложенной экспериментальной модели социокультурного мониторинга потенциала волонтерского движения студентов раскрывает перспективы совершенствования методов управления студенческим волонтерским движением в интересах реализации задач государственной культурной политики. От степени вовлеченности студенческой молодежи в решение стратегических задач развития культуры региона и страны зависит уровень субъектности волонтерского студенческого сообщества, организуемого непосредственно активными студентами, учебными заведениями и социально-ориентированными некоммерческими организациями.

Значимость исследования для науки заключается в расширении представлений о роли студенческого волонтерского движения в механизмах воспроизводства и модернизации культуры как исторически развивающейся системы надбиологических программ жизнедеятельности общества. Апробированные авторские решения в рамках экспериментальной модели социокультурного мониторинга потенциала волонтерского движения студентов дополняют и развивают существующие социологические и психологические опросные методы, способствуют внедрению теории в педагогическую, управленческую и социокультурную практики.

Практическая значимость работы состоит в создании и экспериментальной апробации модели социокультурного мониторинга потенциала волонтерского движения студентов, раскрывающей перспективы совершенствования методов управления студенческим волонтерским

движением в интересах реализации задач государственной культурной политики.

Предложены практические рекомендации по внедрению модели социокультурного мониторинга потенциала волонтерского движения студентов:

1. Наибольший эффект предлагаемая модель обеспечивает в условиях регулярного ежегодного тестирования студентов с дальнейшей публикацией обезличенных результатов в визуальной форме. Процедура осмысления студентами результатов и отдельных количественных показателей своей волонтерской деятельности помимо сбора данных преследует воспитательные цели. Студенты учатся самостоятельно управлять своим жизненным миром, определяя роль волонтерской деятельности в своей жизни.

2. Ежегодный опрос следует проводить в ноябре-декабре – во второй половине первого семестра, чтобы сведения о занятости волонтерской деятельностью за предыдущий месяц относились к новому году обучения, к новому этапу (курсу) студенческой жизни.

3. Желательно привлекать к опросу всех желающих студентов, несмотря на их волонтерскую активность. Безусловно, принцип добровольного участия в опросе необходимо сопровождать разъяснительной работой, объясняя не только процедурные вопросы, но и его принципиальные цели и задачи: а) контроль факторов становления личности; б) поддержка профессионального саморазвития студента; в) наблюдение за показателями жизненного мира студента-волонтера; г) развитие демократических методов управления студенческим волонтерским движением с учетом задач государственной культурной политики и др.

4. Необходимо соблюдать, с одной стороны, принципы добровольности и приватности сбора данных, а с другой, – принцип публичности результатов ежегодных исследований. Синтез этих принципов позволяет осуществлять публичный электронный ресурс (сайт), который

может быть интегрирован с официальным сайтом образовательного учреждения. С одной стороны, пользуясь мобильным устройством или персональным компьютером, студент может добровольно и приватно работать с предлагаемой опросной моделью. С другой, — обезличенные формы визуализации результатов опроса будут стимулировать саморазвитие личности студента-волонтера в направлении просоциальных ценностных установок.

5. Крайне важно создавать вокруг ежегодно запланированного опросного мероприятия прецедент резонанса, который может опираться на интерес самих студентов к отслеживанию происходящих количественных изменений в их волонтерской деятельности. В этом смысле модель социокультурного мониторинга потенциала волонтерского движения студентов должна быть доступным информационным ресурсом, усиливая и поддерживая другие формы воспитательной работы учебных заведений.

Полученные результаты позволяют, в том числе, планировать дальнейшую исследовательскую и практическую работу в сфере управления студенческим волонтерским движением в контексте задач государственной культурной политики.

Прежде всего, вполне очевидна необходимость расширения вовлеченности студентов в волонтерскую работу, ведь четверть опрошенных нами студентов указали, что не заняты в добровольном труде только потому, что их никто не пригласил к этой работе.

Отдельную перспективную задачу составляет необходимость разработки отечественного аналога цифрового программного обеспечения модели социокультурного мониторинга потенциала волонтерского движения студентов, поскольку импортозамещение в этой отрасли соответствует стратегическим целям социально-экономического и научно-технического развития России и ее регионов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные документы:

- 1 Конституция Российской Федерации. – Текст : электронный. – URL : <http://www.constitution.ru> (дата обращения: 21.02.2023).
- 2 Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666 (ред. от 06.12.2018) «Об утверждении Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». – Текст : электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL : <https://docs.cntd.ru/document/902387360#7D60K4> (дата обращения 15.05.2022).
- 3 Указ Президента Российской Федерации 24.12.2014 № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» (с изменениями на 25 января 2023 г.). – Текст : электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL : <https://docs.cntd.ru/document/420242192> (дата обращения: 19.01.2023).
- 4 Указ Президента Российской Федерации 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». – Текст : электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/607148290> (дата обращения : 19.02.2023).
- 5 Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей». – Текст : электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL : <https://docs.cntd.ru/document/352246667> (дата обращения: 19.03.2023).
- 6 Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». – Текст : электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL : <https://docs.cntd.ru/document/420204138> (дата обращения: 19.03.2023).

7 Федеральный закон от 11.08.1995 № 135-ФЗ (ред. от 21.11.2022) «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)». – Текст : электронный // КонсультантПлюс. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7495/891985ee83f1494ecbb7542502a3f5d0d07d325e/ (дата обращения 20.03.2023).

8 Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 317 (ред. от 26.12.2022) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие культуры». – Текст : электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/499091763#6560IO> (дата обращения 15.05.2023).

9 Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 313 (ред. от 29.04.2023) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество». – Текст : электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL : <https://docs.cntd.ru/document/499091768#6560IO> (дата обращения 15.05.2023).

10 Постановление Правительства Российской Федерации от 30.12.2015 № 1493 (ред. от 30.03.2020) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы». – Текст : электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL : <https://docs.cntd.ru/document/420327349#6560IO> (дата обращения 15.05.2023).

11 Постановление Правительства Российской Федерации от 26.12.2017 № 1642 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования». – Текст : электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL : <https://docs.cntd.ru/document/556183093?marker=6520IM> (дата обращения 15.05.2023).

12 Постановление Правительства Российской Федерации от 29.03.2019 № 377 (ред. от 09.12.2022) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации». – Текст : электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL : <https://docs.cntd.ru/document/554102822?marker=6580IP> (дата обращения 15.05.2023).

13 Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.02.2016 № 326-р (ред. от 30.03.2018) «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года». – Текст : электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL : <https://docs.cntd.ru/document/420340006> (дата обращения 15.07.2023).

14 Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 28.09.2018) «Об утверждении Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года». – Текст : электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL : <https://docs.cntd.ru/document/902130343#6560IO> (дата обращения 15.07.2023).

15 Распоряжение Правительство Российской Федерации от 08.12.2011 № 2227-р (ред. от 18.10.2018) «Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года». – Текст : электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL : <https://docs.cntd.ru/document/902317973#6580IP> (дата обращения 15.07.2023).

16 Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года». – Текст : электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL : <https://docs.cntd.ru/document/420217344#6540IN> (дата обращения 15.05.2022).

17 Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.11.2014 № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года». – Текст : электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL : <https://docs.cntd.ru/document/420237592#65A0IQ> (дата обращения 15.05.2022).

18 Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.05.2015 № 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года». – Текст : электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL : <https://docs.cntd.ru/document/420277810#6540IN> (дата обращения 15.07.2023).

19 Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31.03.2022 № 678-р (ред. от 15.05.2023) «О Концепции развития дополнительного образования детей до 2030 года». – Текст : электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL : <https://docs.cntd.ru/document/350163313?marker=6580IP> (дата обращения 15.05.2022).

20 Постановление Правительства Кабардино-Балкарской Республики от 17.09.2013 № 256-ПП (ре. 28.12.2020) «О государственной программе Кабардино-Балкарской Республики «Культура Кабардино-Балкарии». – Текст: электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL : <https://docs.cntd.ru/document/460180221> (дата обращения 15.05.2022).

21 Постановление Правительства Кабардино-Балкарской Республики от 30.03.2016 № 46-ПП (ред. от 21.12.2020) «О государственной программе Кабардино-Балкарской Республики «Взаимодействие с общественными организациями и институтами гражданского общества в Кабардино-Балкарской Республике». – Текст : электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL : <https://docs.cntd.ru/document/438843709> (дата обращения 15.05.2022).

22 Постановление Правительства Кабардино-Балкарской Республики от 22.04.2020 № 86-ПП «О государственной программе Кабардино-Балкарской Республики «Развитие образования в Кабардино-Балкарской Республике». – Текст : электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL : <https://docs.cntd.ru/document/570774042> (дата обращения 15.05.2022).

23 Распоряжение Правительства Кабардино-Балкарской Республики от 17.09.2021 № 384-рп (ред. от 27.03.2023) «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Кабардино-Балкарской Республики до 2040 года». – Текст: электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL : <https://docs.cntd.ru/document/574893299> (дата обращения 15.05.2023).

Научная литература:

24 Абакумов, С. Н. Особенности и практика по привлечению волонтеров в сфере культуры к работам по сохранению и популяризации объектов культурного наследия / С. Н. Абакумов // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : программа и тез. докл. участ. VIII междунар. науч. форума (Краснодар, 22–25 сентября 2022 г.). – Москва : Институт Наследия, 2022. – С. 36. – DOI : 10.34685/НИ.2022.78.26.001.

25 Абульханова-Славская, К. А. Время личности и ее жизненного пути / К. А. Абульханова-Славская // Институт психологии РАН. Человек и мир. – 2017. – Т. 1. – № 1. – С. 165–200.

26 Абульханова-Славская, К. А. Психологическая наука в России XX столетия : проблемы теории и истории / К. А. Абульханова-Славская, Л. И. Анцыферова, А. В. Брушлинский. – Москва : Ин-т психологии РАН, 1997. – 574 с.

27 Айгубов, Л. С. Волонтерская деятельность как средство формирования социально-экологической культуры студента / Л. С. Айгубов,

К. И. Хаджиалиев // Юг России : экология, развитие. – 2016. – № 4. – С. 175–182.

28 Алексеева, Г. Г. Перспективы профессионализации волонтерства в цифровой реальности // Динамика социальной среды как фактор развития потребности в новых профессионалах в сфере социальной работы и организации работы с молодежью : матер. междунар. науч.-практ. конфер. (Нижний Новгород, 28–29 марта 2019 г.). – Нижний Новгород : Научно-исследовательский социологический центр, 2019. – С. 110–115.

29 Алексеева, Г. Г. Семейное волонтерство как фактор формирования культуры добровольчества (на примере Республики Саха (Якутия) / Г. Г. Алексеева // Теория и практика общественного развития. – 2022. – № 3. – С. 21–25.

30 Алферова, Г. В. Памятник русского зодчества в Кадашах : история его реставрации : книга для чтения / Г. В. Алферова. – Москва : Просвещение, 1974. – 208 с.

31 Алферова, Г. В. Сохраним памятники архитектуры / Г. В. Алферова. – Москва : Знание, 1971. – 47 с.

32 Андреева, Г. М. Социальное познание и социальные проблемы / Г. М. Андреева // Национальный психологический журнал. – 2013. – № 1. – С. 39–49.

33 Асмолов, А. Г. Гонки за будущим : «... и вот наступило потом» / А. Г. Асмолов // Поволжский педагогический поиск. – 2017. – № 2. – С. 60–66.

34 Асмолов, А. Г. Культурно-историческая психология – «наука о свободе» / А. Г. Асмолов, В. Т. Кудрявцев // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия : Психология. Педагогика. Образование. – 2017. – № 1. – С. 18–37.

35 Астафьева, О. Н. Дискурсивные концептуализации культурной политики / О. Н. Астафьева // Государственное управление и развитие России : проектирование будущего : сб. ст. междунар. конференц-сессии (Москва, 17–21 мая 2021 г.). – Москва : Научная библиотека, 2022. – С. 10–20.

36 Астафьева, О. Н. Концептуализация и согласование конкурирующих дискурсов : теория культурной политики / О. Н. Астафьева // Обсерватория культуры. – 2021. – Т. 18. – № 6. – С. 574–585. – DOI : 10.25281/2072-3156-2021-18-6-574-585.

37 Астафьева, О. Н. Культурная политика: взаимосвязь теоретических моделей и дискурсивных концептуализаций / О. Н. Астафьева // Исторические трансформации культуры : концепты, смыслы, практики : матер. междунар. науч. конфер. XVI Колосницынские чтения (Екатеринбург, 26–27 апреля 2019 г.). – Екатеринбург : Б. и., 2021. – С. 8–18.

38 Астафьева, О. Н. Социокультурная политика в российской федерации : стратегии, уровни, инновации / О. Н. Астафьева, В. А. Горенкин, А. В. Швецова. – Симферополь : Ариал, 2019. – 154 с.

39 Астафьева, О. Н. Философские и прикладные аспекты культурной политики на поселенческом уровне / О. Н. Астафьева, С. Б. Синецкий // Вестник культуры и искусства. – 2017. – № 4. – С. 70–80.

40 Астахов, О. Ю. Культурная политика в процессах регуляции социальных отношений / О. Ю. Астахов // Евразийское образовательное пространство : актуальные проблемы современного социально-гуманитарного знания : сб. ст. IV всерос. науч. конфер. (Кемерово, 21 мая 2021 г.). – Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2021. – С. 53–54.

41 Атабиева, З. А. Ценностные ориентации современной молодежи как предметное поле социальной работы / З. А. Атабиева, А. Ф. Кушхова // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1–1. – С. 1472.

42 Байбакова, А. И. Внеурочная воспитательная деятельность как направление работы добровольческого центра / А. И. Байбакова // Вестник магистратуры. – 2016. – № 4–3. – С. 23–26.

43 Бакуменко, Г. В. Виртуализация социокультурного фронта «TertiusRomaе» / Г. В. Бакуменко, А. Г. Лугинина // Журнал фронтальных исследований. – 2022. – № 1. – С. 265–293.

44 Бакуменко, Г. В. О практической значимости теоретического конструкта «социокультурный фронтир» / Г. В. Бакуменко, О. В. Устрижицкий, В. П. Грицкевич // Культурная жизнь Юга России. – 2020. – № 2. – С. 127–131.

45 Бакуменко, Г. В. Процесс символизации успеха как принцип пространственно-средовой ориентации элементов социокультурных систем / Г. В. Бакуменко // Политика и Общество. – 2015. – № 7. – С. 294–297.

46 Бакуменко, Г. В. Символизация успеха в экономике свободного времени / Г. В. Бакуменко // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : сб. науч. ст. по итогам VI междунар. науч. форума. – Москва : Институт Наследия, 2021. – С. 358–375. – DOI : 10.34685/НИ.2021.95.54.020.

47 Бакуменко, Г. В. Ценностная динамика символов успеха : на материале статистики кинопроката / Г. В. Бакуменко; предисл. В. Б. Храмов. – Москва : Сам Полиграфист, 2021. – 276 с.

48 Бакштановский, В. И. Этика политического успеха / В. И. Бакштановский, Ю. В. Согомонов, В. А. Чурилов. – Тюмень; Москва : Центр прикладной этики, 1997. – 747 с.

49 Барашкова, К. Д. Волонтерство как инструмент социальной коммуникации для активного долголетия / К. Д. Барашкова, Г. Г. Алексеева // Коммуникативные практики современной молодежи: перспективы и вызовы : матер. междунар. науч.-практ. конфер. (Нижний Новгород, 15–16 сентября 2022 г.). – Нижний Новгород : НИ Нижегородский гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, 2022. – С. 524–527.

50 Барсуков, М. И. Красный Крест и Красный Полумесяц СССР : Краткий исторический очерк / М. И. Барсуков. – Москва : Медгиз, 1955. – 156 с.

51 Бахтин, М. М. К философии поступка / М. М. Бахтин // Философия и социология науки и техники : Ежегодник, 1984–1985. – Москва : Наука, 1986. – С. 80–138.

52 Белозерцева, Н. В., Сущность и содержание понятия «культура проектной деятельности» педагога в современном вузе / Н. В. Белозерцева, П. И. Алыпкачева // Вестник Московского государственного гуманитарно-экономического института. – 2014. – № 2. – С. 52–58.

53 Беспалов, Д. Е. Практика уточнения категории «социализация» в моделях педагогической методологии / Д. Е. Беспалов // Наука и современность : матер. междунар. науч.-практ. конф. (Сызрань, апрель 2016 г). – Уфа : Омега Сайнс, 2016. – С. 91–93.

54 Бим-Бад, Б. М. Воспитание перед «вызовами» и «искушениями» современного мира / Б. М. Бим-Бад // Поволжский педагогический поиск. – 2017. – № 2. – С. 50–59.

55 Блумер, Г. Социальные проблемы как коллективное поведение / Г. Блумер; пер. И. Ясавеев // Контексты современности-II : Актуальные проблемы общества и культуры в западной социальной теории : Хрестоматия / сост. и общ. ред. С. А. Ерофеева. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2001. – С. 150–159.

56 Бобнева, М. И. Психологические механизмы регулирования социального поведения / М. И. Бобнева, Е. В. Шорохова. – Москва : Наука, 1979. – 336 с.

57 Бобрышева, И. В. Профессионализм современного учителя с позиций разных моделей педагогической деятельности / И. В. Бобрышева // Инновации в образовании. – 2009. – № 2. – С. 11–17.

58 Богомолова, Н. Н. Социальная психология массовой коммуникации: учебное пособие / Н. Н. Богомолова. – Санкт-Петербург : Аспект-Пресс, 2010. – 191 с.

59 Бородин, С. В. Участие общественности в охране общественного порядка / С. В. Бородин, И. И. Веремеенко. – Москва : Б. и., 1980. – 28 с.

60 Бочарникова, Н. А. Организация профессионально-культурной, волонтерской деятельности студентов – будущих специалистов по социальной

работе / Н. А. Бочарникова, Ю. И. Ардашова // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2012. – № 2. – С. 42–46.

61 Братусь, Б. С. Христианская психология как научное направление: к истории вопроса / Б. С. Братусь // Национальный психологический журнал. – 2015. – № 3. – С. 4–14.

62 Бурдые, П. Практический смысл / П. Бурдые; пер. с фр.: А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко; ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2001. – 562 с.

63 Бурдые, П. Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдые; пер. с фр., сост., ред., послесл. Н. А. Шматко. – Санкт-Петербург: Алетейя; Москва : Ин-т эксперим. социологии, 2005. – 576 с.

64 Буровкина, Л. А. К вопросу о приобщении обучающихся к художественной культуре в учреждениях дополнительного образования / Л. А. Буровкина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Педагогика. – 2016. – № 3. – С. 8–15.

65 Василюк, Ф. Е. Жизненный мир и кризис: типологический анализ критических ситуаций / Ф. Е. Василюк // Журнал практической психологии и психоанализа. – 1995. – Т. 16. – № 3. – С. 90–101.

66 Василюк, Ф. Е. Психология переживания / Ф. Е. Василюк. – Москва : Изд-во Московского ун-та, 1984. – 200 с.

67 Веблен, Т. Б. Теория праздного класса / Т. Б. Веблен; пер. с англ., вступ. ст. и примеч. С. Г. Сорокиной; общ. ред. В. В. Мотылева. – Москва : Либроком, 2011. – 368 с.

68 Витолин, П. Десять лет рабочего шефства / П. Витолин. – Москва : Мособлшефбюро МОСПС, 1933. – 120 с.

69 Волков, В. А. Консервативный реализм как идеология современной государственной культурной политики России / В. А. Волков, Л. Е. Востряков // Культура и образование. – 2022. – № 3. – С. 14–20. – DOI : 10.24412/2310-1679-2022-346-14-20.

70 Володин, А. А. Анализ содержания понятия «организационно-педагогические условия» / А. А. Володин, Н. Г. Бондаренко // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2014. – № 2. – С. 143–152.

71 Востряков, Л. Е. Государственная культурная политика : понятия и модели / Л. Е. Востряков. – Санкт-Петербург : Изд-во СЗИ РАНХиГС, 2011. – 168 с.

72 Востряков, Л. Е. Об особенностях новой модели государственной культурной политики России / Л. Е. Востряков // Современная наука : актуальные проблемы теории и практики. Серия : Познание. – 2018. – № 9. – С. 4–9.

73 Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии. – Текст: электронный // Организация объединенных наций. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml (дата обращения 21.04.2021).

74 Выготский, Л. С. Педагогическая психология / Л. С. Выготский; ред. В. В. Давыдов. – Москва: Педагогика, 1991. – 480 с.

75 Выготский, Л. С. Собрание сочинений: в 6 тт. / Л. С. Выготский; ред. А. В. Запорожец. – Москва: Педагогика, 1982–1984.

76 Гадамер, Г.-Г. Актуальность прекрасного / Г.-Г. Гадамер; сост. М. П. Стафеецкая, науч. ред. В. С. Малахов. – Москва : Искусство, 1991. – 325 с.

77 Гадамер, Х-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Х - Г. Гадамер; пер. с нем., ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонов. – Москва : Прогресс, 1988. – 704 с.

78 Галимуллина, Н. М. Общекультурные компетенции в образовательном процессе высшей школы / Н. М. Галимуллина, О. Н. Коршунова // Современные исследования социальных проблем. – 2015. – № 11. – С. 646–667.

79 Генеп, А., ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / А. ван Генеп; пер. с фр. и послеслов. Ю. В. Ивановой; пер. Л. В. Покровской. – Москва : Восточная литература РАН, 1999. – 198 с.

80 Глазков, К. П. Игровая концепция повседневности И. Гофмана: между символическим интеракционизмом и этнометодологией / К. П. Глазков // Социологическое обозрение. – 2016. – Т. 15. – № 2. – С. 167–191.

81 Глуховский, С. Д. Массовая оборонная работа профсоюзов / С. Д. Глуховский. – Москва : Профиздат, 1941. – 56 с.

82 Горлова, И. И. Духовное неравенство и прикладные задачи культурной политики / И. И. Горлова, Т. В. Коваленко // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2013. – № 24. – С. 105–111.

83 Горлова, И. И. Историко-культурное наследие Республики Адыгея как ресурс этнокультурного брендинга территории (концептуальные основы формирования зонтичного бренда) / И. И. Горлова, Т. В. Коваленко, В. Е. Науменко // Вестник Адыгейского государственного университета. — Серия 1 : Регионоведение : философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2020. – № 3. – С. 234–244.

84 Горлова, И. И. История как культурный текст. К вопросу интерпретации символов успеха в культуре / И. И. Горлова, Г. В. Бакуменко, Т. В. Коваленко // Право и практика. – 2017. – № 1. – С. 183–188.

85 Горлова, И. И. Культурная жизнь российской провинции: состояние, тенденции, противоречия (на примере Краснодарского края) / И. И. Горлова, Т. В. Коваленко, О. И. Бычкова // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2018. – № 30. – С. 28–36. – DOI : 10.17223/22220836/30/3.

86 Горлова, И. И. Методологические основы мониторинга региональной культурной политики / И. И. Горлова, О. И. Бычкова, Н. А. Костина // Культурное наследие России. – 2021. – № 3. – С. 4–13. – DOI : 10.34685/НИ.2021.34.3.001.

87 Горлова, И. И. Региональная культурная политика: теория, методология и практика аксиологического анализа / И. И. Горлова // Культурное наследие – от прошлого к будущему: программа и тез. докл. участ. V российск. культурологический конгресса с междунар. участ. (Санкт-Петербург, 08–10 ноября 2021 г.). – Москва : Институт Наследия, 2021. – С. 30. – DOI: 10.34685/НИ.2020.25.32.004.

88 Горлова, Н. И. Волонтерство в России и за рубежом: исторический опыт и современное состояние сохранения культурного наследия / Н. И. Горлова. – Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2020. – 158 с.

89 Горлова, Н. И. Добровольчество в истории России: опыт социальной практики помощи/ Н. И. Горлова. – Москва : Перспектива, 2020. – 196 с.

90 Горлова, Н. И. Исторические аспекты развития культурного волонтерства в России / Н. И. Горлова // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2016. – № 3. – С. 101–108.

91 Горлова, Н. И. Страницы истории волонтерства в сфере сохранения материального культурного наследия в советской России: по материалам Государственного архива Российской Федерации / Н. И. Горлова // Вестник архивиста. – 2021. – № 1. – С. 193–204.

92 Гофман, Э. Ритуал взаимодействия: очерки поведения лицом к лицу / Э. Гофман; пер. с англ. С. С. Степанов, Л. В. Трубицына; ред. Н. Н. Богомолова, Д. А. Леонтьев. – Москва: Смысл, 2009. – 319 с.

93 Гуссерль, Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / Э. Гуссерль; пер. с нем. яз. Д. В. Складнева. – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2004. – 400 с.

94 Дивисенко, К. С. Социальные исследования жизненного мира / К. С. Дивисенко // Социологический журнал. – 2014. – № 1. – С. 6–20.

95 Дрейко, Н. Ю. Повышение волонтерской активности студентов на основе ресурсного центра в условиях вуза / Н. Ю. Дрейко, Л. В. Мельникова,

Е. Г. Селиванова // Теория и практика физической культуры. – 2020. – № 3. – С. 41–42.

96 Дудина, М. Н. Проблема воспитания асертивности личности с детских лет / М. Н. Дудина // Категория «социального» в современной педагогике и психологии : матер. V всерос. науч.-практ. конф. (Ульяновск, 2–3 марта 2017 г.). – Ульяновск : Зебра, 2017. – С. 264–270.

97 Дудина, М. Н. Проблема исследования асертивности молодежи в педагогической социологии / М. Н. Дудина // Культура, личность, общество в современном мире : методология, опыт эмпирического исследования : матер. XX междунар. конф. памяти проф. Л. Н. Когана (Екатеринбург, 16–18 марта 2017 г.). – Екатеринбург : Уральский федеральный ун-т, 2017. – С. 723–734.

98 Ермилова, А. В. Специфика волонтерской деятельности в современной России : региональные практики / А. В. Ермилова., И. А. Исакова // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2017. – № 4. – С. 48–57.

99 Жарков, А. Д. Воспитание мировоззрения личности – актуальная задача социально-культурной деятельности / А. Д. Жарков // Вестник Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия : Педагогические и психологические науки. – 2015. – № 23. – С. 52–59.

100 Жарков, А. Д. Государственная культурная политика на современном этапе : социально-культурный аспект / А. Д. Жарков // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2016. – № 4. – С. 116–123.

101 Жарков, А. Д. Теория и технология культурно-досуговой деятельности / А. Д. Жарков. – Москва : Изд. дом МГУКИ, 2007. – 480 с.

102 Жарков, А. Д. Учение Д. И. Фельдштейна – основа для развития теории социально-культурной деятельности / А. Д. Жарков // Гуманитарное пространство. – 2018. – Т. 7. – № 1. – С. 103–117.

103 Жаркова, А. А. Парадигмальный подход эффективный метод развития личности в условиях социально-культурной деятельности / А. А. Жаркова // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2013. – № 1. – С. 109–114.

104 Жаркова, А. А. Парадигмальный подход к развитию личности — основа современной теории социально-культурной деятельности / А. А. Жаркова // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2011. – № 1. – С. 114–120.

105 Жаркова, А. А. Парадигмальный подход к социально-культурной деятельности молодежи в современной ситуации / А. А. Жаркова // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2015. – № 3. – С. 106–112.

106 Жаркова, А. А. Парадигмальный подход как методология педагогического регулирования воспитания личности в условиях российской школы / А. А. Жаркова // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2019. – № 3. – С. 127–130.

107 Житенёв, С. Ю. Концепты культурного наследия в системе наук о культуре / С. Ю. Житенёв // Культурное наследие – от прошлого к будущему : программа и тез. докл. участ. V российск. культурологический конгресса с междунар. участ. (Санкт-Петербург, 08–10 ноября 2021 г.). – Москва : Институт Наследия, 2021. – С. 31. – DOI : 10.34685/NI.2020.25.32.004.

108 Загвязинский, В. И. Академическая мобильность в педагогическом образовании / В. И. Загвязинский, Л. М. Волосникова, Е. А. Кукуев, И. В. Патрушева // Образование и наука. – 2020. – № 6. – С. 31–48.

109 Запесоцкий, А. С. Культуроценстристская модель образования: опыт системного подхода / А. С. Запесоцкий // Культуроцентристская модель высшего образования. – Санкт-Петербург : СПбГУП, 2010. – С. 89–134.

110 Зборовский, Г. Е. Волонтерство в пространстве регионального управления (кейс Свердловской области) / Г. Е. Зборовский, М. В. Певная, А. А. Ведерников // Вестник Пермского национального исследовательского

политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2018. – № 4. – С. 10–25.

111 Зборовский, Г. Е. Образовательные и внеобразовательные ресурсы развития студенчества в мегаполисе / Г. Е. Зборовский, А. А. Кузьминчук // Педагогический журнал Башкортостана. – 2017. – № 2. – С. 27–35.

112 Земцов, Д. И. Неформальные студенческие объединения в условиях пандемии COVID-19 / Д. И. Земцов, И. О. Яськов // Вопросы образования. – 2021. – № 4. – С. 97–116.

113 Зубанова, Л. Б. Результативность культурной политики: стратегические ориентиры и социологические показатели / Л. Б. Зубанова, С. Б. Синецкий // Человек в мире культуры: проблемы науки и образования : матер. междунар. науч. конф. XIV Колосницынские чтения (Екатеринбург, 26–27 апреля 2019 г.). – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2019. – С. 36–39.

114 Ивлиев, С. В. Взаимодействие органов местного самоуправления и органов власти субъектов Российской Федерации в реализации государственной культурной политики / С. В. Ивлиев, О. Ю. Астахов, А. С. Двуреченская // Сибирский антропологический журнал. – 2022. – Т. 6. – № 1. – С. 221–229. – DOI: 10.31804/2542-1816-2022-6-1-221-229.

115 Кисиленко, А. В. Волонтерство: потенциал самоорганизации российской молодежи / А. В. Кисиленко // Научный результат. Социология и управление. – 2018. – №1. – С. 63–71.

116 Коваленко, Т. В. Эмпирические исследования эволюции художественной жизни и возможности измерений: культурологический анализ некоторых концепций / Т. В. Коваленко // Международный журнал исследований культуры. – 2015. – № 2. – С. 83–95.

117 Коган, Л. Е., Нуруллин, Р. М. Гильгамеш И. М. Дьяконова: попытка реставрации // Вестник древней истории. – 2012. – № 3. – С. 191–232.

118 Коган, Л. Н. Личность. Культура. Общество. Избранные труды 1961–1997 гг.: в 2-х тт. Т. 1 : Работы 1961–1987 гг. / под общей ред. Ю. Р. Вишневого. – Екатеринбург : Маска, 2009. – 324 с.

119 Коган, Л. Н. Личность. Культура. Общество. Избранные труды 1961–1997 гг.: в 2-х тт. Т. 2 : Работы 1988–1997 гг. / под общей ред. Ю. Р. Вишневого. – Екатеринбург : Маска, 2009. – 382 с.

120 Коган, Л. Н. Социология культуры: учебное пособие / Л. Н. Коган. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 1992. – 120 с.

121 Кондратьев, М. Ю. Особенности интрагруппового структурирования и межличностного восприятия в реальных контактных и виртуальных группах волонтеров / М. Ю. Кондратьев, О. А. Любимова // Социальная психология и общество. – 2011. – № 4. – С. 71–86.

122 Костина, Н. А. Проблемное поле и приоритеты региональной культурной политики: концептуальный подход / Н. А. Костина, Е. Г. Саркисова, Т. А. Пархоменко // Наследие веков. – 2022. – № 4. – С. 51–59. – DOI: 10.36343/SB.2022.32.4.004.

123 Кугай, А. И. Основания государственной политики в сфере развития молодежного добровольческого движения / А. И. Кугай, А. С. Баранова // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХГИС. – 2019. – Т. 10. – № 2. – С. 124–137.

124 Кудринская, Л. А. Добровольческий труд: сущность, функции, специфика / Л. А. Кудринская // Социологические исследования. – 2006. – № 5. – С. 15–22.

125 Кузнецова, А. А. Динамика психологических характеристик личности студента в процессе профессионально-ориентированной волонтерской деятельности / А. А. Кузнецова, Н. А. Соловьева // Образование и наука. – 2018. – № 7. – С. 128–146.

126 Кузьминчук, А. А. Направления молодежного добровольчества: специфика и перспективы развития / А. А. Кузьминчук, М. В. Певная,

Е. Р. Тимиршина // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2018. – № 2. – С. 68–77.

127 Культурология. XX век. Энциклопедия / ред. С. Я. Левит. – Т. 1. – Санкт-Петербург : Университетская книга; Алетейя, 1998. – 447 с.

128 Культурология. XX век. Энциклопедия / ред. С. Я. Левит. – Т. 2. – Санкт-Петербург : Университетская книга; Алетейя, 1998. – 446 с.

129 Культуроцентристская модель высшего образования / науч. ред. А. С. Запесоцкий. – Санкт-Петербург : СПбГУП, 2010. – 292 с.

130 Купцова, И. А. Формирование культуры волонтерства в процессе профессиональной подготовки студентов / И. А. Купцова // Педагогика и психология образования. – 2018. – № 3. – С. 86–94.

131 Кушхова, А. Ф. Исследование социальной сферы в социогуманитарном знании / А. Ф. Кушхова, А. О. Виндижева // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2022. – № 2. – С. 33–37. – DOI : 10.18522/1997-2377-2022-123-2-33-37.

132 Кушхова, А. Ф. Развитие инклюзивного волонтерства как способа формирования инклюзивной культуры / А. Ф. Кушхова, Н. А. Чемаев, А. О. Виндижева, Р. М. Желиготова // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2023. – Т. 12. – № 2–1. – С. 116–123. – DOI : 10.34670/AR.2023.49.49.014.

133 Кушхова, А. Ф. Социально-философский анализ духовной жизни общества / А. Ф. Кушхова З. А. Атабиева, А. О. Виндижева // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6. – С. 1762.

134 Лагутин, А. О. Волонтерская деятельность и воспитательный процесс в медицинском вузе / А. О. Лагутин // Инновации в образовании : тез. докл. XI межрегион. учеб.-метод. конфер. с междунар. участ. (Краснодар, 24 марта 2021 г.). – Краснодар : КубГМУ, 2021. – С. 161–166.

135 Лагутин, А. О. Волонтерская деятельность как ступень социализации личности // А. О. Лагутин, А. С. Печелиев, Н. А. Печелиева // Волонтер. – 2013. – № 3–4. – С. 40–45.

136 Лагутин, А. О. Интерактивизация образовательного процесса как средство, повышающее уровень остаточных знаний учащихся (на примере работы регионального отделения всероссийского общественного движения «Волонтеры-медики» в Краснодарском крае на базе волонтерского центра ФГБОУ ВО «Кубанский государственный медицинский университет» / А. О. Лагутин, А. А. Прустова, А. А. Маклошова // Теория и практика олимпийского образования: традиции и инновации в спорте, туризме и социальной сфере : матер. V междунар. науч.-практ. конфер (Краснодар, 25–26 сентября 2019 г.). – Краснодар : Кубанский гос. ун-т физ. культуры и туризма, 2019. – С. 27–35.

137 Лагутин, А. О. Исследование социального функционирования студентов на основе SF-анкетирования / М. И. Богрова, А. О. Лагутин, А. А. Сухинин // Курорты. Сервис. Туризм. – 2018. – № 1. – С. 22–25.

138 Лагутин, А. О. Основные направления деятельности волонтерского центра в структуре учебно-воспитательного процесса в КубГМУ / А. О. Лагутин, В. Л. Онищенко // Инновации в образовании : тез. докл. XII межрегион. учеб.-метод. конфер. с междунар. участ. (Краснодар, 23 марта 2022 г.). – Краснодар : КубГМУ, 2022. – С. 269–273.

139 Лагутин, А. О. Самостоятельная работа студентов высшей школы как фактор их личностного и профессионального развития / В. Л. Онищенко, А. О. Лагутин и др. // Актуальные вопросы науки и образования : матер. XXI науч.-практ. конфер. (Краснодар, 17–18 апреля 2018 г.). – Краснодар : РДК-пресс, 2018. – С. 210–212.

140 Лагутин, А. О. Социальное функционирование студентов как составляющая качества жизни / М. И. Богрова, А. О. Лагутин, А. А. Сухинин // Проблемы современного педагогического образования. – 2018. – № 58–2. – С. 44–47.

141 Левин, К. Динамическая психология: Избранные труды / К. Левин; общ. ред., сост., пер. с нем. и англ. и науч. ред. Д. А. Леонтьев, Е. Ю. Патяева. – Москва : Смысл, 2001. – 568 с.

142 Левин, К. Теория поля в социальных науках / К. Левин; пер. с англ. Е. Сурпина. – Санкт-Петербург : Сенсор, 2000. – 368 с.

143 Леонтьев, Д. А. Методика предельных смыслов (МПС): Методическое руководство / Д. А. Леонтьев. – Москва : Смысл, 1999. – 36 с.

144 Ливцов, В. А. Влияние движения добровольных помощников-реставраторов на сохранение историко-культурного наследия в России / В. А. Ливцов, А. Г. Демидов // Вестник государственного и муниципального управления. – 2023. – № 1. – С. 55–56. – DOI : 10.22394/2225-8272-2023-12-1-55-63.

145 Лотман, Ю. М. Асимметрия и диалог / Ю. М. Лотман // Текст и культура. Труды по знаковым системам. – Тарту : Тартуский гос. ун-т, 1983. – Выпуск 18. – С. 15–30.

146 Маджуга, А. Г. Факторальная педагогика : онтологические смыслы и методологические возможности / А. Г. Маджуга, И. А. Сеницина // Философия образования. – 2016. – № 2. – С. 173–189.

147 Маклюэн, М. Галактика Гутенберга / М. Маклюэн; пер. с англ. А. Юдин. – Киев : Ника-Центр, 2003. – 432 с.

148 Маклюэн, М. Понимание медиа / М. Маклюэн; пер. с англ. В. Г. Николаев, закл. ст. М. К. Вавилов. – Москва; Жуковский : Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2003. – 464 с.

149 Местникова, А. Е. Волонтерство как форма социальной активности населения в сельской местности (на примере муниципального района Таттинский улус Республики Саха (Якутия) // А. Е. Местникова, Г. Г. Алексеева // Общество: социология, психология, педагогика. – 2021. – № 10. – С. 46–51. – DOI : 10.24158/spp.2021.10.7.

150 Методические рекомендации по развитию сети волонтерских центров инклюзивного добровольчества / ред.-сост. Л. И. Быстрова, Л. В. Галиханова, Е. В. Крутицкая. – Москва : Изд-во РГСУ, 2018. – 102 с.

151 Методические рекомендации по формированию добровольческих (волонтерских) центров на базе образовательных организаций среднего

профессионального и высшего образования / А. П. Метелев, Е. С. Белецкая, А. О. Лагутин [и др.]. – Москва : Перо, 2019. – 355 с.

152 Мид, Дж. Г. Избранное: сб. переводов / Дж. Г. Мид; сост. и пер. В. Г. Николаев; ред. Д. В. Ефременко. – Москва : ИНИОН РАН, 2009. – 290 с.

153 Михайлова, О. В. Образование «человека успешного»: социокультурный анализ : автореф. дис. филос. наук / Михайлова Ольга Владимировна. – Томск, 2009. – 25 с.

154 Моль, А. Социодинамика культуры / А. Моль; пер. с фр. предисл. Б. В. Бирюков, Р. Х. Зарипов, С. Н. Плотников. – [Изд. 3-е]. – Москва : ЛКИ, 2008. – 416 с.

155 Музычук, В. Ю. Культурная политика России: в поисках нового содержания / В. Ю. Музычук // Культура в фокусе научных исследований : по матер. конфер. памяти Б. С. Сорочкина (Москва, 11–12 ноября 2014 г.). – Москва : Государственный институт искусствознания, 2014. – С. 279–294.

156 Музычук, В. Ю. Общественные организации в сфере культуры России: потенциал самоорганизации / В. Ю. Музычук // Вестник Института экономики РАН. – 2021. – № 5. – С. 7–30. – DOI : 10.52180/2073-6487_2021_5_7_30.

157 Музычук, В. Ю. Совершенствование институциональной среды культурной деятельности в современной России / В. Ю. Музычук // Культурологические записки. Выпуск 16 : Культурная политика–2014. Проблемы и перспективы: сб. ст. – Москва : Государственный институт искусствознания, 2014. – С. 19–39.

158 Мусийчук, М. В., Гусева, Л. Г. Метакогнитивное познание и развитие интеллектуальной активности в современных педагогических моделях / М. В. Мусийчук, Л. Г. Гусева // Международный журнал экспериментального образования. – 2016. – № 4–1. – С. 95–98.

159 Нежина, Т. Г. Мотивация участия молодежи в волонтерском движении / Т. Г. Нежина, К. А. Петухова, Н. И. Чечеткина, И. С. Миндарова //

Вопросы государственного и муниципального управления. – 2014. – № 3. – С. 49–71.

160 Ненахова, Е. Н. Теоретико-методологические подходы к формированию социокультурного пространства образовательного учреждения / Е. Н. Ненахова // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена: Педагогика. – 2010. – № 128. – С. 172–181.

161 Новиков, А. М. Методология научного исследования / А. М. Новиков, Д. А. Новиков. – Москва : Либроком, 2010. – 284 с.

162 Организация добровольческой (волонтерской) деятельности и взаимодействие с социально ориентированными НКО: учебник / А. П. Метелев, Ю. С. Белановский, Н. И. Горлова и др.; отв. ред. И. В. Мерсиянова. – Москва : НИУ ВШЭ, 2022. – 456 с.

163 Ориентиры культурной политики XXI века: актуальные исследовательские тренды: кол. монография / Л. Б. Зубанова, Н. Л. Зыховская, А. Ю. Чикичева, С. Б. Синецкий, М. Л. Шуб. – Челябинск : Челябинский гос. ин-т культуры, 2019. – 175 с.

164 Павлов, С. О. Информационно-интегративная роль культурно-образовательного пространства вуза / С. О. Павлов // Культурная жизнь Юга России. – 2007. – № 4. – С. 16–18.

165 Парсонс, Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс; пер. Т. Н. Федоровская, Н. В. Осипова; ред. и вступ. ст. В. Ф. Чеснокова. – Москва : Академический проект, 2002. – 880 с.

166 Парсонс, Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения / Т. Парсонс; пер. Н. Л. Полякова // THESIS. – 1993. – Вып. 2. – С. 94–122.

167 Пашкевич, О. Н. Бригады коммунистического труда и технический прогресс / О. Н. Пашкевич, П. Н. Сердюков; Акад. наук БССР. Ин-т экономики. Минск : Изд-во Акад. наук БССР, 1962. – 153 с.

168 Певная, М. В. Динамика студенческого волонтерства в Свердловской области / М. В. Певная, А. А. Кузьминчук // Вестник Пермского

национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2016. – № 4. – С. 135–148.

169 Петров, Л. В. Массовая коммуникация и искусство / Л. В. Петров. – Ленинград : ЛГИТМИК, 1976. – 159 с.

170 Писаренко, Е. А. Информационное культурно-образовательное пространство вуза как фактор повышения социальной компетенции студентов гуманитарных вузов / Е. А. Писаренко // Информационные технологии в гуманитарном образовании : матер. II междунар. науч. конфер. (Пятигорск, 22–23 апреля 2009 г.). – Пятигорск : Пятигорский гос. лингвистический ун-т, 2009. – С. 366–371.

171 Платонова, Ю. Ю. Добровольчество как кадровый ресурс деятельности социальных организаций / Ю. Ю. Платонова // Человек и образование. – 2020. – № 3. – С. 107–111.

172 Поликарпова, Е. В. Воздействие современных информационно-коммуникационных технологий на сознание человека и конструирование социальной реальности : дис. д-ра филос. наук / Поликарпова Елена Витальевна. – Ростов-на-Дону, 2011. – 330 с.

173 Попова, И. В. Мотивация к просоциальному поведению как детерминанта развития волонтерского движения / И. В. Попова, Е. А. Серова // Вестник Костромского государственного университета. Серия : Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2021. – Т. 27. – № 1. – С. 53–58.

174 Похилько, А. Д. Социокультурная автономия сознания / А. Д. Похилько // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2005. – № 41. – С. 31–39.

175 Похилько, А. Д. Социокультурная автономность сознания: философско-антропологическое измерение : дис. д-ра филос. наук / Похилько Александр Дмитриевич. – Ставрополь, 2007. – 351 с.

176 Проказина, Н. В. Реализация добровольческого (волонтерского) потенциала в России / Н. В. Проказина, Н. Ю. Бобылева, Н. Н. Хатнюк // Научный результат. Социология и управление. – 2019. – № 2. – С. 47–56.

177 Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / ред. А. В. Брушлинский. – Москва: Ин-т психологии РАН, 1997. – 574 с.

178 Психологические механизмы регулирования социального поведения / ред. и сост. М. И. Бобнева, Е. В. Шорохова. – Москва: Наука, 1979. – 336 с.

179 Пустовойтов, В. Н. Познавательная самостоятельность – ключевая компетенция и компетентность личности / В. Н. Пустовойтов // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2010. – № 3. – С. 290–249.

180 Путрик, Ю. С. Проблемы формирования качественной культурной среды как фактора устойчивого развития региона / Ю. С. Путрик // Культурологический журнал. – 2020. – № 2. – С. 5. – DOI : 10.34685/НЛ.2020.63.74.003.

181 Радченко, О. А. Академическая мобильность в российских условиях / О. А. Радченко // Высшее образование в России. – 2012. – № 8–9. – С. 57–61.

182 Революция и культура : сквозь призму времени / К. Э. Разлогов, Л. В. Романова, Н. Б. Кирилова и др.; ред. Н. Б. Кирилова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. – 222 с.

183 Ревякина, В. И. Аксиологические проблемы культуры и образования современной молодежи / В. И. Ревякина // Образование и наука. – 2015. – № 5. – С. 15–26.

184 Региональная культурная политика: методология, институты, практики (ценностно-нормативный подход) / И. И. Горлова, Т. В. Коваленко, А. В. Крюков [и др.]: коллективная монография. – Москва : Институт Наследия, 2019. – 206 с.

185 Родина, Л. Л. Из истории университетов / Л. Л. Родина, Н. В. Николаева, А. И. Пономарёв // Вестник СПбГУ. Серия 4. Физика. Химия. – 2015. – № 4. – С. 405–427.

186 Руднев, В. П. Словарь культуры XX века / В. П. Руднев. – Москва : Аграф, 1999. – 384 с.

187 Руководство по некоммерческим организациям в Системе национальных счетов / Статистический отдел Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН. – Нью-Йорк : Организация Объединенных Наций, 2006. – 376 с.

188 Русякова, Е. Е. Социально-психологические аспекты волонтерской деятельности студентов-психологов / Е. Е. Русякова, Е. М. Разумова, Е. Ю. Шпаковская // Перспективы науки и образования. – 2019. – № 1. – С. 301–315.

189 Сборник волонтерских практик в сфере культуры: методические рекомендации / Н. И. Горлова, Д. Т. Маковецкая. – Москва : Б. и., 2019. – 120 с.

190 Сборник лучших волонтерских практик в сфере культуры Свердловской области / Министерство культуры Свердловской области. – Екатеринбург : Инновационный культурный центр, 2022. – 102 с.

191 Семенова, О. А. Особенности волонтерской деятельности в медицинском университете / О. А. Семенова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2019. – № 9–2. – С. 24–27.

192 Симонова, О. А. Эмоциональные императивы позднесовременного общества и их социальные последствия // Социологический журнал. – 2021. – Т. 27. – № 2. – С. 25–45. – DOI: 10.19181/socjour.2021.27.2.8084.

193 Синецкий, С. Б. Волонтерство в контексте культурной политики современной России / С. Б. Синецкий. – Челябинск : Челябинская гос. академия культуры и искусства, 2006. – 136с.

194 Синецкий, С. Б. Культурная политика в контексте противоречий разнообразия и идентичности / С. Б. Синецкий, М. Л. Шуб // Вестник культуры и искусства. – 2021. – № 3. – С. 75–84.

195 Синецкий, С. Б. Культурная политика как отражение норм социального взаимодействия / С. Б. Синецкий // Вестник Московского

государственного университета культуры и искусства. – 2020. – № 5. – С. 82–89. – DOI: 10.24412/1997-0803-2020-597-82-89.

196 Синецкий, С. Б. Событийность в культурной политике: технологические аспекты формирования позитивной культурно-досуговой среды поселений / С. Б. Синецкий // Научные школы. Молодежь в науке и культуре XXI в. : матер. междунар. науч. форума (Челябинск, 31 октября – 03 ноября 2017 г.). – Челябинск : Челябинский гос. ин-т культуры, 2017. – С. 273–278.

197 Синецкий, С. В. Эволюция добровольчества: история становления новой социальной парадигмы / С. В. Синецкий // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Социально-гуманитарные науки. – 2006. – № 17. – С. 104–107.

198 Система статистики культуры ЮНЕСКО – 2009 (ССК) / Институт статистики ЮНЕСКО. – Монреаль: ЮНЕСКО, 2010. – 97 с.

199 Современная зарубежная социальная психология / ред. Г. М. Андреева. – Москва : Издательство Московского университета, 1984. – 256 с.

200 Соловьёв, А. П. Развитие волонтерского движения в сфере сохранения культурного наследия России / А. П. Соловьёв // Львовские чтения : сб. матер. I всерос. науч.-практ. конфер. (Астрахань, 08–09 ноября 2022 г.). – Астрахань : Астраханский гос. архитектурно-строительный ун-т, 2023. С. 15–23.

201 Соловьёв, А. П. Система организации волонтерских практик по сохранению и популяризации объектов культурного наследия в регионах России / А. П. Соловьёв // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : программа и тез. докл. участ. VIII междунар. науч. форума (Краснодар, 22–25 сентября 2022 г.). – Москва : Институт Наследия, 2022. – С. 185. – DOI : 10.34685/NI.2022.78.26.001.

202 Сорвина, Т. А., Шмакова, А. Д. Актуальные аспекты развития проектного управления в социально-культурной сфере / Т. А. Сорвина,

А. Д. Шмакова // Петербургский экономический журнал. – 2017. – № 2. – С. 48–54.

203 Стандарт работы организатора добровольческой/волонтерской деятельности / А. П. Метелев, А. В. Губани, А. В. Ивиева. – Москва : Изд-во Ассоциации волонтерских центров, 2021. – 149 с.

204 Старовойтова, Л. И. Зарубежный опыт управления волонтерскими ресурсами в учреждениях культуры / Л. И. Старовойтова, Н. И. Горлова // Культура и образование : научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. – 2020. – №1. – С. 82–90.

205 Стегний, В. Н., Никонов, М. В. Мотивация волонтерской деятельности / В. Н. Стегний, М. В. Никонов // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2018. – № 1. – С. 146–156.

206 Степанов, С. С. Мифы и тупики поп-психологии / С. С. Степанов. – Ростов на Дону : Феникс, 2006. – 232 с.

207 Стёпин, В. С. Культура / В. С. Стёпин // Новая философская энциклопедия: в 4 тт. – Москва : Мысль, 2010. – Т. 2. – С. 341–347.

208 Товбин, К. М. Феноменология традиционной духовности / К. М. Товбин // Вестник Пермского университета. – 2013. – № 3. – С. 114–122.

209 Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер; пер. с англ. яз. Л. М. Бурмистрова, К. Л. Татаринов. – Москва : АСТ, 2010. – 800 с.

210 Туманова, А. С. Система взаимодействия публичной власти и общественных организаций в Российской империи, РСФСР и СССР: сравнительный анализ моделей / А. С. Туманова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. – 2017. – Т. 3. – № 1. – С. 35–42.

211 Фалеева, Л. В. Модель внеучебной воспитательной деятельности вуза как фактор повышения культуры студенческой молодежи / Л. В. Фалеева // Новое слово в науке : стратегии развития : сб. матер. II междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 22 октября 2017 г.): в 2-х т. – Чебоксары : Интерактив Плюс, 2017. – Т. 1. – С. 121–124.

212 Фицпатрик, Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е гг. / Ш. Фицпатрик ; пер. с англ. Л. Ю. Пантиной. – Москва : РОССПЭН, 2001. – 335 с.

213 Флиер, А. Я. Культурная политика как отражение господствующей идеологии / А. Я. Флиер // Государственное управление и развитие России: проектирование будущего : сб. ст. международной конференц-сессии (Москва, 17–21 мая 2021 г.). – Москва : Научная библиотека, 2022. – С. 401–406.

214 Флиер, А. Я. Нормативная теория культуры как дихотомическая модель / А. Я. Флиер // Вопросы культурологии. – 2019. – № 4. – С. 29–36.

215 Флиер, А. Я. Феномен культурной формы // Культура культуры. – 2020. – № 2. – С. 2.

216 Франкл, В. Человек в поисках смысла : сборник / В. Франкл; пер. с англ. и нем. Д. А. Леонтьев, М. П. Папуш, Е. В. Эйдман; ред. Л. Я. Гозман, Д. А. Леонтьев; вст. ст. Д. А. Леонтьев. – М. : Прогресс, 1990. — 368 с.

217 Фуко, М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж, де Франс в 1981–1982 учебном году / М. Фуко; пер. с фр. А. Г. Погоняйло. – Санкт-Петербург : Наука, 2007. – 677 с.

218 Хабермас, Ю. Теория коммуникативной деятельности / Ю. Хабермас; пер. с немец. яз. А. К. Судакова. – Москва : Весь мир, 2022. – 191 с.

219 Хубиев, Б. Б. Оценка стратегии социально-экономических преобразований в постсоветской России: региональное измерение / Б. Б. Хубиев, А. М. Кумыков, З. А. Атабиева // Стратегии развития России и социальная работа : матер. докл. и сообщ. всерос. науч.-теорет. конфер. (Ростов-на-Дону, 5–6 декабря 2019 г.). – Ростов-на-Дону; Таганрог : Изд-во Южного федерального ун-та, 2019 – С. 172–178.

220 Хубиев, Б. Б. Социальная сфера в пространстве и времени: вопросы теории / Б. Б. Хубиев, А. Ф. Кушхова, З. А. Атабиева // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2–1. – С. 727.

221 Цраева, Ф. В. Волонтерство в контексте государственной культурной политики Российской Федерации / Ф. В. Цраева // Культурное

наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : программа и тез. докл. участ. VIII междунар. науч. форума (Краснодар, 22–25 сентября 2022 г.). – Москва : Институт Наследия, 2022. – С. 202–203. – DOI: 10.34685/НИ.2022.78.26.001.

222 Цраева, Ф. В. Воспитательная система Северо-Кавказского государственного института искусств : метод. разработка / Ф. В. Цраева. – Нальчик : Принт Центр, 2021. – 168 с.

223 Цраева, Ф. В. Диагностика культуры студента-волонтера / Ф. В. Цраева // Общество: социология, психология, педагогика. – 2022. – № 9. – С. 46–52. – DOI : 10.24158/spp.2022.9.

224 Цраева, Ф. В. Жизненный мир студента-волонтера в механизмах воспроизводства культуры / Ф. В. Цраева // Наследие веков. – 2023. – № 1. – С. 67–81. – DOI : 10.36343/SB.2023.33.1.006.

225 Цраева, Ф. В. Качитативные методы изучения студенческого волонтерского движения / Ф. В. Цраева // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : сб. науч. ст. по итогам VI междунар. науч. форума. – Москва : Институт Наследия, 2021. – С. 342–352. – DOI : 10.34685/НИ.2021.95.54.020.

226 Цраева, Ф. В. Культурные смыслы и риски волонтерского движения в эпоху цифровизации / Ф. В. Цраева // Мир культуры глазами молодых исследователей : тез. докл. XLVI науч.-практ. конфер. (Пермь, 20–23 апреля 2021 г.). – Пермь : Пермский гос. ин-т культуры, 2021. – С. 100–103.

227 Цраева, Ф. В. Методы исследования культурных смыслов волонтерского движения / Ф. В. Цраева // Аспирант. – 2021. – № 4. – С. 193–196.

228 Цраева, Ф. В. Методы исследования культурных смыслов молодежного волонтерского движения в эпоху цифровизации / Ф. В. Цраева // Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых ученых : матер. VII междунар. науч.-практ. конфер. (Грозный, 28–29 мая 2021 г.). – Махачкала : Алеф, 2021. – С. 456–460.

229 Цраева, Ф. В. Приоритеты студента-волонтера в культуре региона: на примере опроса студентов Кабардино-Балкарии / Ф. В. Цраева, А. И. Рахаев // Культурная жизнь Юга России. – 2021. – № 2. – С. 125–143. – DOI : 10.24412/2070-075X-2021-2-125–143.

230 Цраева, Ф. В. Проблема кризиса жизненного мира студента-волонтера / Ф. В. Цраева, Л. Н. Кондратьева // Культура и время перемен. – 2022. – № 1.

231 Цраева, Ф. В. Социокультурный потенциал студенческого волонтерского движения: перспективы развития / Ф. В. Цраева // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : программа и тез. докл. участ. IX междунар. науч. форума (Краснодар, 21–24 сентября 2023 г.). – Москва : Институт Наследия, 2023. – С. 229–230. – DOI : 10.34685/НИ.2023.41.85.006.

232 Цраева, Ф. В. Студенческое волонтерское движение как субъект культурной политики / Ф. В. Цраева // Культурное наследие России. – 2023. – № 1. – С. 40–49. – DOI : 10.34685/НИ.2023.40.1.006.

233 Цраева, Ф. В. Формирование досуговой культуры молодежи в рамках волонтерского движения / Ф. В. Цраева // Инновационные аспекты развития науки и техники : сб. ст. X междунар. науч.-практ. конфер. (Саратов, 23 июня 2021 г.). – Саратов : КДУ; Добросвет, 2021. – С. 228–235. – DOI: 10.31453/kdu.ru.978-5-7913-1189-4-2021-386.

234 Цраева, Ф. В. Формирование ценностей волонтерства в аспекте воспитания и социализации российской молодежи / Ф. В. Цраева // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – № 75–1. – С. 235–237.

235 Цраева, Ф. В. Экспериментальная модель самодиагностики управления вузом волонтерской работы студентов / Ф. В. Цраева, А. И. Рахаев // Актуальные вопросы организации волонтерской деятельности в рамках подготовки к крупным международным мероприятиям: лингвопереводческий, психолого-педагогический, организационно-управленческий и социальный

аспекты : сб. мат. VIII междунар. науч.-практ. конф. (Красноярск, 11–12 ноября 2021 г.). – Красноярск : Б. и., 2022. – С. 71–76.

236 Шабаева, М. О. Волонтерство в контексте государственной культурной политики Российской Федерации / М. О. Шабаева, Ф. В. Цраева. – Нальчик: Принт Центр, 2021. – 268 с.

237 Шереужева, О. Х. Теория молодежи как методология исследования молодежной культуры и субкультуры / О. Х. Шереужева, Б. Б. Хубиев // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2020. – № 1. – С. 25–30.

238 Шлыкова, О. В. Цифровое потребление культурного контента в условиях «новой нормы» дистанционного мира / О. В. Шлыкова // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2020. – № 5. – С. 160–169. – DOI : 10.24412/1997-0803-2020-597-160-169.

239 Шоттер, Дж. М. М. Бахтин и Л. С. Выготский: интериоризация как «феномен границы» // Вопросы психологии. – 1996. – №6. – С. 107–117.

240 Шульга, О. А. Педагогические условия стимулирования познавательной самостоятельности личности / О. А. Шульга // Среднее профессиональное образование. – 2010. – № 4. – С. 16–18.;

241 Щедровицкий, Г. П. Знак и деятельность. Книга I : Структура знака: смыслы, значения, знания. 14 лекций 1971 г. / Г. П. Щедровицкий. – Москва : Восточная литература, 2005. – 463 с.

242 Щедровицкий, Г. П. Знак и деятельность. Книга II : Понимание и мышление. Смысл и содержание. 7 лекций 1972 г. / Г. П. Щедровицкий. – Москва : Восточная литература, 2006. – 353 с.

243 Щедровицкий, Г. П. Знак и деятельность. Книга III : Методологический подход в языковедении. 11 лекций 1972–1979 гг. / Г. П. Щедровицкий. – Москва : Восточная литература, 2007. – 448 с.

244 Щедровицкий, Г. П. О методе исследования мышления / Г. П. Щедровицкий. – Москва : Институт развития, 2006. – 600 с.

245 Энциклопедия нематериального культурного наследия России. Посвящается Году культурного наследия народов России / пред. науч.-ред.

совета С. Ю. Житенёв. – Москва : Институт Наследия, 2022. – 576 с. – DOI : 10.34685/НИ.2022.58.44.003.

246 Эскин, М. Основные пути развития социалистических форм труда / М. Эскин. – 2-е изд., доп. и перераб. – Ленинград : Социально-экономическое изд-во., 1936. – 237 с.

247 Юдина, А. И. Формирование социально-культурной толерантности студенческой молодежи в образовательной среде вуза / А. И. Юдина // Мир науки, культуры, образования. – 2015. – № 5. – С. 168–170.

248 Юрманова, С. В. Добровольчество в сфере культуры: нормативно-правовой аспект // Библиотечное дело. – 2019. – № 5. – С. 38–39.

249 Юсупов, Р. А. Наследие Универсиады и приобретения университета / Р. А. Юсупов // Теория и практика физической культуры. – 2014. – № 1. – С. 42–44.

250 Якубовский, Э. Я. Профсоюзы в борьбе за коллективизации в деревне / Э. Я. Якубовский. Москва : Изд-во ВЦСПС; Ленинград : Гос. изд-во, 1930. – 63 с.

251 Якутина, О. И. Социальные практики успеха: дискурс повседневности и социально-философское понятие : дис. д-ра филос. наук / Якутина Ольга Ивановна. – Краснодар, 2011. – 383 с.

252 Ясницкий, А. «Когда б вы знали, из какого сора...» : К определению состава и хронологии создания основных работ Выготского / А. Ясницкий // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». – 2012. – № 4. – С. 1–52.

253 Alexander, A. A Student Volunteer Program Takes Patient Satisfaction to the Next Level / A. A. Alexander // Oncology Issues. – 2017. – Vol. 32. – Is. 5. – P. 14–19.

254 Bakumenko, G., Hierarchical Metamodel of Communication in the Experience of Resacralization of Spiritual Practics / G. Bakumenko, I. Biryukov, N. Scherbak, A. Luginina // Galactica Media : Journal of Media Studies. 2023. – Vol. 5. – Is. 2. – P. 15–45. – DOI : 10.46539/gmd.v5i2.298.

255 Bell, D. *The Social Framework of the Information Society* / D. Bell // *The Microelectronics Revolution*. – Oxford : Blackwell, 1980. – P. 500–549.

256 Blumer, H. *Collective Behavior*. Chapt. XIX–XXII / H. Blumer // *New Outline of the Principles of Sociology*. – New York, 1951. – P. 167–221.

257 Byock, I. *The Best Care Possible : A Physician's Quest to Transform Care through the End of Life* / I. Byock. – New York : Avery Publishing Group, 2012. – 336 p.

258 *Convention on the Protection and Promotion of the Diversity of Cultural Expressions* / The General Conference of the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, meeting in Paris from 3 to 21 October 2005 at its 33rd session. – Paris : UNESCO. – 16 p.

259 Craig, R. T. *Communication Theory as a Field* / R. T. Craig // *Communication Theory*. – 1999. – Vol. 9. – Is. 2. – P. 119–161.

260 Craig, R. T., Tracy, K. *Building Grounded Practical Theory in Applied Communication Research : Introduction to the Special Issue* / R. T. Craig, K. Tracy // *Journal of Applied Communication Research*. – 2014. – Vol. 42. – Is. 3. – P. 229–243.

261 *Framework for Cultural Statistics (FCS)* / UNESCO; Institute for Statistics (UIS). – Montreal : UNESCO, 2009. – 98 p.

262 Froggatt, K. *A System Lifeworld Perspective on Dying in Long Term Care Settings for Older People : Contested States in Contested Places* / K. Froggatt, J. Hockley, D. Parker, K. Brazil // *Health & Place*. – 2011. – Vol. 17. – Is. 1. – P. 63–268.

263 Gaskin, K. *A New Civic Europe?* / K. Gaskin, J. D. Smith; [3rd Ed]. – London : The Volunteer Centre, 1997. – 128 p.

264 *Global Civil Society: Dimensions of the Non-profit Sector* / L. M. Salamon, H. K. Anheier, R. List [and etc.]; Johns Hopkins University. – Baltimore, Maryland : Institute for Policy Studies, 1999. – 32 p.

265 Handbook on Non-Profit Institutions in the System of National Accounts / Department of Economic and Social Affairs Statistics Division. – New York : UN, 2003. – ix, 316 p.

266 Harper, S. Civic Training in Soviet Russia / S. N. Harper. – Chicago : University of Chicago Press, 1929. – 425 p.

267 Hebdige, D. Subculture: The meaning of style / D. Hebdige. – London; New York : Routledge, 1979. – 208 p.

268 Holmes, K. A Continuum of University Student Volunteer Programme Models / K. Holmes, M. Paull, D. Haski-Leventhal // Journal of Higher Education Policy and Management. – 2021. – Vol. 43. – Is. 3. – P. 281–297.

269 Lee, M. M. Covid-19: agnotology, inequality, and leadership / M. M. Lee // Human Resource Development International. – 2020. – Vol. 23. – Is. 4. – P. 333–346.

270 Leithaeuser, T. Subjectivity, Lifeworld, and Work Organization / T. Leithaeuser // Frontiers of Education in China. – 2010. – Vol. 5. – Is. 3. – P. 312–328.

271 Levin, M. The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia / M. Levin. – New York : The New Press, 1985. – 368 p.

272 Lyons A., Kashima Y. The Reproduction of Culture: Communication Processes Tend to Maintain Cultural Stereotypes // Social Cognition. – 2001. – Vol. 19. – Is. 3. – P. 372–394.

273 Martindale, C. The Clockwork Muse: The Predictability of Artistic Change / C. Martindale. – New York : Basic Books, 1990. – 411 p.

274 Musick, M. A., Wilson, J. Volunteers: A Social Profile: Philanthropic and Nonprofit Studies / M. A. Musick, J. Wilson. – 1st ed. – Bloomington : Indiana University Press, 2007. – 680 p.

275 Riesman, D., Glazer, N. The Lonely Crowd: A Study of the Changing American Character / D. Riesman, N. Glazer, R. Denney. – 2nd Ed. – New Haven; London : Yale University Press, 2001. – 392 p.

276 Rifkin, J. Who Should Play God? / J. Rifkin // The Artificial Creation of Life and What It Means for the Future of the Human Race. – New York : Dell Publishing, 1977. – 272 p.

277 Russi, A. E. Impact of an Education-Centered Medical Home on Quality at a Student-Volunteer Free Clinic / A. E. Russi, S. Bhaumik, J. J. Herzog [and etc.] // Medical Education Online. – 2018. – Vol. 23. – Is. 1. – Article 1505401. – DOI : 10.1080/10872981.2018.1505401.

278 Salamon, L. M., Anheier, H. K. The Emerging Nonprofit Sector: An Overview / L. M. Salamon, H. K. Anheier; Johns Hopkins Non-Profit Sector Series. – Manchester : Manchester University Press, 1996. – 168 p.

279 Shereuzheva, O. H., Khubiev, B. B., Atabieva, Z. A. Subcultural Activity as a Phenomenon of Interactive Exchange of a Person and Social Environment // Education in the Asia-Pacific Region. – 2022. – Vol. 65. – P. 59–67.

280 Smith, J. D. Volunteering Impact Assessment Toolkit: A Practical Guide for Assessing the Difference that Volunteering Makes / J. D. Smith, A. Ellis, K. Gaskin, S. Howlett, J. Stuart; [3rd Ed]. – London : NCVO, 2015. – 60 p.

281 System of National Accounts / United Nations. – Brussels; Luxembourg; Paris; Washington, D.C., New York : UN, 1993. – xxi, 814 p.

282 UNESCO Framework for Cultural Statistics (FKS) / UNESCO Institute for Statistics (UIS). – Montreal, 2009. – 98 p.

283 UNESCO Universal Declaration on cultural diversity / A document for the World Summit on Sustainable Development, Johannesburg, 26 August – 4 September 2002. – Paris : UNESCO, 2002. – 64 p.

284 White, L. The Evolution of Culture: The Development of Civilization to the Fall of Rome / L. White. – New York : Routledge, 2016. – 400 p.

285 Wongvatunyu, S., Porter, E. J. Helping Young Adult Children with Traumatic Brain Injury: The Life-World of Mothers / S. Wongvatunyu, E. J. Porter // Qualitative Health Research. – 2008. – Vol. 18. – Is. 8. – P. 1062–1074.

286 Wrubel, J. End of Living: Maintaining a Lifeworld During Terminal Illness / J. Wrubel, M. Acree, S. Goodman, S. Folkman // *Psychology & Health*. – 2009. – Vol. 24. – Is. 10. – P. 1229–1243.

287 Zhu, Y. Cultural Reproduction : Ethnic Festivals as Intangible Cultural Heritage in China / Zhu, Y., Liu, J. // *Loisir et Société*. – 2021. – Vol. 44. – Is. 3. – P. 415–428. – DOI : 10.1080/07053436.2021.1999090.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПОТЕНЦИАЛ ВОЛОНТЕРСКОГО ДВИЖЕНИЯ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

Преамбула

В основе опроса лежит адаптированная для российских условий методика изучения мотивации к волонтерской деятельности Катарини Гаскин и Дэвиса Смита¹ и опыт кросс-культурных исследований волонтерского движения ученых Университета Дж. Хопкинса². Авторитетность выбранных методик подтверждается использованием полученных с их помощью результатов в руководстве по некоммерческим организациям в Системе национальных счетов Статистического отдела Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН³, основывающихся на них и исследования мотивации к волонтерской деятельности Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ)⁴. Поэтому планируемые результаты сопоставимы с накопленным отечественным и зарубежным опытом.

Помимо адаптации понятийно-терминологического аппарата исследования авторским нововведением является сопоставление двух опросных методов, которое позволяет не только уточнить мотивацию студентов-волонтеров КБР, но и выявить приоритеты их интересов в

---

¹ Gaskin K., Smith J. D. A New Civic Europe? L., 1997.; Smith J. D., Ellis, A., Gaskin, K., Howlett, S., & Stuart, J. Volunteering Impact Assessment Toolkit: A Practical Guide for Assessing the Difference that Volunteering Makes (3rd ed.). L., 2015.

² Salamon L. M., and Anheier H. K. The Emerging Nonprofit Sector. Manchester, 1996; Salamon L. M., Anheier H. K., List R., Toepler S., Sokolowski S. W. Associates Global Civil Society: Dimensions of the Non-profit Sector / Johns Hopkins University. Baltimore, Maryland, 1999.

³ Handbook on Non-Profit Institutions in the System of National Accounts / Department of Economic and Social Affairs Statistics Division. N. Y., 2003; Руководство по некоммерческим организациям в Системе национальных счетов / Статистический отдел Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН. Нью-Йорк, 2006.

⁴ Нежина Т. Г., Петухова К. А., Четчикова Н. И., Миндарова И. С. Мотивация участия молодежи в волонтерском движении // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. № 3. С. 49–71. С. 51–52.

добровольческой деятельности, свидетельствующие о региональных особенностях потенциала волонтерского движения студентов. Особенностью исследования является дифференциация респондентов по году обучения, чтобы выяснить влияние вузов КБР на потенциал молодежного волонтерского движения, и два замера с интервалом в 1 год для фиксации динамики измеряемого потенциала.

Опросный лист А:

Ознакомление с областями волонтерской деятельности

Приглашаем ответить на вопросы о добровольной (волонтерской) деятельности, под которой понимается выполняемая Вами работа на бесплатной основе: любая помощь людям, не входящим в состав Вашей семьи или не относящимся к числу Ваших друзей. Например, некоторые люди могут работать два часа в неделю в больнице, помогая пациентам справиться с болезнями; другие могут оказывать помощь инвалидам, убирать парки и спортивные площадки или добровольно участвовать в местных пожарных дружинах, поисковых отрядах и пр. Ниже приводится перечень видов деятельности и областей, в которых люди традиционно трудятся на добровольных началах. Пожалуйста, внимательно с ними ознакомьтесь.

1. КУЛЬТУРА, ИСКУССТВО И РЕКРЕАЦИЯ: включают театры, музеи, зоопарки, аквариумы, исполнительские виды искусства, исторические и культурные общества, спортивные клубы, военно-патриотические организации, социальные клубы, клубы по оказанию услуг и т. п.

2. ОБРАЗОВАНИЕ И ИССЛЕДОВАНИЯ: включают общие, начальные и средние школы, высшие учебные заведения, профессиональные училища, центры образования для взрослых/непрерывного образования, научно-исследовательские учреждения.

3. ЗДРАВООХРАНЕНИЕ: включает больницы, реабилитационные центры, дома престарелых и инвалидов, психиатрические учреждения, центры профилактики, службы медицинской скорой помощи, санитаров-добровольцев.

4. СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛУГИ: включают службы по уходу за детьми, центры дневного ухода за детьми, службы по защите молодежи, службы помощи

семьям, услуги инвалидам, услуги престарелым, помощь беженцам и бездомным, приюты, пункты раздачи пищи.

5. ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА: включает охрану и сохранение окружающей среды, уборку и облагораживание территории, защиту животных и дикой природы, ветеринарные услуги.

6. РАЗВИТИЕ И ЖИЛИЩНАЯ СФЕРА: включают деятельность в области экономического и социального развития страны, жилищные ассоциации и помощь в жилищных вопросах.

7. ПРАВООЩИТНЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ: включают гражданские ассоциации, группы в защиту гражданских свобод, правозащитные организации, оказание юридических услуг, услуг в области предупреждения преступности и реабилитации правонарушителей, защиту прав потребителей.

8. ФИЛАНТРОПИЯ: включают фонды, бюро добровольцев, организации, собирающие средства.

9. РЕЛИГИЯ: включает церкви, синагоги, мечети и другие места отправления религиозных культов.

10. МЕЖДУНАРОДНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: включает программы обменов, дружеских встреч и культурной деятельности, международную чрезвычайную помощь в случае стихийных бедствий, международную деятельность в области защиты прав человека и мира, содействие развитию и оказание помощи.

11. ПРОФСОЮЗЫ И АССОЦИАЦИИ: включают ассоциации предприятий, предпринимателей, специалистов (медиков, деятелей культуры, журналистов и пр.).

12. ПРОЧЕЕ [просьба указать] _____

Опросный лист Б: Краткие сведения о респонденте

№	Укажите:	Ответ: Да (V)
1.	год Вашего обучения в вузе	
	1 курс (бакалавриат)	
	2 курс (бакалавриат)	
	3 курс (бакалавриат)	
	4 курс (бакалавриат)	
	1 курс (магистратура)	
	2 курс (магистратура)	
2.	Ваш пол	
	М	
	Ж	
3.	Вашу возрастную категорию	
	Младше 17 лет	
	17—18	
	19—20	
	21—22	
	23—24	
	Старше 25	

Опросный лист В: Мотивация к волонтерской деятельности

№	Я волонтер, потому что:	Оценка 1—10	Я не волонтер, потому что:	Оценка 1—10
1	хочу быть полезным, помочь нуждающимся		никто не обращался ко мне с такими предложениями	
2	получаю удовольствие		не вижу необходимости	
3	хочу бороться с определенной проблемой		никогда не задумывался об этом	
4	достаточно свободного времени		нет свободного времени	
5	хочу платить людям добром за добро		мне безразличны другие люди	
6	сам сталкивался с подобной проблемой		не считаю, что волонтеры реально решают какие-либо проблемы	
7	хочу получить полезные навыки, нужный мне опыт		волонтерская деятельность мешает учебе	
8	хочу познакомиться с новыми людьми, с единомышленниками		сторонюсь новых знакомств, избыток внимания мне только мешает	
9	это соответствует моим религиозным (или политическим) убеждениям		это не соответствует моим религиозным (или политическим) убеждениям	

Опросный лист Г: Приоритеты волонтерской деятельности

1. В какой из перечисленных областей, если таковые имеются, в течение прошлого месяца Вы лично занимались волонтерской деятельностью?

Укажите: _____

2. Занимались ли Вы волонтерской деятельностью в прошлом году в каких-либо областях? [см.: Опросный лист А].

Укажите: _____

3. Укажите, пожалуйста, примерное общее число часов, которое Вы в среднем потратили в месяц на каждую из областей, где Вы трудились на добровольных началах:

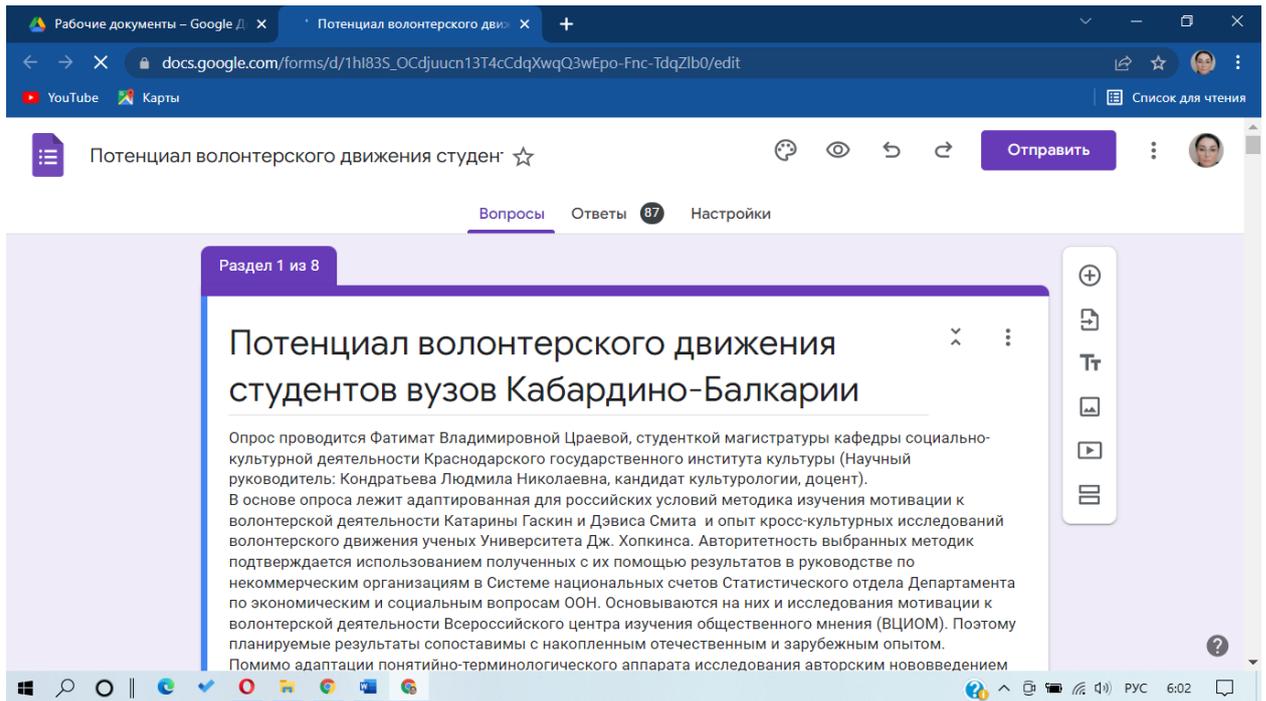
— Во-первых, на работу в прошлом месяце?

— Во-вторых, сколько часов в месяц Вы тратили в прошлом году?

[округляйте, пожалуйста, ответы по каждому виду деятельности до 10-ти часов: пустая клетка будет означать «менее 1 часа в месяц», за тем «до 10 часов», «до 20 часов», «до 30 часов» или «более 30 часов»]

№	Область	В прошлом месяце		В прошлом году	
		Да/нет	Кол-во часов	Да/нет	Кол-во час/мес.
1	Культура				
2	Образование и наука				
3	Здравоохранение				
4	Социальные услуги				
5	Окружающая среда				
6	Развитие и жил. сфера				
7	Правозащитные орг.				
8	Филантропия				
9	Религия				
10	Междунар. деятельность				
11	Профсоюзы и ассоциации				
12	Прочее				

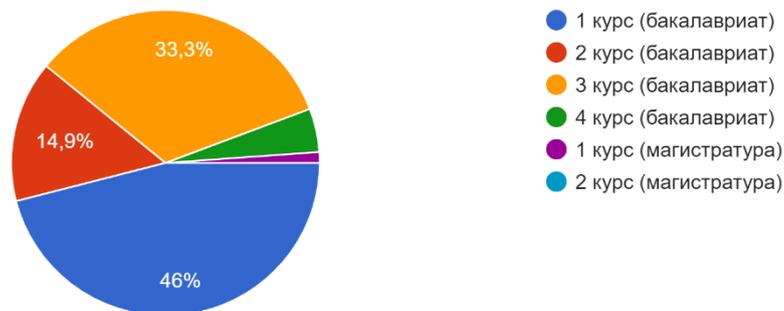
Визуализация данных Гугл-Форм
проекта модели социокультурного мониторинга потенциала
волонтерского движения студентов на примере опроса «Потенциал
волонтерского движения студентов вузов Кабардино-Балкарии»

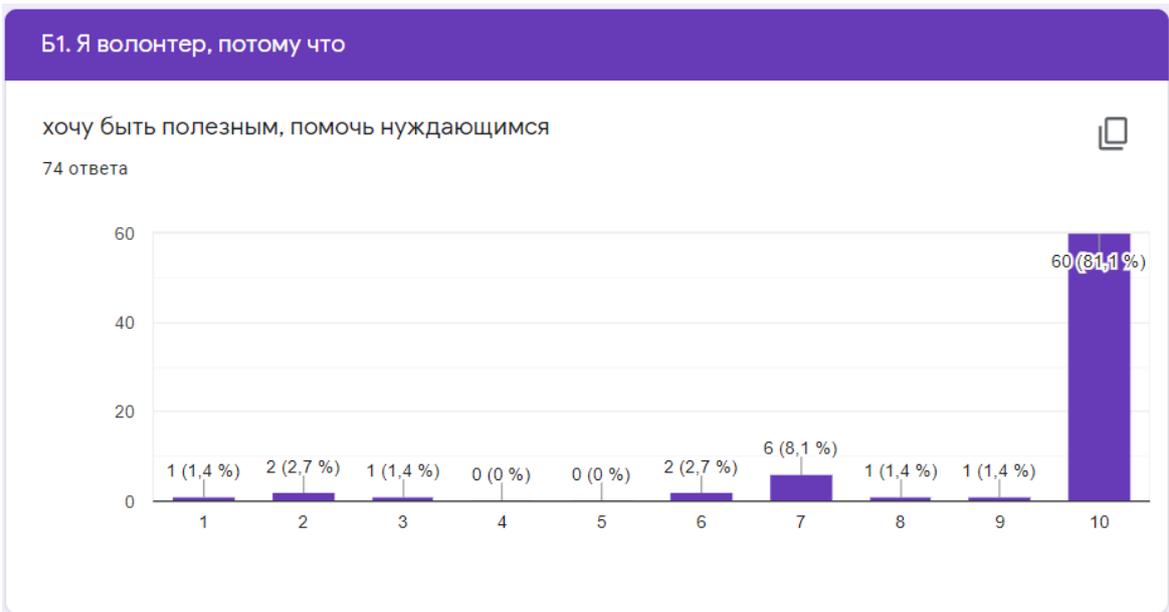
Рисунок 1. – Скриншот опросной модели в Гугл-формах

Укажите, пожалуйста, год Вашего обучения в вузе

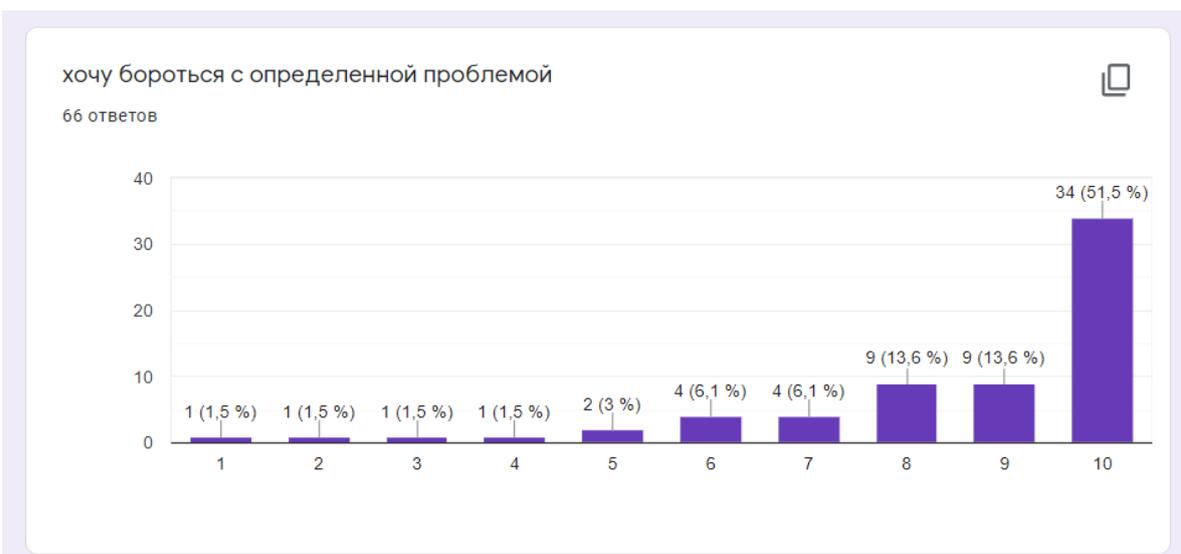
87 ответов

Рисунок 2. – Скриншот визуализации дифференциации респондентов по году обучения

Рисунок 3. – Скриншот визуализации одного из аргументов мотивации к волонтерской деятельности: «Хочу быть полезным, помочь нуждающимся»

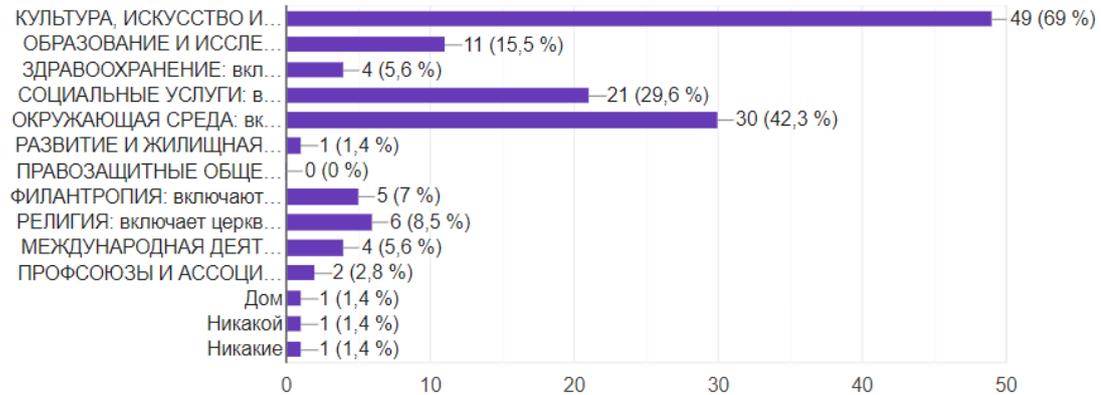
Рисунок 4. – Скриншот визуализации одного из аргументов мотивации к волонтерской деятельности: «Хочу бороться с определенной проблемой»

Опросный лист В: Приоритеты волонтерской деятельности

В какой из перечисленных областей, если таковые имеются, в течение прошлого месяца Вы лично занимались волонтерской деятельностью?

71 ответ

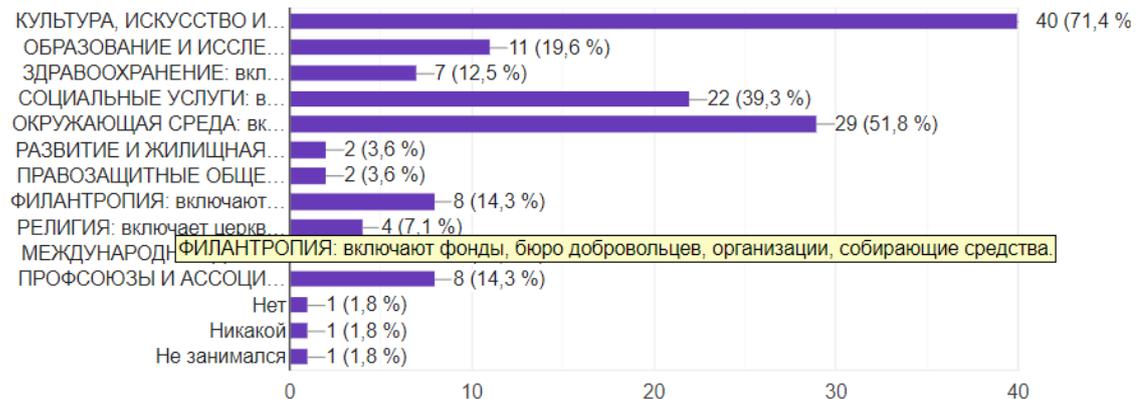

Рисунок 5. – Скриншот визуализации выбора респондентами видов волонтерской деятельности в прошлом месяце

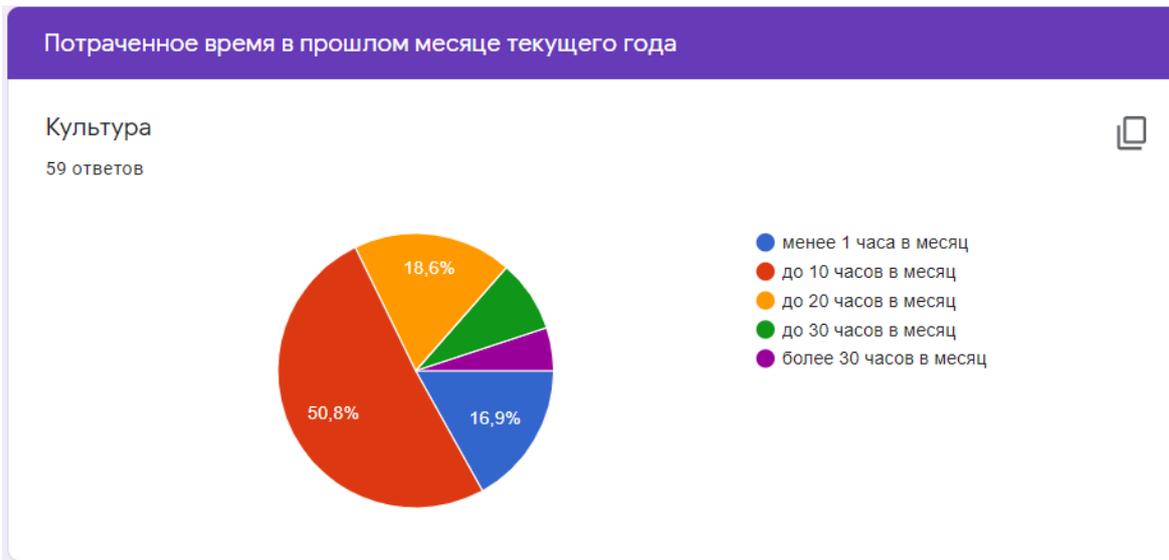
Занимались ли Вы волонтерской деятельностью в прошлом году в каких-либо областях?

56 ответов

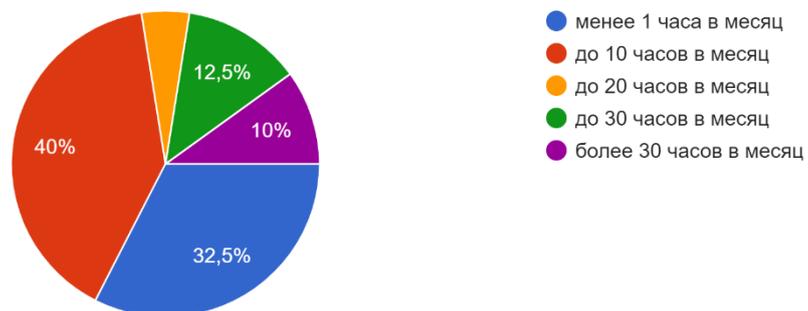

Рисунок 6. – Скриншот визуализации выбора респондентами видов волонтерской деятельности в прошлом году

Рисунок 7. – Скриншот визуализации потраченного респондентами времени на направление «Культура» в прошлом месяце

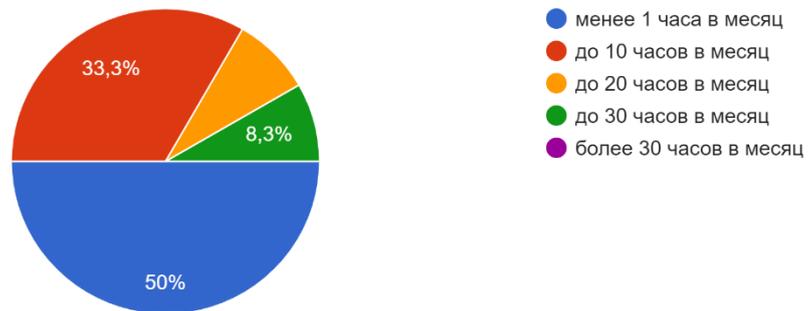
Образование и наука
40 ответов

Рисунок 8. – Скриншот визуализации потраченного респондентами времени на направление «Образование и наука» в прошлом месяце

Здравоохранение

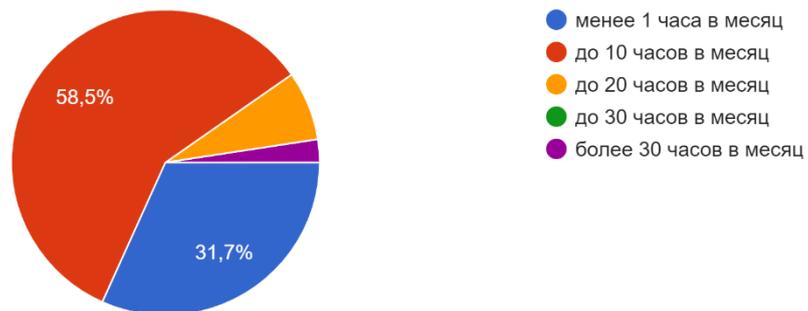
36 ответов

Рисунок 9. – Скриншот визуализации потраченного респондентами времени на направление «Здравоохранение» в прошлом месяце

Социальные услуги

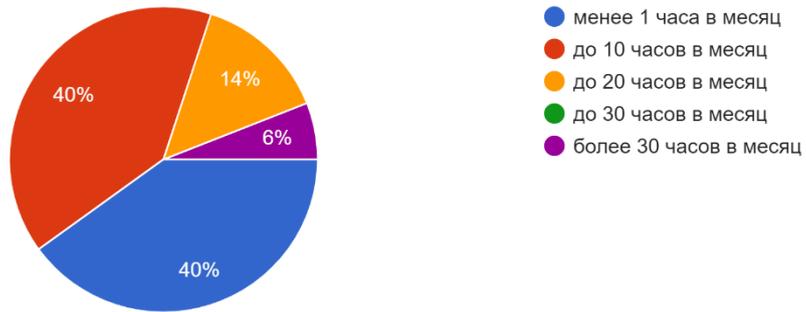
41 ответ

Рисунок 10. – Скриншот визуализации потраченного респондентами времени на направление «Социальные услуги» в прошлом месяце

Окружающая среда

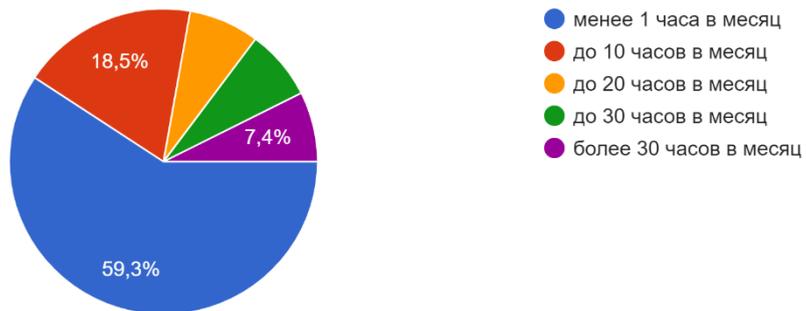
50 ответов

Рисунок 11. – Скриншот визуализации потраченного респондентами времени на направление «Окружающая среда» в прошлом месяце

Развитие и жилищная сфера

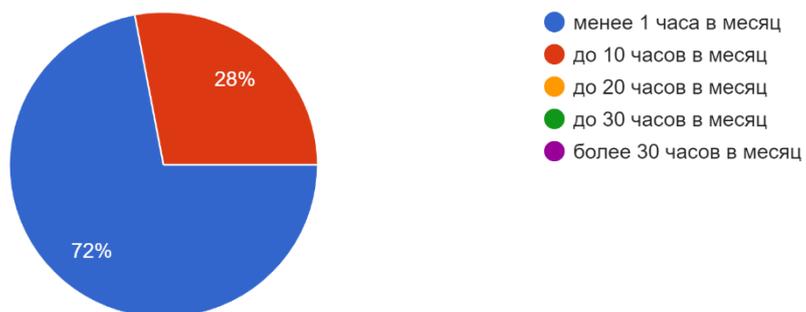
27 ответов

Рисунок 12. – Скриншот визуализации потраченного респондентами времени на направление «Развитие и жилищная сфера» в прошлом месяце

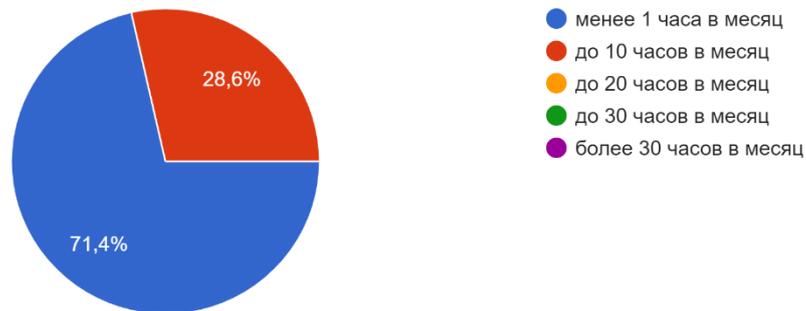
Правозащитные организации

25 ответов

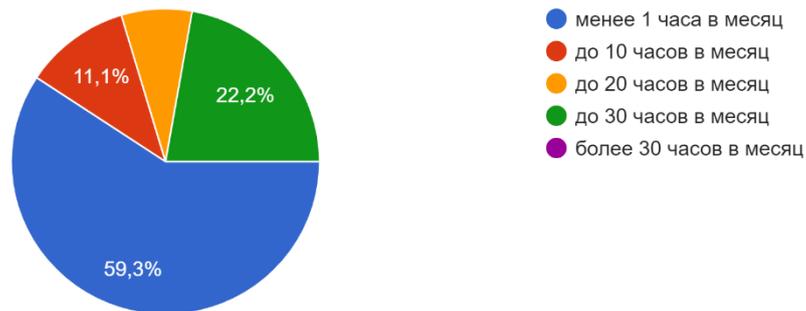
Рисунок 13. – Скриншот визуализации потраченного респондентами времени на направление «Правозащитные организации» в прошлом месяце

Филантропия
28 ответов

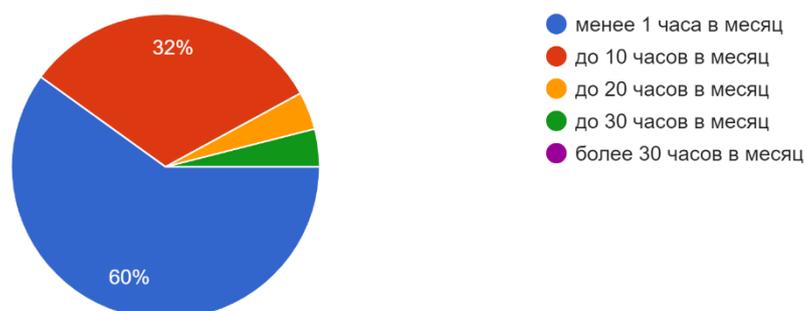
Рисунок 14. – Скриншот визуализации потраченного респондентами времени на направление «Филантропия» в прошлом месяце

Религия
27 ответов

Рисунок 15. – Скриншот визуализации потраченного респондентами времени на направление «Религия» в прошлом месяце

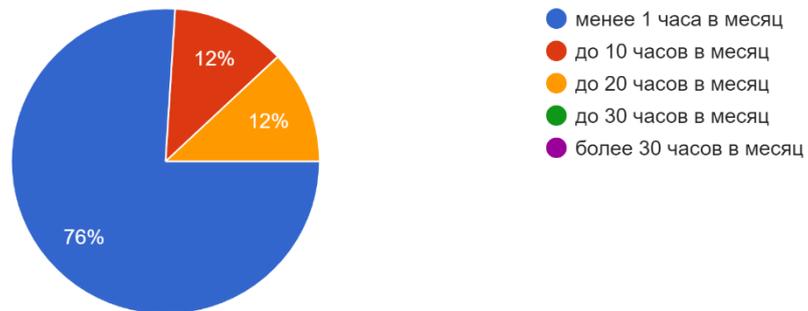
Международная деятельность
25 ответов

Рисунок 16. – Скриншот визуализации потраченного респондентами времени на направление «Международная деятельность» в прошлом месяце

Профсоюзы и ассоциации

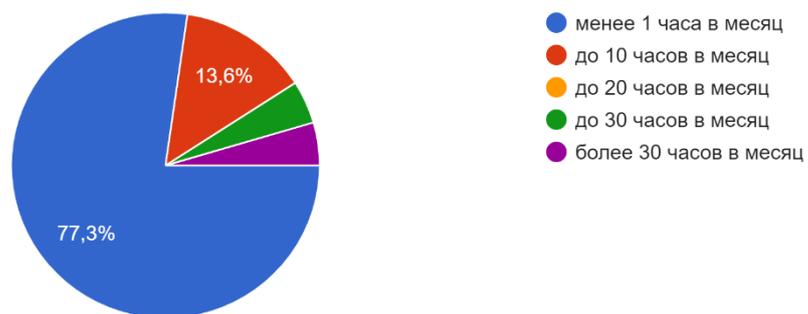
25 ответов

Рисунок 17. – Скриншот визуализации потраченного респондентами времени на направление «Профсоюзы и ассоциации» в прошлом месяце

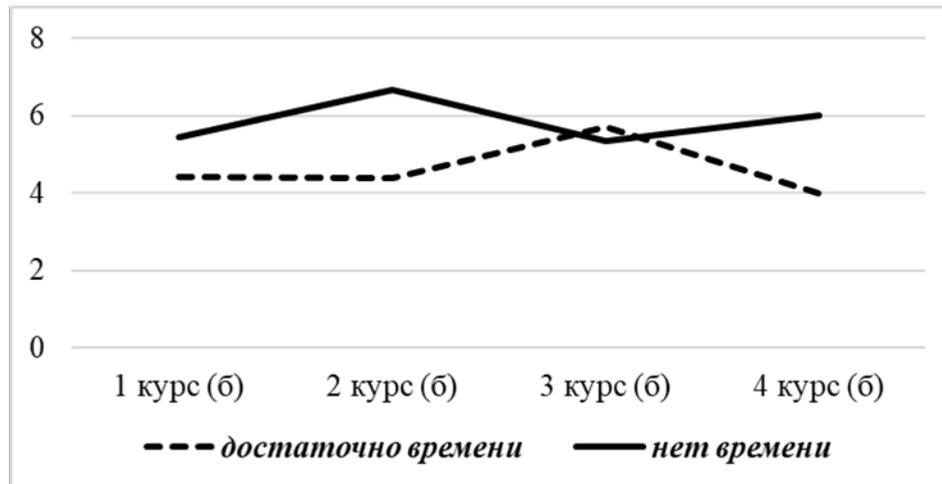
Прочее

22 ответа

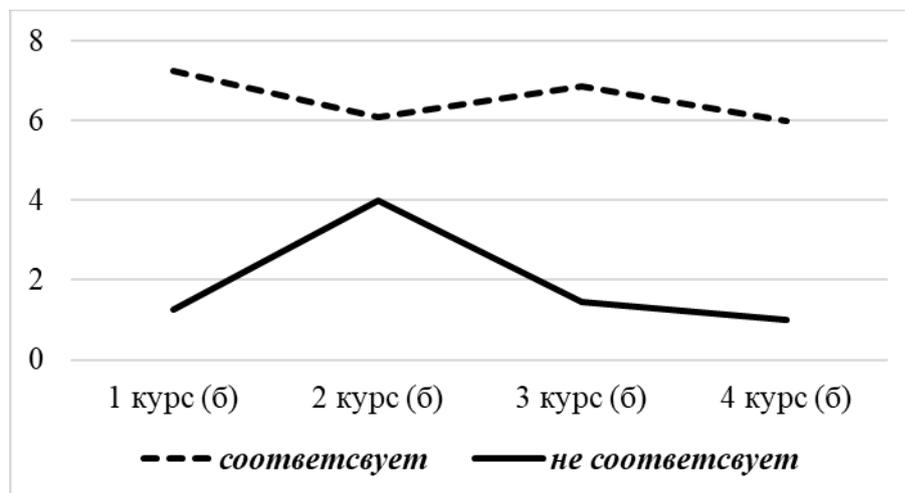

Рисунок 18. – Скриншот визуализации потраченного респондентами времени на направление «Прочее» в прошлом месяце

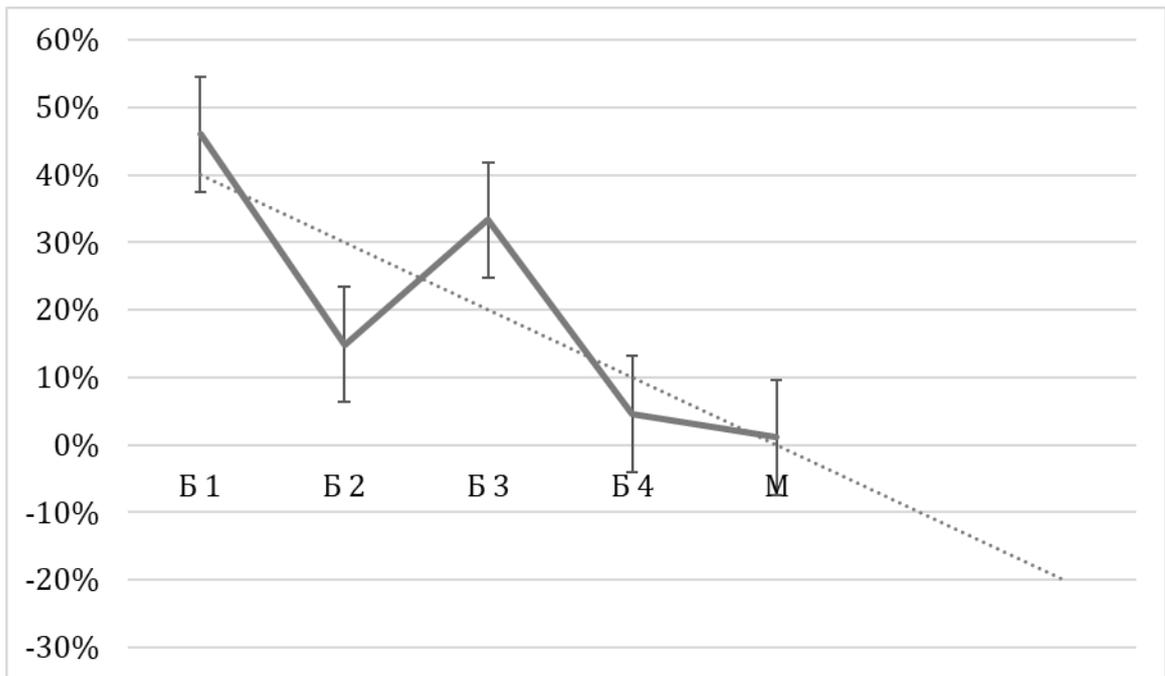
**Анализ данных модели социокультурного мониторинга
волонтерского движения на примере опроса «Потенциал волонтерского
движения студентов вузов Кабардино-Балкарии»**

Рисунок 19. – Динамика ценности времени для волонтерской деятельности у студентов КБР в зависимости от года обучения

Рисунок 20. – Динамика соответствия убеждений студентов КБР целям волонтерской в зависимости от года обучения

Рисунок 21. –Падение интереса студентов к опросу в зависимости от года обучения

Таблица 1. – Оценка студентами-волонтерами затраченного времени на добровольную деятельность в области культуры

затраченное время студентами-волонтерами в 2021 г. на культуру						
курс	менее 1 ч/м	до 10 ч/м	до 20 ч/м	до 30 ч/м	более 30 ч/м	средний индекс
1	20,7 %	58,6 %	10,3 %	3,4 %	6,9 %	11,31
2	12,5 %	62,5 %	12,5 %	12,5 %	33,3 %	14,67
3	10,0 %	40,0 %	35,0 %	15,0 %		15,6
4		66,7 %			33,3 %	16,67

Таблица 2. – Оценка студентами-волонтерами затраченного времени на добровольную деятельность в области охраны окружающей среды

затраченное время студентами-волонтерами в 2021 г. на охрану окр. среды						
курс	менее 1 ч/м	до 10 ч/м	до 20 ч/м	до 30 ч/м	более 30 ч/м	средний индекс
1	44,0 % 11	40,0 % 10	12,0 % 3		4,0 % 1	8,08
2		25,0 % 1	25,0 % 1		50,0 % 2	23
3	42,1 % 8	42,1 % 8	15,8 % 3			7,79
4	33,3 % 1	66,7 % 2				7

Таблица 3. – Оценка студентами-волонтерами затраченного времени на добровольную деятельность в области социальной работы

затраченное время студентами-волонтерами в 2021 г. на социальную работу						
курс	менее 1 ч/м	до 10 ч/м	до 20 ч/м	до 30 ч/м	более 30 ч/м	средний индекс
1	33,3 %	61,9 %	4,8 %			7,48
2			50,0 %		50,0 %	25,5
3	31,3 %	62,5 %	6,3 %			7,8
4	33,3 %	33,3 %	33,3 %			10,3

Таблица 4. – Оценка студентами-волонтерами затраченного времени на добровольную деятельность в области образования и науки

затраченное время студентами-волонтерами в 2021 г. на образование и науку						
курс	менее 1 ч/м	до 10 ч/м	до 20 ч/м	до 30 ч/м	более 30 ч/м	средний индекс
1	57,1 %	38,1 %		4,8 %		5,8
2			66 %,7		33,3 %	23,3
3		50,0 %		28,6 %	21,4 %	20
4	21,0 %	26,6 %		52,4 %		17,7

Таблица 5. – Гетерогенный и субъективные факторы мотивации волонтерской деятельности студентов КБР

Гетерогенный				Субъективный			
Аргумент	%	Контраргумент	%	Аргумент	%	Контраргумент	%
хочу быть полезным, помочь нуждающимся	80,3	никто не обращался ко мне с такими предложениями	25,9	получаю удовольствие	69	не вижу необходимости	8,2
хочу бороться с определенной проблемой	50	никогда не задумывался об этом	12,2	достаточно свободного времени	11,9	нет свободного времени	24
хочу познакомиться с новыми людьми, с единомышленниками	47,1	сторонюсь новых знакомств, избыток внимания мне только мешает	6,3	сам сталкивался с подобной проблемой	27,9	не считаю, что волонтеры реально решают какие-либо проблемы	8,3
это соответствует моим религиозным (или политическим) убеждениям	35,3	это не соответствует моим религиозным (или политическим) убеждениям	2,1	хочу получить полезные навыки, нужный мне опыт	57,4	волонтерская деятельность мешает учебе	8,3
потому что хочу платить людям добром за добро	58,6	потому что мне безразличны другие люди	6,3	потому что хочу платить людям добром за добро	58,6	потому что мне безразличны другие люди	6,3

**Таблица 6. – Сопоставление показателей аргументов
и контраргументов в пользу волонтерской деятельности студентов КБР**

№	Аргумент (А)	Показатель (А)	Показатель (В)	Контраргумент (В)
1	Хочу быть полезным и помочь нуждающимся	80,30%	37,00%	Никто не обращался ко мне с таким предложением
2	Получаю удовольствие	69,00%	65,30%	Не вижу необходимости
3	Хочу бороться с определенной проблемой	50,00%	46,90%	Никогда не задумывался об этом
4	У меня достаточно свободного времени	26,90%	24,00%	Нет свободного времени
5	Хочу платить людям добром за добро	58,60%	77,10%	Мне безразличны другие люди
6	Сам сталкивался с подобной проблемой	27,90%	68,80%	Не считаю, что волонтеры реально решают какие-либо проблемы
7	Хочу получить полезные навыки, нужный мне опыт	57,40%	54,20%	Волонтерская деятельность мешает учебе
8	Хочу познакомиться с новыми людьми, с единомышленниками	47,10%	58,30%	Сторонюсь новых знакомств, избыток внимания мне только мешает
9	Это соответствует моим религиозным (или политическим) убеждениям	35,30%	77,10%	Это не соответствует моим религиозным (или политическим) убеждениям

**МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
ИСКУССТВ»**

КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 1

Тел/факс (866-2) 40-48-17; 40-74-00

ВЫ П И С К А

из протокола

Заседания Ученого Совета

Северо-Кавказского государственного института искусств

№6 от 22 апреля 2021г

Присутствовало 19 из 25 членов Ученого Совета
(список прилагается)

Слушали:

1.Цраевау Ф.В. с Концепцией воспитательной работы вуза, изложившую ее основные положения, среди которых:

- опора на правовые документы и локальные акты, лежащие в основе правового обеспечения воспитательного процесса;
- необходимость планирования и проектирования воспитательной системы;
- разработка модели воспитательной деятельности, применительно к творческому вузу и конкретно к СКГИИ;
- основные задачи воспитательной работы и их реализации в СКГИИ.

Члены Ученого совета одобрили предложенную Концепцию, отметив системность изложения взглядов, основных идей и принципов, которые могут служить руководством в ее практической реализации.

Постановили:

- 1.Утвердить Концепцию воспитательной работы СКГИИ и прилагаемую к ней Программу воспитания студентов на 5-летний срок.
- 2.Рекомендовать материал Концепции к печатному изданию.

Председатель Ученого совета

А.И.Рахаев

Ученый секретарь совета

Л.Ж.Налоева